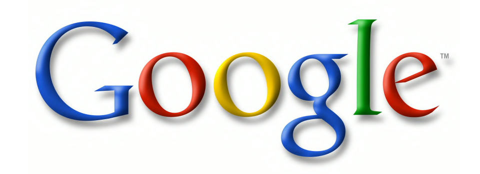
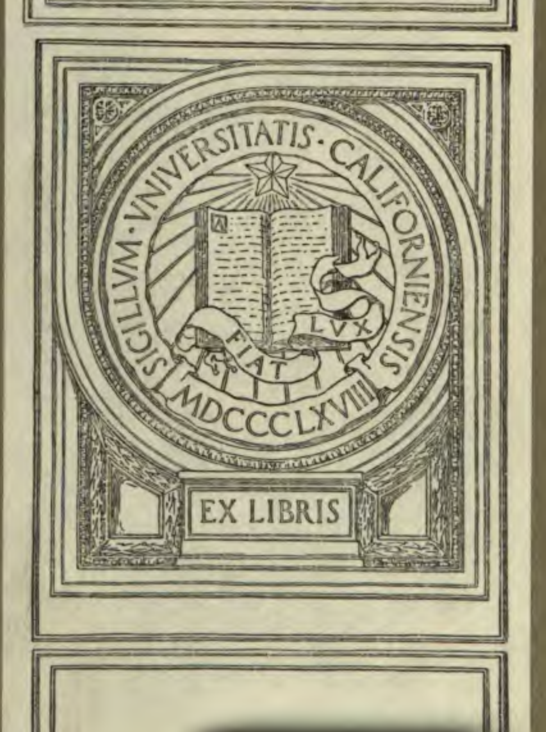

UC-NRLF
$B 320 527

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

СМЕРТЬ

ИВАНА ИЛЬИЧА.

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и К°., Валовая ул., собст. домъ.
1892.

Л. Н. Толстой.

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ 3-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

МОСКВА.
Типографія И. Д. Сытина и Ко., Валовая ул., собств. домъ.
1892.

Gift of Jerome B. Landfield

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.

(1884—1886 г.).

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.

I.

Въ большомъ зданіи судебныхъ учрежденій, во время перерыва засѣданія по дѣлу Мельвинскихъ, члены и прокуроръ сошлись въ кабинетѣ Ивана Егоровича Шебекъ, и зашелъ разговоръ о знаменитомъ красовскомъ дѣлѣ. Өедоръ Васильевичъ разгорячился, доказывая неподсудность, Иванъ Егоровичъ стоялъ на своемъ, Петръ же Ивановичъ, не вступивъ сначала въ споръ, не принималъ въ немъ участія и просматривалъ только-что поданныя Вѣдомости.

— Господа!—сказалъ онъ,—Иванъ Ильичъ-то умеръ.

— Неужели?

— Вотъ, читайте,—сказалъ онъ Өедору Васильевичу, подавая ему свѣжій, пахучій еще номеръ.

Въ черномъ ободкѣ было напечатано: „Прасковья Өедоровна Головина съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ возлюбленнаго супруга своего, члена судебной палаты, Ивана Ильича Головина, послѣдовавшей 4-го февраля сего 1882 года. Выносъ тѣла въ пятницу, въ 1 часъ пополудни“.

Иванъ Ильичъ былъ сотоварищъ собравшихся господъ всѣ любили его. Онъ болѣлъ уже нѣсколько недѣль; го рили, что болѣзнь его неизлѣчима. Мѣсто оставалось нимъ, но было соображеніе о томъ, что въ случаѣ его см ти Алексѣевъ можетъ быть назначенъ на его мѣсто, — мѣсто же Алексѣева или Винниковъ, или Штабель. Та что, услыхавъ о смерти Ивана Ильича, первая мысль ка даго изъ господъ, собравшихся въ кабинетѣ, была о то какое значеніе можетъ имѣть эта смерть на перемѣщен или повышенія самихъ членовъ, или ихъ знакомыхъ.

„Теперь навѣрно получу мѣсто Штабеля или Винник подумалъ Өедоръ Васильевичъ. Мнѣ это и давно обѣща а это повышеніе составляетъ для меня 800 руб. прибав кромѣ канцеляріи“.

„Надо будетъ попросить теперь о переводѣ шурина и Калуги, подумалъ Петръ Ивановичъ. Жена будетъ оче рада. Теперь ужъ нельзя будетъ говорить, что я нико ничего не сдѣлалъ для ея родныхъ“.

— Я такъ и думалъ, что ему не подняться,—вслухъ с залъ Петръ Ивановичъ.—Жалко!

— Да что у него собственно было?

— Доктора не могли опредѣлить. То-есть опредѣляли, различно. Когда я видѣлъ его послѣдній разъ, мнѣ ка лось, что онъ поправится.

— А я такъ и не былъ у него съ самыхъ праздник Все собирался.

— Что у него было состояніе?

— Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что ничтожное.

— Да, надо будетъ поѣхать. Ужасно далеко жили они.

— То-есть отъ васъ далеко. Отъ васъ все далеко.

— Вотъ, не можетъ мнѣ простить, что я живу за рѣкой, улыбаясь на Шебека, сказалъ Петръ Ивановичъ. И заговорили о дальности городскихъ разстояній, и пошли въ засѣданіе.

Кромѣ вызванныхъ этою смертью въ каждомъ соображеніи о перемѣщеніяхъ и возможныхъ измѣненіяхъ по службѣ, могущихъ послѣдовать отъ этой смерти, самый фактъ смерти близкаго знакомаго вызвалъ во всѣхъ, узнавшихъ про нее, какъ всегда, чувство радости о томъ, что умеръ онъ, а не я.

„Каково! умеръ, а я вотъ нѣтъ“, подумалъ или почувствовалъ каждый. Близкіе же знакомые, такъ называемые друзья Ивана Ильича, при этомъ подумали невольно и о томъ, что теперь имъ надобно исполнить очень скучныя обязанности приличія и поѣхать на панихиду и къ вдовѣ съ визитомъ соболѣзнованія.

Ближе всѣхъ были Ѳедоръ Васильевичъ и Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ былъ товарищемъ по училищу правовѣдѣнія и считалъ себя обязаннымъ Иваномъ Ильичемъ.

Передавъ за обѣдомъ женѣ извѣстіе о смерти Ивана Ильича и соображенія о возможности перевода шурина въ ихъ округъ, Петръ Ивановичъ, не ложась отдыхать, надѣлъ фракъ и поѣхалъ къ Ивану Ильичу.

У подъѣзда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, въ передней, у вѣшалки, прислонена была къ стѣнѣ глазетовая крышка гроба съ кисточками и начищеннымъ порошкомъ галуномъ. Двѣ дамы въ черномъ снимали шубки. Одна сестра Ивана Ильича, знакомая, другая незнакомая дама. Товарищъ Петра Ивановича, Шварцъ,

сходилъ сверху, и, съ верхней ступени увидавъ входившаго, остановился и подмигнулъ ему, какъ бы говоря: „Глупо распорядился Иванъ Ильичъ; то ли дѣло мы съ вами“.

Лицо Шварца съ англійскими бакенбардами и вся худая фигура во фракѣ имѣла, какъ всегда, изящную торжественность, и эта торжественность, всегда противорѣчащая характеру игривости Шварца, здѣсь имѣла особенную соль. Такъ подумалъ Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ пропустилъ впередъ себя дамъ и медленно пошелъ за ними на лѣстницу. Шварцъ не сталъ сходить, а остановился наверху. Петръ Ивановичъ понялъ зачѣмъ: онъ, очевидно, хотѣлъ сговориться, гдѣ повинтить нынче. Дамы прошли на лѣстницу къ вдовѣ, а Шварцъ, съ серьезно сложенными, крѣпкими губами и игривымъ взглядомъ, движеніемъ бровей показалъ Петру Ивановичу направо, въ комнату мертвеца.

Петръ Ивановичъ вошелъ, какъ всегда это бываетъ, съ недоумѣніемъ о томъ, что ему тамъ надо будетъ дѣлать. Одно онъ зналъ, что креститься въ этихъ случаяхъ никогда не мѣшаетъ. Насчетъ того, что нужно ли при этомъ и кланяться, онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ и потому выбралъ среднее: войдя въ комнату, онъ сталъ креститься и немножко какъ будто кланяться. Насколько ему позволяли движенія рукъ и головы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оглядывалъ комнату. Два молодые человѣка, одинъ гимназистъ, кажется, племянники, крестясь, выходили изъ комнаты. Старушка стояла неподвижно. И дама, съ странно поднятыми бровями, что-то ей говорила шопотомъ. Дьячекъ въ сюртукѣ, бодрый, рѣшительный, читалъ что-то громко съ выраженіемъ, исключающимъ всякое противорѣчіе; буфетный мужикъ Герасимъ,

пройдя передъ Петромъ Ивановичемъ легкими шагами, что-то посыпалъ по полу. Увидавъ это, Петръ Ивановичъ тотчасъ же почувствовалъ легкій запахъ разлагающагося трупа. Въ послѣднее свое посѣщеніе Ивана Ильича, Петръ Ивановичъ видѣлъ этого мужика въ кабинетѣ; онъ исполнялъ должность сидѣлки, и Иванъ Ильичъ особенно любилъ его. Петръ Ивановичъ все крестился и слегка кланялся по серединному направленію между гробомъ, дьячкомъ и образами на столѣ въ углу. Потомъ, когда это движеніе крещенія рукою показалось ему уже слишкомъ продолжительно, онъ пріостановился и сталъ разглядывать мертвеца.

Мертвецъ лежалъ, какъ всегда лежатъ мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченѣвшими членами въ подстилкѣ гроба, съ навсегда согнувшеюся головой на подушкѣ, и выставлялъ, какъ всегда выставляютъ мертвецы, свой желтый восковой лобъ съ взлизами на ввалившихся вискахъ и торчащій носъ, какъ бы надавившій на верхнюю губу. Онъ очень перемѣнился, еще похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Ивановичъ не видалъ его, но, какъ у всѣхъ мертвецовъ, лицо его было красивѣе, главное — значительнѣе, чѣмъ оно было у живого. На лицѣ было выраженіе того, что-то, что нужно было сдѣлать, сдѣлано, и сдѣлано правильно. Кромѣ того, въ этомъ выраженіи былъ еще упрекъ или напоминаніе живымъ. Напоминаніе это показалось Петру Ивановичу неумѣстнымъ, или, по крайней мѣрѣ, до него не касающимся. Что-то ему стало непріятно, и потому Петръ Ивановичъ еще разъ поспѣшно, перекрестился и, какъ ему показалось, слишкомъ поспѣшно несообразно съ приличіями, повернулся и пошелъ къ двери. Шварцъ ждалъ его въ проходной комнатѣ, разставивъ широко ноги и играя

обѣими руками за спиной своимъ цилиндромъ. Одинъ взглядъ на игривую, чистоплотную и элегантную фигуру Шварца освѣжилъ Петра Ивановича, Петръ Ивановичъ понялъ, что онъ, Шварцъ, стоитъ выше этого и не поддается удручающимъ впечатлѣніямъ. Одинъ видъ его говорилъ: инцидентъ панихиды Ивана Ильича никакъ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ для признанія порядка засѣданія нарушеннымъ, т. е., что ничто не можетъ помѣшать нынче же вечеромъ щелконуть колодой картъ, распечатывая ее, въ то время, какъ лакей будетъ разставлять четыре необожженныя свѣчи; вообще, нѣтъ основанія предполагать, чтобы инцидентъ этотъ могъ помѣшать намъ провести пріятно и сегодняшній вечеръ. Онъ и сказалъ это шопотомъ проходившему Петру Ивановичу, предлагая соединиться на партію у Ѳедора Васильевича. Но, видно, Петру Ивановичу была не судьба винтить нынче вечеромъ. Прасковья Ѳедоровна, невысокая, жирная женщина, несмотря на всѣ старанія устроить противное, все-таки расширявшаяся отъ плечъ къ низу, вся въ черномъ, съ покрытой кружевомъ головой и съ такими же странно поднятыми бровями, какъ и та дама, стоявшая противъ гроба, вышла изъ своихъ покоевъ съ другими дамами и, проводивъ ихъ въ дверь мертвеца, сказала: „Сейчасъ будетъ панихида; пройдите“.

Шварцъ, неопредѣленно поклонившись, остановился, очевидно, не принимая и не отклоняя этого предложенія. Прасковья Ѳедоровна, узнавъ Петра Ивановича, вздохнула, подошла къ нему вплоть, взяла его за руку и сказала:

— Я знаю, что вы были истиннымъ другомъ Ивана Ильича“... и посмотрѣла на него, ожидая отъ него соотвѣтствующихъ этимъ словамъ дѣйствій. Петръ Ивановичъ зналъ, что

какъ тамъ надо было креститься, такъ здѣсь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: „повѣрьте!“ И онъ такъ и сдѣлалъ. И, сдѣлавъ это, почувствовалъ. что результатъ получился желаемый: что онъ тронутъ и она тронута.

— Пойдемте, пока тамъ не началось, мнѣ надо поговорить съ вами,—сказала вдова.—Дайте мнѣ руку.

Петръ Ивановичъ подалъ руку, и они направились во внутреннія комнаты, мимо Шварца, который печально подмигнулъ Петру Ивановичу.

„Вотъ-те и винтъ! Ужъ не взыщите, другого партнера возьмемъ. Нешто въ пятеромъ, когда отдѣлаетесь“, сказалъ его игривый взглядъ.

Петръ Ивановичъ вздохнулъ еще глубже и печальнѣе, и Прасковья Ѳедоровна благодарно пожала ему руку. Войдя въ ея обитую розовымъ кретономъ гостиную съ пасмурной лампой, они сѣли у стола: она на диванъ, а Петръ Ивановичъ на разстроившійся пружинами и неправильно подававшійся подъ его сидѣньемъ низенькій пуфъ. Прасковья Ѳедоровна хотѣла предупредить его, чтобы онъ сѣлъ на другой стулъ, но нашла это предупрежденіе несоотвѣтствующимъ своему положенію и раздумала. Садясь на этотъ пуфъ, Петръ Ивановичъ вспомнилъ, какъ Иванъ Ильичъ устраивалъ эту гостиную и совѣтовался съ нимъ объ этомъ самомъ розовомъ съ зелеными листьями кретонѣ. Садясь на диванъ и проходя мимо стола (вообще вся гостиная была полна вещицъ и мебели), вдова зацѣпилась чернымъ кружевомъ черной мантильи за рѣзьбу стола. Петръ Ивановичъ приподнялся, чтобы отцѣпить; и освобожденный подъ нимъ пуфъ сталъ волноваться и подталкивать его. Вдова сама стала отцѣплять свое кружево, и Петръ Ивановичъ опять

сѣлъ, придавивъ бунтовавшійся подъ нимъ пуфъ. Но вдова не все отцѣпила, и Петръ Ивановичъ опять поднялся, и опять пуфъ забунтовалъ и даже щелкнулъ. Когда все это кончилось, она вынула чистый батистовый платокъ и стала плакать. Петра же Ивановича охладилъ эпизодъ съ кружевомъ и борьба съ пуфомъ, и онъ сидѣлъ насупившись. Неловкое это положеніе перервалъ Соколовъ, буфетчикъ Ивана Ильича, съ докладомъ о томъ, что мѣсто на кладбищѣ, то, которое назначила Прасковья Өедоровна, будетъ стоить 200 руб. Она перестала плакать и, съ видомъ жертвы взглянула на Петра Ивановича, сказала по-французски, что ей очень тяжело. Петръ Ивановичъ сдѣлалъ молчаливый знакъ, выражавшій несомнѣнную увѣренность въ томъ, что это не можетъ быть иначе

— Курите, пожалуйста,—сказала она великодушнымъ и вмѣстѣ убитымъ голосомъ, и занялась съ Соколовымъ вопросомъ о цѣнѣ мѣста.

Петръ Ивановичъ, закуривая, слышалъ, что она очень обстоятельно разспросила о разныхъ цѣнахъ земли и опредѣлила ту, которую слѣдуетъ взять. Кромѣ того, окончивъ о мѣстѣ, она распорядилась и о пѣвчихъ. Соколовъ ушелъ.

— Я все сама дѣлаю,—сказала она Петру Ивановичу, отодвигая къ одной сторонѣ альбомы, лежавшіе на столѣ; и замѣтивъ, что пепелъ угрожалъ столу, не мѣшкая, подвинула Петру Ивановичу пепельницу и проговорила: — Я нахожу притворствомъ увѣрять, что я не могу отъ горя заниматься практическими дѣлами. Меня, напротивъ, если можетъ что— не утѣшить... а развлечь, то это заботы о немъ же.

Она опять достала платокъ, какъ бы собираясь плакать,

и вдругъ, какъ бы пересиливая себя, встряхнулась и стала говорить спокойно.

— Однако, у меня дѣло есть къ вамъ.

Петръ Ивановичъ поклонился, не давая расходиться пружинамъ пуфа, тотчасъ же зашевелившихся подъ нимъ.

— Въ послѣдніе дни онъ ужасно страдалъ.

— Очень страдалъ? - спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Ахъ, ужасно! Послѣдніе, не минуты, а часы, онъ не переставая кричалъ. Трое сутокъ сряду онъ, не переводя голоса, кричалъ. Это было невыносимо. Я не могу понять, какъ я вынесла это; за тремя дверьми слышно было. Ахъ, что я вынесла!

— И неужели онъ былъ въ памяти?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да,—прошептала она,—до послѣдней минуты. Онъ простился съ нами за $^1/_4$ часа до смерти и еще просилъ увести Володю.

Мысль о страданіи человѣка, котораго онъ зналъ такъ близко, сначала веселымъ мальчикомъ, школьникомъ, потомъ взрослымъ партнеромъ, несмотря на непріятное сознаніе притворства своего и этой женщины, вдругъ ужаснула Петра Ивановича. Онъ увидалъ опять этотъ лобъ, нажимавшій на губу носъ, и ему стало страшно за себя.

„Трое сутокъ ужасныхъ страданій и смерть. Вѣдь это, сейчасъ, всякую минуту можетъ наступить и для меня“, подумалъ онъ, и ему стало на мгновеніе страшно. Но тотчасъ же, онъ самъ не зналъ, какъ ему на помощь пришла обычная мысль, что это случилось съ Иваномъ Ильичемъ, а не съ нимъ, и что съ нимъ этого случиться не должно и не можетъ; что, думая такъ, онъ поддается мрачному настрое-

нію, чего не слѣдуетъ дѣлать, какъ это очевидно было по лицу Шварца. И, сдѣлавъ это разсужденіе, Петръ Ивановичъ успокоился и съ интересомъ сталъ разспрашивать подробности о кончинѣ Ивана Ильича, какъ будто смерть была такое приключеніе, которое свойственно только Ивану Ильичу, но совсѣмъ несвойственно ему.

Послѣ разныхъ разговоровъ о подробностяхъ дѣйствительно ужасныхъ физическихъ страданій, перенесенныхъ Иваномъ Ильичемъ (подробности эти узнавалъ Иванъ Петровичъ только потому, какъ мученія Ивана Ильича дѣйствовали на нервы Прасковьи Ѳедоровны), вдова, очевидно, нашла нужнымъ перейти къ дѣлу.

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, какъ тяжело, какъ ужасно тяжело, какъ ужасно тяжело!—и она опять заплакала.

Петръ Ивановичъ вздыхалъ и ждалъ, когда она высморкается. Когда она высморкалась, онъ сказалъ: „Повѣрьте"... и опять она разговорилась и высказала то, что было, очевидно, ея главнымъ дѣломъ къ нему; дѣло это состояло въ вопросахъ о томъ, какъ бы, по случаю смерти мужа, достать денегъ отъ казны. Она сдѣлала видъ, что спрашиваетъ у Петра Ивановича совѣта о пенсіонѣ; но онъ видѣлъ, что она уже знаетъ до мельчайшихъ подробностей и то, чего онъ не зналъ, все то, что можно вытянуть отъ казны по случаю этой смерти; но что ей хотѣлось узнать: нельзя ли какъ-нибудь вытянуть еще побольше денегъ? Петръ Ивановичъ постарался выдумать такое средство, но, подумавъ нѣсколько и изъ приличія побранивъ наше правительство за его скаредность, сказалъ, что, кажется, больше нельзя. Тогда она вздохнула и, очевидно, стала придумывать средство избавиться отъ своего посѣтителя. Онъ понялъ это.

затушилъ папироску, всталъ, пожалъ руку и пошелъ въ переднюю.

Въ столовой съ часами, которымъ Иванъ Ильичъ такъ радъ былъ, что купилъ въ брикабракѣ, Петръ Ивановичъ встрѣтилъ священника и еще нѣсколько знакомыхъ, пріѣхавшихъ на панихиду, и увидалъ знакомую ему красивую барышню, дочь Ивана Ильича. Она была вся въ черномъ. Талія ея, очень тонкая, казалась еще тоньше. Она имѣла мрачный, рѣшительный, почти гнѣвный видъ. Она поклонилась Петру Ивановичу, какъ-будто онъ былъ въ чемъ-то виноватъ. За дочерью стоялъ, съ такимъ же обиженнымъ видомъ, знакомый Петру Ивановичу богатый молодой человѣкъ, судебный слѣдователь, ея женихъ, какъ онъ слышалъ. Онъ уныло поклонился имъ и хотѣлъ пройти въ комнату мертвеца, когда изъ-подъ лѣстницы показалась фигурка гимназистика-сына, ужасно похожаго на Ивана Ильича. Это былъ маленькій Иванъ Ильичъ, какимъ Петръ Ивановичъ помнилъ его въ правовѣдѣніи. Глаза у него были заплаканные и такіе, какіе бываютъ у нечистыхъ мальчиковъ въ 13—14 лѣтъ. Мальчикъ, увидавъ Петра Ивановича, сталъ сурово и стыдливо морщиться. Петръ Ивановичъ кивнулъ ему головой и вошелъ въ комнату мертвеца. Началась панихида,—свѣчи, стоны, ладонъ, слезы, всхлипыванія. Петръ Ивановичъ стоялъ нахмурившись, глядя на ноги передъ собой. Онъ не взглянулъ ни разу на мертвеца и до конца не поддался, разслабляющимъ вліяніямъ, и одинъ изъ первыхъ вышелъ. Въ передней никого не было. Герасимъ, буфетный мужикъ, выскочилъ изъ комнаты покойника, перешвырялъ своими сильными руками всѣ шубы, чтобы найти шубу Петра Ивановича, и подалъ ее.

— Что, братъ, Герасимъ?—сказалъ Петръ Ивановичъ, чтобы сказать что-нибудь.—Жалко?

— Божья воля. Всѣ тамъ же будемъ,—сказалъ Герасимъ оскаливая свои бѣлые, сплошные мужицкіе зубы, и, какъ человѣкъ въ разгарѣ усиленной работы, живо отворилъ дверь, кликнулъ кучера, подсадилъ Петра Ивановича и прыгнулъ назадъ къ крыльцу, какъ будто придумывая, что бы ему еще сдѣлать.

Петру Ивановичу особенно пріятно было дохнуть чистымъ воздухомъ, послѣ запаха ладона, трупа и карболовой кислоты.

— Куда прикажете?—спросилъ кучеръ.

— Не поздно. Заѣду еще къ Өедору Васильевичу.

И Петръ Ивановичъ поѣхалъ. И дѣйствительно, засталъ ихъ при концѣ 1-го робера, такъ что ему удобно было вступить пятымъ.

II.

Прошедшая исторія жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная, и самая ужасная.

Иванъ Ильичъ умеръ 45-ти лѣтъ, членомъ судебной палаты. Онъ былъ сынъ чиновника, сдѣлавшаго въ Петербургѣ по разнымъ министерствамъ и департаментамъ ту карьеру, которая доводитъ людей до того положенія, въ которомъ, хотя и ясно оказывается, что исполнять какую-нибудь существенную должность они не годятся, они все-таки по своей долгой прошедшей службѣ и своимъ чинамъ не могутъ быть выгнаны; и потому получаютъ выдуманныя фиктивныя мѣста и не фективныя тысячи—отъ 6-ти до 10-ти, съ которыми они и доживаютъ до глубокой старости.

Таковъ былъ тайный совѣтникъ, ненужный членъ разныхъ ненужныхъ учрежденій, Илья Ефимовичъ Головинъ.

У него было три сына. Иванъ Ильичъ былъ второй сынъ. Старшій дѣлалъ такую же карьеру, какъ и отецъ, только по другому министерству, и ужъ близко подходилъ къ тому служебному возрасту, при которомъ получается эта инерція жалованья. Третій сынъ былъ неудачникъ. Онъ въ разныхъ мѣстахъ вездѣ напортилъ себѣ и теперь служилъ по желѣзнымъ дорогамъ; и его отецъ, и братья, и особенно ихъ жены не только не любили встрѣчаться съ нимъ, но безъ крайней необходимости и не вспоминали о его существованіи. Сестра была за барономъ Грефомъ, такимъ же петербургскимъ чиновникомъ, какъ и его тесть. Иванъ Ильичъ былъ le phenix de la famille, какъ говорили. Онъ былъ не такой холодный и аккуратный, какъ старшій, и не такой отчаянный, какъ меньшій. Онъ былъ середина между ними — умный, живой, пріятный и приличный человѣкъ. Воспитывался онъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ въ правовѣдѣніи. Меньшій не кончилъ и былъ выгнанъ изъ 5-го класса, Иванъ же Ильичъ хорошо кончилъ курсъ. Въ правовѣдѣніи уже онъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ впослѣдствіи, всю свою жизнь: человѣкомъ способнымъ, весело добродушнымъ и общительнымъ, но строго исполняющимъ то, что онъ считалъ своимъ долгомъ; долгомъ же онъ своимъ считалъ все то, что считалось таковымъ наивысше поставленными людьми. Онъ не былъ заискивающимъ ни мальчикомъ, ни потомъ взрослымъ человѣкомъ, но у него съ самыхъ молодыхъ лѣтъ было то, что онъ, какъ муха къ свѣту, тянулся къ наивысше поставленнымъ въ свѣтѣ людямъ, усвоивалъ себѣ ихъ пріемы, ихъ взгляды на жизнь и съ ними устанавливалъ дру-

жескія отношенія. Всѣ увлеченія дѣтства и молодости прошли для него, не оставивъ большихъ слѣдовъ; онъ отдавался и чувственности, и тщеславію, и подъ конецъ въ высшихъ классахъ—либеральности, но все же въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые вѣрно указывали ему его чувство.

Были въ правовѣдѣніи совершены имъ поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращеніе къ самому себѣ въ то время, какъ онъ совершалъ ихъ; но впослѣдствіи, увидавъ, что поступки эти были совершаемы и высокостоящими людьми, и не считались ими дурными, онъ не то что призналъ ихъ хорошими, но совершенно забылъ ихъ и нисколько не огорчался воспоминаніями о нихъ.

Выйдя изъ правовѣдѣнія десятымъ классомъ и получивъ отъ отца деньги на обмундировку, Иванъ Ильичъ заказалъ себѣ платье у Шармера, повѣсилъ на брелоки медальку съ надписью: respice finem, простился съ принцемъ и воспитателемъ, пообѣдалъ съ товарищами у Донона, и съ новыми модными—чемоданомъ, бѣльемъ, платьемъ, бритвенными и туалетными принадлежностями и плэдомъ, заказанными и купленными въ самыхъ лучшихъ магазинахъ, уѣхалъ въ провинцію на мѣсто чиновника особыхъ порученій губернатора, которое доставилъ ему отецъ.

Въ провинціи Иванъ Ильичъ сразу устроилъ себѣ такое же легкое и пріятное положеніе, каково было его положеніе въ правовѣдѣніи. Онъ служилъ, дѣлалъ карьеру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятно и прилично веселился; изрѣдка онъ ѣздилъ по порученію начальства въ уѣзды, держалъ себя съ достоинствомъ и съ высшими, и съ низшими, и съ точностью и неподкупной честностью, которой не могъ не гордиться, ис-

полнялъ возложенныя на него порученія, преимущественно по дѣламъ раскольниковъ.

Въ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ, несмотря на свою молодость и склонность къ легкому веселью, чрезвычайно сдержанъ, офиціаленъ и даже строгъ; но въ общественныхъ онъ былъ часто игривъ и остроуменъ и всегда добродушенъ, приличенъ, и bon enfant, какъ говорилъ про него его начальникъ и начальница, у которыхъ онъ былъ домашнимъ человѣкомъ.

Была въ провинціи и связь съ одной изъ дамъ, навязавшейся щеголеватому правовѣду; была и модистка, были и попойки съ пріѣзжими флигель-адъютантами, и поѣздки въ дальнюю улицу послѣ ужина; было и подслуживаніе начальнику и даже женѣ начальника; но все это носило на себѣ такой высокій тонъ порядочности, что все это не могло быть называемо дурными словами: все это подходило только подъ рубрику французскаго изреченія: il faut que jeunesse se passe. Все происходило съ чистыми руками, въ чистыхъ рубашкахъ, съ французскими словами и, главное, въ самомъ высшемъ обществѣ, слѣдовательно, съ одобреніемъ высоко стоящихъ людей.

Такъ прослужилъ Иванъ Ильичъ пять лѣтъ, и наступила перемѣна по службѣ. Явились новыя судебныя учрежденія; нужны были новые люди.

И Иванъ Ильичъ сталъ этимъ новымъ человѣкомъ.

Ивану Ильичу предложено было мѣсто судебнаго слѣдователя, и Иванъ Ильичъ принялъ его, несмотря на то, что мѣсто это было въ другой губерніи, и ему надо было бросить установившіяся отношенія и устанавливать новыя. Ивана Ильича проводили друзья, сдѣлали группу, поднесли ему

серебряную папиросочницу, и онъ уѣхалъ на новое мѣсто.

Судебнымъ слѣдователемъ Иванъ Ильичъ былъ такимъ же comme il faut'нымъ, приличнымъ, умѣющимъ отдѣлять служебныя обязанности отъ частной жизни и внушающимъ общее уваженіе, какимъ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій. Сама же служба слѣдователя представляла для Ивана Ильича гораздо болѣе интереса и привлекательности, чѣмъ прежняя. Въ прежней службѣ пріятно было свободной походкой въ шармеровскомъ вицмундирѣ пройти мимо трепещущихъ и ожидающихъ пріема просителей и должностныхъ лицъ, завидующихъ ему, прямо въ кабинетъ начальника и сѣсть съ нимъ за чай съ папиросою; но людей, прямо зависящихъ отъ его произвола, было мало. Такіе люди были только исправники и раскольники, когда его посылали съ порученіями: и онъ любилъ учтиво, почти потоварищески обходиться съ такими, зависящими отъ него людьми, любилъ давать чувствовать, что вотъ онъ, могущій раздавить, дружески, просто обходится съ ними. Такихъ людей тогда было мало. Теперь же, судебнымъ слѣдователемъ, Иванъ Ильичъ чувствовалъ, что всѣ, — всѣ безъ исключенія— самые важные, самодовольные люди, всѣ у него въ рукахъ, и что ему стоитъ только написать извѣстныя слова на бумагѣ съ заголовкомъ,—и этого важнаго, самодовольнаго человѣка приведутъ къ нему въ качествѣ обвиняемаго или свидѣтеля, и онъ будетъ, если онъ не захочетъ посадить его, стоять передъ нимъ и отвѣчать на его вопросы. Иванъ Ильичъ никогда не злоупотреблялъ этою своею властью, напротивъ, старался смягчить выраженія ея; но сознаніе этой власти и возможность смягчать ее составляли для него главный ин-

тересъ и привлекательность его новой службы. Въ самой же службѣ, именно въ слѣдствіяхъ, Иванъ Ильичъ очень быстро усвоилъ пріемъ отстраненія отъ себя всѣхъ обстоятельствъ, не касающихся службы, и облеченія всякаго самаго сложнаго дѣла въ такую форму, при которой бы дѣло только внѣшнимъ образомъ отражалось на бумагѣ, и при которомъ исключалось совершенно его личное воззрѣніе и, главное, соблюдалась бы вся требуемая формальность. Дѣло это было новое. И онъ былъ одинъ изъ первыхъ людей, выработавшихъ на практикѣ приложеніе Уставовъ 1864 года.

Перейдя въ новый городъ, на мѣсто судебнаго слѣдователя, Иванъ Ильичъ сдѣлалъ новыя знакомства, связи, по-новому поставилъ себя и принялъ нѣсколько иной тонъ. Онъ поставилъ себя въ нѣкоторомъ достойномъ отдаленіи отъ губернскихъ властей, а избралъ лучшій кругъ изъ судейскихъ и богатыхъ дворянъ, жившихъ въ городѣ, и принялъ тонъ легкаго недовольства правительствомъ, умѣренной либеральности и цивилизованной гражданственности. При этомъ, нисколько не измѣнивъ элегантности своего туалета, Иванъ Ильичъ въ новой должности пересталъ пробривать подбородокъ и далъ свободу бородѣ расти, гдѣ она хочетъ.

Жизнь Ивана Ильича въ новомъ городѣ сложилась очень пріятно: фрондирующее противъ губернатора общество было дружное и хорошее; жалованья было больше и не малую пріятность въ жизни прибавилъ тогда вистъ, въ который сталъ играть Иванъ Ильичъ, имѣвшій способность играть въ карты весело, быстро соображая и очень тонко, такъ что въ общемъ онъ всегда былъ въ выигрышѣ.

Послѣ двухъ лѣтъ службы въ новомъ городѣ, Иванъ

Ильичъ встрѣтился съ своей будущей женой. Прасков Өедоровна Михель была самая привлекательная, умная, бл стящая дѣвушка того кружка, въ которомъ вращался Ива Ильичъ. Въ числѣ другихъ забавъ и отдохновеній отъ тр довъ слѣдователя, Иванъ Ильичъ установилъ игривыя, ле кія отношенія съ Прасковьей Өедоровной.

Иванъ Ильичъ, будучи чиновникомъ особыхъ порученi вообще танцовалъ; судебнымъ же слѣдователемъ онъ у танцовалъ какъ исключеніе. Онъ танцовалъ уже въ то смыслѣ, что хоть и по новымъ учрежденіямъ, и въ пято классѣ, но если дѣло коснется танцевъ, то могу доказат что въ этомъ родѣ я могу лучше другихъ. Такъ онъ и рѣдка въ концѣ вечера танцовалъ съ Прасковьей Өедоро ной, и преимущественно во время этихъ танцевъ и побѣди Прасковью Өедоровну. Она влюбилась въ него. Иванъ Ил ичъ не имѣлъ яснаго опредѣленнаго намѣренія жениться, когда дѣвушка влюбилась въ него, онъ задалъ себѣ это вопросъ. „Въ самомъ дѣлѣ, отчего же и не жениться“, ск залъ онъ себѣ.

Дѣвица Прасковья Өедоровна была хорошаго дворянска рода, не дурна; было маленькое состояньице. Иванъ Ильич могъ разсчитывать на болѣе блестящую партію, но эта бы партія хорошая. У Ивана Ильича было его жалованье, у не онъ надѣялся, будетъ столько же. Хорошее родство; о милая, хорошенькая и вполнѣ порядочная женщина. Сказат что Иванъ Ильичъ женился потому, что онъ полюбилъ сво невѣсту и нашелъ въ ней сочувствіе своимъ взглядамъ жизнь, было бы также несправедливо, какъ и сказать т что онъ женился потому, что люди его общества одобря эту партію. Иванъ Ильичъ женился по обоимъ соображеніям

онъ дѣлалъ пріятное для себя, пріобрѣтая такую жену, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ то, что наивысше поставленные люди считали правильнымъ.

И Иванъ Ильичъ женился.

Самый процессъ женитьбы и первое время брачной жизни, съ супружескими ласками, новой мебелью, новой посудой, новымъ бѣльемъ, до беременности жены, прошло очень хорошо, такъ что Иванъ Ильичъ начиналъ уже думать, что женитьба не только не нарушитъ того характера жизни легкой, пріятной, веселой и всегда приличной, и одобряемой обществомъ, который Иванъ Ильичъ считалъ свойственнымъ жизни вообще, но еще усугубитъ его. Но тутъ, съ первыхъ мѣсяцевъ беременности жены, явилось что-то такое новое, неожиданное, непріятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и отъ чего никакъ нельзя было отдѣлаться.

Жена безъ всякихъ поводовъ, какъ казалось Ивану Ильичу, de gaité de coeur, какъ онъ говорилъ себѣ, начала нарушать пріятность и приличіе жизни: она безъ всякой причины ревновала его, требовала отъ него ухаживанья за собой, придиралась ко всему и дѣлала ему непріятныя и грубыя сцены.

Сначала Иванъ Ильичъ надѣялся освободиться отъ непріятности этого положенія тѣмъ самымъ легкимъ и приличнымъ отношеніемъ къ жизни, которое выручало его прежде; онъ пробовалъ игнорировать расположеніе духа жены, продолжалъ жить попрежнему легко и пріятно: приглашалъ къ себѣ друзей составлять партію, пробовалъ самъ уѣзжать въ клубъ или къ пріятелямъ. Но жена одинъ разъ съ такой энергіей начала грубыми словами ругать его, и такъ упорно продолжала ругать его всякій разъ, когда онъ не исполнялъ ея

требованій, очевидно, твердо рѣшившись не переставать д тѣхъ поръ, пока онъ не покорится, т. е. не будетъ сидѣт дома и не будетъ такъ же, какъ и она, тосковать, что Иван Ильичъ ужаснулся. Онъ понялъ, что супружеская жизнь, п крайней мѣрѣ, съ его женою, не содѣйствуетъ всегда пріят ностямъ и приличію жизни, а, напротивъ, часто нарушает ихъ, и что поэтому необходимо оградить себя отъ этих нарушеній. И Иванъ Ильичъ сталъ отыскивать средства дл этого. Служба было одно, что импозировало Прасковьѣ Ѳе доровнѣ, и Иванъ Ильичъ посредствомъ службы и вытекаю щихъ изъ нея обязанностей сталъ бороться съ женой, вы гораживая свой независимый міръ.

Съ рожденіемъ ребенка, попытками кормленія и различ ными неудачами при этомъ, съ болѣзнями, дѣйствительным и воображаемыми, ребенка и матери, въ которыхъ отъ Иван Ильича требовалось участіе, но въ которыхъ онъ ничего н могъ понять, потребность для Ивана Ильича выгородит себѣ міръ внѣ семьи—стала еще болѣе настоятельна.

По мѣрѣ того, какъ жена становилась раздражительнѣ и требовательнѣе, и Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе пере носилъ центръ тяжести своей жизни въ службу. Онъ стал болѣе любить службу и сталъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ он былъ прежде.

Очень скоро, не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ женитьбы Иванъ Ильичъ понялъ, что супружеская жизнь, представля некоторыя удобства въ жизни, въ сущности есть очень слож ное и тяжелое дѣло, по отношенію котораго, для того, чтобы исполнять свой долгъ, т. е. вести приличную, одобряемую обществомъ жизнь, нужно выработать опредѣленное отно шеніе, какъ и къ службѣ.

И такое отношеніе къ супружеской жизни выработалъ себѣ Иванъ Ильичъ. Онъ требовалъ отъ семейной жизни только тѣхъ удобствъ домашняго обѣда, хозяйки, постели, которыя она могла дать ему, и, главное, того приличія внѣшнихъ формъ, которыя опредѣлялись общественнымъ мнѣніемъ. Въ остальномъ же онъ искалъ веселой пріятности и, если находилъ ее, былъ очень благодаренъ. Если же встрѣчалъ отпоръ и ворчливость, то тотчасъ же уходилъ въ свой отдѣльный, выгороженный имъ міръ службы и въ немъ находилъ пріятность.

Ивана Ильича цѣнили, какъ хорошаго служаку, и черезъ три года сдѣлали товарищемъ прокурора. Новыя обязанности, важность ихъ, возможность привлечь къ суду и посадить всякаго въ острогъ, публичность рѣчей, успѣхъ, который въ этомъ дѣлѣ имѣлъ Иванъ Ильичъ: все это еще болѣе привлекало его къ службѣ.

Пошли дѣти. Жена становилась все ворчливѣе и сердитѣе, но выработанныя Иваномъ Ильичемъ отношенія къ домашней жизни дѣлали его почти непроницаемымъ для ея ворчливости.

Послѣ семи лѣтъ службы въ одномъ городѣ, Ивана Ильича перевели на мѣсто прокурора въ другую губернію. Они переѣхали, денегъ было мало, и женѣ не понравилось то мѣсто, куда они переѣхали. Жалованье было хоть и больше прежняго, но жизнь была дороже; кромѣ того, умерло двое дѣтей, и потому семейная жизнь стала еще непріятнѣе для Ивана Ильича.

Прасковья Өедоровна во всѣхъ случавшихся невзгодахъ въ этомъ новомъ мѣстѣ жительства упрекала мужа. Большинство предметовъ разговора между мужемъ и женой, особенно

воспитаніе дѣтей, наводило на вопросы, по которымъ бы
воспоминанія ссоръ, и ссоры всякую минуту готовы бы
разгораться. Оставались только тѣ рѣдкіе періоды влюбле
ности, которые находили на супруговъ, но продолжались
долго. Это были островки, на которые они приставали
время, но потомъ опять пускались въ море затаенной вражд
выражавшейся въ отчужденіи другъ отъ друга. Отчужден
это могло бы огорчать Ивана Ильича, если бы онъ считал
что это не должно такъ быть, но онъ теперь уже призн
валъ это положеніе не только нормальнымъ, но и цѣлью сво
дѣятельности въ семьѣ. Цѣль его состояла въ томъ, чтоб
все больше и больше освобождать себя отъ этихъ непрія
ностей и придать имъ характеръ безвредности и приличія;
онъ достигалъ этого тѣмъ, что онъ все меньше и меньш
проводилъ время съ семьею, а когда былъ вынужденъ э
дѣлать, то старался обезпечивать свое положеніе присутствіем
постороннихъ лицъ. Главное же то, что у Ивана Ильич
была служба. Въ служебномъ мірѣ сосредоточился для не
весь интересъ жизни. И интересъ этотъ поглощалъ его. С
знаніе своей власти, возможности погубить всякаго человѣк
котораго онъ захочетъ погубить, важность даже внѣшня
при его входѣ въ судъ и встрѣчахъ съ подчиненными, успѣх
свой передъ высшими и подчиненными и, главное, мастерст
свое веденія дѣлъ, которое онъ чувствовалъ, все это рад
вало его и, вмѣстѣ съ бесѣдами съ товарищами, обѣдами
вистомъ, наполняло его жизнь. Такъ что, вообще, жиз
Ивана Ильича продолжала идти такъ, какъ онъ считал
что она должна была идти: пріятно и прилично.

Такъ прожилъ онъ еще семь лѣтъ. Старшей дочери был
уже 16 лѣтъ, еще одинъ ребенокъ умеръ и оставался мал

чикъ, гимназистъ, предметъ раздора. Иванъ Ильичъ хотѣлъ отдать его въ правовѣдѣніе, а Прасковья Ѳедоровна, на зло ему, отдала въ гимназію. Дочь дома училась и росла хорошо, мальчикъ тоже учился недурно.

III.

Такъ шла жизнь Ивана Ильича въ продолженіе 17 лѣтъ со времени женитьбы. Онъ былъ уже старымъ прокуроромъ, отказавшимся отъ нѣкоторыхъ перемѣщеній, ожидая болѣе желательнаго мѣста, когда неожиданно случилось одно непріятное обстоятельство, совсѣмъ было нарушившее его спокойствіе жизни. Иванъ Ильичъ ждалъ мѣста предсѣдателя въ университетскомъ городѣ, но Гоппе забѣжалъ какъ-то впередъ и получилъ это мѣсто. Иванъ Ильичъ раздражился, сталъ дѣлать упреки и поссорился съ нимъ и съ ближайшимъ начальствомъ; къ нему стали холодны, и въ слѣдующемъ назначеніи его опять обошли.

Это было въ 1880 году. Этотъ годъ былъ самый тяжелый въ жизни Ивана Ильича. Въ этомъ году оказалось, съ одной стороны, что жалованья не хватаетъ на жизнь; съ другой — что всѣ его забыли и что то, что казалось для него по отношенію къ нему величайшей, жесточайшей несправедливостью, другимъ представлялось совсѣмъ обыкновеннымъ дѣломъ. Даже отецъ не считалъ своей обязанностью помогать ему. Онъ почувствовалъ, что всѣ покинули его, считая его положеніе съ 3,500 жалованья самымъ нормальнымъ и даже счастливымъ. Онъ одинъ зналъ, что, съ сознаніемъ тѣхъ несправедливостей, которыя были сдѣланы ему, и съ вѣчнымъ пиленіемъ жены, и съ долгами, которые онъ сталъ дѣлать,

живя сверхъ средствъ, онъ одинъ зналъ, что его положеніе далеко не нормально.

Лѣтомъ этого года, для облегченія средствъ, онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ прожить съ женой лѣто въ деревнѣ у брата Прасковьи Ѳедоровны.

Въ деревнѣ, безъ службы, Иванъ Ильичъ въ первый разъ почувствовалъ не только скуку, но тоску невыносимую, и рѣшилъ, что такъ жить нельзя и необходимо принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры.

Проведя безсонную ночь, которую всю Иванъ Ильичъ проходилъ по террасѣ, онъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать и, чтобы наказать *ихъ*, тѣхъ, которые не успѣли оцѣнить его, перейти въ другое министерство.

На другой день, несмотря на всѣ отговоры жены и шурина, онъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Онъ ѣхалъ за однимъ: выпросить мѣсто въ пять тысячъ жалованья. Онъ уже не держался никакого министерства, направленія или рода дѣятельности. Ему нужно только было мѣсто,—мѣсто съ пятью тысячами, по администраціи, по банкамъ, по желѣзнымъ дорогамъ, по учрежденіямъ Императрицы Маріи, даже таможни—но непремѣнно пять тысячъ, и непремѣнно выдти изъ министерства, гдѣ не умѣли оцѣнить его.

И вотъ, эта поѣздка Ивана Ильича увѣнчалась удивительнымъ, неожиданнымъ успѣхомъ. Въ Курскѣ подсѣлъ въ 1-й классъ Ѳ. С. Ильинъ, знакомый, и сообщилъ свѣжую телеграмму, полученную курскимъ губернаторомъ, что въ министерствѣ произойдетъ надняхъ переворотъ: на мѣсто Петра Ивановича назначаютъ Ивана Семеновича.

Предполагаемый переворотъ, кромѣ своего значенія для Россіи, имѣлъ особенное значеніе для Ивана Ильича тѣмъ,

что онъ, выдвигая новое лицо, Петра Петровича, и очевидно его друга Захара Ивановича, былъ въ высшей степени благопріятенъ для Ивана Ильича. Захаръ Ивановичъ былъ товарищъ и другъ Ивану Ильичу.

Въ Москвѣ извѣстіе подтвердилось. А пріѣхавъ въ Петербургъ, Иванъ Ильичъ нашелъ Захара Ивановича, и получилъ обѣщаніе вѣрнаго мѣста въ своемъ прежнемъ министерствѣ юстиціи.

Черезъ недѣлю онъ телеграфировалъ женѣ:

Захаръ мѣсто Миллера при первомъ докладѣ получаю назначеніе.

Иванъ Ильичъ, благодаря этой перемѣнѣ лицъ, неожиданно получилъ въ своемъ прежнемъ министерствѣ такое назначеніе, въ которомъ онъ сталъ на двѣ степени выше своихъ товарищей: пять тысячъ жалованья и подъемныхъ три тысячи пятьсотъ. Вся досада на прежнихъ враговъ своихъ и на все министерство была забыта, и Иванъ Ильичъ былъ совсѣмъ счастливъ.

Иванъ Ильичъ вернулся въ деревню веселый, довольный, какимъ онъ давно не былъ. Прасковья Ѳедоровна тоже повеселѣла, и между ними заключилось перемиріе. Иванъ Ильичъ разсказывалъ о томъ, какъ его всѣ чествовали въ Петербургѣ, какъ всѣ тѣ, которые были его врагами, были посрамлены и подличали теперь передъ нимъ, какъ ему завидуютъ за его положеніе, въ особенности о томъ, какъ всѣ его сильно любили въ Петербургѣ.

Прасковья Ѳедоровна выслушивала это и дѣлала видъ, что она вѣритъ этому, и не противорѣчила ни въ чемъ, а дѣлала только планы новаго устройства жизни въ томъ городѣ, куда они переѣзжали. И Иванъ Ильичъ съ радостью видѣлъ,

что эти планы были его планы, что они сходятся, и что опять его запнувшаяся жизнь пріобрѣтаетъ настоящій, свойственный ей характеръ веселой пріятности и приличія.

Иванъ Ильичъ пріѣхалъ на короткое время. 10-го сентября ему надо было принимать должность, и, кромѣ того, нужно было время устроиться на новомъ мѣстѣ, перевезти все изъ провинціи, прикупить, приказать еще многое; однимъ словомъ, устроиться такъ, какъ это рѣшено было въ его умѣ и почти что точно такъ же, какъ это рѣшено было и въ душѣ Прасковьи Ѳедоровны.

И теперь, когда все устроилось такъ удачно, и когда они сходились съ женою въ цѣли и, кромѣ того, мало жили вмѣстѣ, они такъ дружно сошлись, какъ не сходились съ первыхъ лѣтъ женатой своей жизни. Иванъ Ильичъ было думалъ увезти семью тотчасъ же, но настоянія сестры и зятя, вдругъ сдѣлавшимися особенно любезными и родственными къ Ивану Ильичу и его семьѣ, сдѣлали то, что Иванъ Ильичъ уѣхалъ одинъ.

Иванъ Ильичъ уѣхалъ, и веселое расположеніе духа, произведенное удачей и согласіемъ съ женой, одно усиливающее другое, все время не оставляло его. Нашлась квартира прелестная, то самое, о чемъ мечтали мужъ съ женой. Широкія, высокія, въ старомъ стилѣ пріемныя комнаты, удобный грандіозный кабинетъ, комнаты для жены и дочери, классная для сына, все—какъ нарочно придумано для нихъ. Иванъ Ильичъ самъ взялся за устройство, выбиралъ обои, подкупалъ мебель, особенно изъ старья, которому онъ придавалъ особенный комильфотный стиль, обивку, и все росло, росло и приходило къ тому идеалу, который онъ составилъ себѣ. Когда онъ до половины устроился,—его устройство превзошло

его ожиданіе. Онъ понялъ тотъ комильфотный, изящный и не пошлый характеръ, который приметъ все, когда будетъ готово. Засыпая, онъ представлялъ себѣ залу, какою она будетъ. Глядя на гостиную, еще не оконченную, онъ уже видѣлъ каминъ, экранъ, этажерку и эти стульчики разбросанные, эти блюда и тарелки по стѣнамъ и бронзы, когда они всѣ станутъ по мѣстамъ. Его радовала мысль, какъ онъ поразитъ Пашу и Лизаньку, которыя тоже имѣютъ къ этому вкусъ. Онѣ никакъ не ожидаютъ этого. Въ особенности ему удалось найти и купить дешево старыя вещи, которыя придавали всему особенно благородный характеръ. Онъ въ письмахъ своихъ нарочно представлялъ все хуже, чѣмъ есть, чтобы поразить ихъ. Все это такъ занимало его, что даже новая служба его, любящаго это дѣло, занимала меньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Въ засѣданіяхъ у него бывали минуты разсѣянности; онъ задумывался о томъ, какіе карнизы на гардины, прямые или подобранные. Онъ такъ былъ занятъ этимъ, что самъ часто возился, переставлялъ даже мебель и самъ перевѣшивалъ гардины. Разъ онъ влѣзъ на лѣсенку, чтобы показать непонимающему обойщику, какъ онъ хочетъ драпировать, оступился и упалъ, но, какъ сильный и ловкій человѣкъ, удержался, только бокомъ стукнулся объ ручку рамы. Ушибъ поболѣлъ, но скоро прошелъ. Иванъ Ильичъ чувствовалъ себя все это время особенно веселымъ и здоровымъ. Онъ писалъ: „чувствую, что съ меня соскочило лѣтъ 15“. Онъ думалъ кончить въ сентябрѣ, но затянулось до половины октября. За то было прелестно; не только онъ говорилъ, но ему говорили всѣ, кто видѣли.

Въ сущности же, было то самое, что бываетъ у всѣхъ не совсѣмъ богатыхъ людей, но такихъ, которые хотятъ быть

похожими на богатыхъ, и потому только похожи другъ на друга: штофы, черное дерево, цвѣты, ковры и бронзы, темное и блестящее, все то, что всѣ извѣстнаго рода люди дѣлаютъ, чтобы быть похожими на всѣхъ людей извѣстнаго рода. И у него было такъ похоже, что нельзя было даже обратить вниманіе; но ему все это казалось чѣмъ-то особеннымъ. Когда онъ встрѣтилъ своихъ на станціи желѣзной дороги, привезъ ихъ въ свою освѣщенную готовую квартиру, и лакей въ бѣломъ галстукѣ отперъ дверь въ убранную цвѣтами переднюю, а потомъ они вошли въ гостиную, кабинетъ и ахали отъ удовольствія, онъ былъ очень счастливъ, водилъ ихъ вездѣ, впивалъ въ себя ихъ похвалы и сіялъ отъ удовольствія. Въ этотъ же вечеръ, когда за чаемъ Прасковья Ѳедоровна спросила его, между прочимъ, какъ онъ упалъ, онъ засмѣялся и въ лицахъ представилъ, какъ онъ полетѣлъ и испугалъ обойщика.

— Я не даромъ гимнастъ. Другой бы убился, а я чуть ударился вотъ тутъ; когда тронешь—больно, но уже проходитъ; просто—синякъ.

И они начали жить въ новомъ помѣщеніи, въ которомъ, какъ всегда, когда хорошенько обжились, недоставало только одной комнаты; и съ новыми средствами, къ которымъ, какъ всегда, только немножко—какихъ-нибудь 500 р. недоставало, и было очень хорошо. Особенно было хорошо первое время, когда еще не все было устроено, и надо было еще устраивать: то купить, то заказать, то переставить, то наладить. Хоть и были нѣкоторыя несогласія между мужемъ и женой, но оба такъ были довольны и такъ много было дѣла, что все кончалось безъ большихъ ссоръ. Когда уже нечего было устраивать, стало немножко скучно и чего-то недоста-

вать, но тутъ уже сдѣлались знакомства, привычки, и жизнь наполнилась.

Иванъ Ильичъ, проведши утро въ судѣ, возвращался къ обѣду, и первое время расположеніе его духа было хорошо, хотя и страдало немного именно отъ помѣщенія. (Всякое пятно на скатерти, на штофѣ, оборванный снурокъ гардины раздражали его. Онъ столько труда положилъ на устройство, что ему больно было всякое разрушеніе). Но вообще, жизнь Ивана Ильича пошла такъ, какъ, по его вѣрѣ, должна была протекать жизнь: легко, пріятно и прилично. Вставалъ онъ въ 9, пилъ кофе, читалъ газету, потомъ надѣвалъ вицъ-мундиръ и ѣхалъ въ судъ. Тамъ уже былъ обмятъ тотъ хомутъ, въ которомъ онъ работалъ; онъ сразу попадалъ въ него. Просители, справки въ канцеляріи, сама канцелерія, засѣданія—публичныя и распорядительныя. Во всемъ этомъ надо было умѣть исключать все то сырое, жизненное, что всегда нарушаетъ правильность теченія служебныхъ дѣлъ: надо не допускать съ людьми никакихъ отношеній помимо служебныхъ и поводъ къ отношеніямъ долженъ быть только служебный, и самыя отношенія только служебныя. Напримѣръ, приходитъ человѣкъ и желаетъ узнать что-нибудь. Иванъ Ильичъ, какъ человѣкъ не должностной, и не можетъ имѣть никакихъ отношеній къ такому человѣку; но если есть отношеніе этого человѣка, какъ къ члену, такое, которое можетъ быть выражено на бумагѣ съ заголовкомъ,—въ предѣлахъ этихъ отношеній Иванъ Ильичъ дѣлаетъ все,—все рѣшительно, что можно, и при этомъ соблюдаетъ подобіе человѣческихъ дружелюбныхъ отношеній, т. е. учтивость. Какъ только кончается отношеніе служебное, такъ кончается всякое другое. Этимъ умѣніемъ отдѣлять служебную

сторону, не смѣшивая ее съ своей настоящей жизнью, Иванъ Ильичъ владѣлъ въ высшей степени, и долгой практикой и талантомъ выработалъ его до такой степени, что онъ даже, какъ виртуозъ, иногда позволялъ себѣ, какъ бы шутя, смѣшивать человѣческое и служебное отношеніе. Онъ позволялъ это себѣ, потому что чувствовалъ въ себѣ силу всегда, когда ему понадобится, опять выдѣлить одно служебное и откинуть человѣческое. Дѣло это шло у Ивана Ильича не только легко, пріятно и прилично, но даже виртуозно. Въ промежутки онъ курилъ, пилъ чай, бесѣдовалъ немножко о политикѣ, немножко объ общихъ дѣлахъ, немножко о картахъ и больше всего о назначеніяхъ. И усталый, но съ чувствомъ виртуоза, отчетливо отдѣлавшаго свою партію, одну изъ первыхъ скрипокъ въ оркестрѣ, возвращался домой. Дома дочь съ матерью куда-нибудь ѣздили или у нихъ былъ кто-нибудь; сынъ былъ въ гимназіи, готовилъ уроки съ репетиторами и учился исправно тому, чему учатъ въ гимназіи. Все было хорошо. Послѣ обѣда, если не было гостей, Иванъ Ильичъ читалъ иногда книгу, про которую много говорятъ, и вечеромъ садился за дѣла, т. е. читалъ бумаги, справлялся съ законами,—сличалъ показанія и подводилъ подъ законы. Ему это было ни скучно, ни весело. Скучно было,—тогда можно было играть въ винтъ, но если не было винта, то это было все-таки лучше, чѣмъ сидѣть одному или съ женой. Удовольствія же Ивана Ильича были обѣды маленькіе, на которые онъ звалъ важныхъ по свѣтскому положенію дамъ и мужчинъ, и такое времяпровожденіе съ ними, которое было бы похоже на обыкновенное препровожденіе времени такихъ людей, такъ же, какъ гостиная его была похожа на всѣ гостиныя.

Одинъ разъ у нихъ былъ даже вечеръ, танцовали. И Ивану Ильичу было весело, и все было хорошо, только вышла большая ссора съ женой изъ-за тортовъ и конфетъ; у Прасковьи Өедоровны былъ свой планъ, а Иванъ Ильичъ настоялъ на томъ, чтобы взять все у дорогого кондитера, и взялъ много тортовъ, и ссора была за то, что торты остались, а счетъ кондитера былъ въ 45 руб. Ссора была большая и непріятная, такъ что Прасковья Өедоровна сказала ему: „дуракъ, кисляй“. А онъ схватилъ себя за голову и въ сердцахъ что-то упомянулъ о разводѣ. Но самый вечеръ былъ веселый. Было лучшее общество, и Иванъ Ильичъ танцовалъ съ княгинею Труфоновой, сестрою той, которая извѣстна учрежденіемъ Общества „Унеси ты мое горе“. Радости служебныя были радости самолюбія,—радости общественныя были радости тщеславія; но настоящія радости Ивана Ильича были радости игры въ винтъ. Онъ признавался, что послѣ всего, послѣ какихъ бы то ни было событій нерадостныхъ въ его жизни, радость, которая, какъ свѣча горѣла передъ всѣми другими, это сѣсть съ хорошими игроками и не крикунами партнёрами въ винтъ, и непремѣнно вчетверомъ (впятеромъ ужъ очень больно выходить, хотя и притворяешься, что я очень люблю) и вести умную, серьезную (когда карты идутъ), потомъ поужинать и выпить стаканъ вина. А спать послѣ винта, особенно когда въ маленькомъ выигрышѣ (большой—непріятно), Иванъ Ильичъ ложился въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

Такъ они жили. Кругъ общества составлялся у нихъ самый лучшій, ѣздили и важные люди, и молодые люди.

Во взглядѣ на кругъ своихъ знакомыхъ, мужъ, жена и дочь были совершенно согласны и, не сговариваясь, одинаково

оттирали отъ себя и освобождались отъ всякихъ разныхъ пріятелей и родственниковъ, замарашекъ, которые разлетались къ нимъ съ нѣжностями въ гостиную съ японскими блюдами по стѣнамъ. Скоро эти друзья-замарашки перестали разлетаться, и у Головиныхъ осталось общество одно самое лучшее. Молодые люди ухаживали за Лизанькой, и Петрищевъ, сынъ Дмитрія Ивановича Петрищева и единственный наслѣдникъ его состоянія, судебный слѣдователь, сталъ ухаживать за Лизой, такъ что Иванъ Ильичъ уже поговаривалъ объ этомъ съ Прасковьей Θедоровной: не свезти ли ихъ кататься на тройкахъ, или устроить спектакль? Такъ они жили. И все шло такъ, не измѣняясь, и все было очень хорошо.

IV.

Всѣ были здоровы. Нельзя было назвать нездоровьемъ то, что Иванъ Ильичъ говорилъ иногда, что у него странный вкусъ во рту и что-то неловко въ лѣвой сторонѣ живота.

Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не въ боль еще, но въ сознаніе тяжести постоянной въ боку и въ дурное расположеніе духа. Дурное расположеніе духа это, все усиливаясь и усиливаясь, стало портить установившуюся было въ семействѣ Головиныхъ пріятность легкой и приличной жизни. Мужъ съ женой стали чаще и чаще ссориться, и скоро отпала легкость и пріятность, и съ трудомъ удерживалось одно приличіе. Сцены опять стали чаще. Опять остались одни островки, и тѣхъ мало, на которыхъ мужъ съ женою могли сходиться безъ взрыва. И Прасковья Θедоровна теперь не безъ основанія говорила, что у ея мужа тяжелый характеръ. Съ свойственной ей при-

вычкой преувеличивать, она говорила, что всегда и былъ такой ужасный характеръ, что надобно ея доброту, чтобы переносить это двадцать лѣтъ. Правда была то, что ссоры теперь начинались отъ него. Начинались его придирки всегда передъ самымъ обѣдомъ, и часто именно когда онъ начиналъ ѣсть, за супомъ. То онъ замѣчалъ, что что-нибудь изъ посуды испорчено, то кушанье не такое, то сынъ положилъ локоть на столъ, то прическа дочери. И во всемъ онъ обвинялъ Прасковью Өедоровну. Прасковья Өедоровна сначала возражала и говорила ему непріятности, но онъ раза два во время начала обѣда приходилъ въ такое бѣшенство, что она поняла, что это болѣзненное состояніе, которое вызывается въ немъ принятіемъ пищи, и смирила себя: уже не возражала, а только торопила обѣдать. Смиреніе свое Прасковья Өедоровна поставила себѣ въ великую заслугу. Рѣшивъ, что мужъ ея имѣетъ ужасный характеръ и сдѣлалъ несчастіе ея жизни, она стала жалѣть себя. И, чѣмъ больше она жалѣла себя, тѣмъ больше ненавидѣла мужа. Она стала желать, чтобъ онъ умеръ, но не могла этого желать, потому что тогда не было бы жалованья. И это еще болѣе раздражало ее противъ него. Она считала себя страшно несчастной именно тѣмъ, что даже смерть его не могла спасти ее, и она раздражалась, скрывала это, и это скрытое раздраженіе ея усиливало его раздраженіе.

Послѣ одной сцены, въ которой Иванъ Ильичъ былъ особенно несправедливъ, и послѣ которой онъ и при объясненіи сказалъ, что онъ точно раздражителенъ, но что это отъ болѣзни, она сказала ему, что если онъ боленъ, то надо лѣчиться, и потребовала отъ него, чтобы онъ поѣхалъ къ знаменитому врачу.

Онъ поѣхалъ. Все было, какъ онъ ожидалъ; все было такъ, какъ всегда дѣлается. И ожиданіе, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую онъ зналъ въ себѣ въ судѣ, и постукиваніе, и выслушиваніе, и вопросы, требующіе опредѣленные впередъ и очевидно ненужные отвѣты, и значительный видъ, который внушалъ, что вы, молъ, только подвергнитесь намъ, а мы все устроимъ,—у насъ извѣстно и несомнѣнно, какъ все устроить, все однимъ манеромъ для всякаго человѣка, какого хотите. Все было точно такъ же, какъ въ судѣ. Какъ онъ въ судѣ дѣлалъ видъ надъ подсудимыми, такъ точно надъ нимъ знаменитый докторъ дѣлалъ тотъ же видъ.

Докторъ говорилъ: то-то и то-то указываетъ, что у васъ внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится по изслѣдованіямъ того-то и того-то, то у васъ надо предположить то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда... и т. д. Для Ивана Ильича былъ важенъ только одинъ вопросъ: опасно ли его положеніе, или нѣтъ? Но докторъ игнорировалъ этотъ неумѣстный вопросъ. Съ точки зрѣнія доктора, вопросъ этотъ былъ праздный и не подлежалъ обсужденію; существовало только взвѣшиваніе вѣроятностей—блуждающей почки, хроническаго катарра и болѣзни слѣпой кишки. Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а былъ споръ между блуждающей почкой и слѣпой кишкой. И споръ этотъ, на глазахъ Ивана Ильича, докторъ блестящимъ образомъ разрѣшилъ въ пользу слѣпой кишки, сдѣлавъ оговорку о томъ, что изслѣдованіе мочи можетъ дать новыя улики, и что тогда дѣло будетъ пересмотрѣно. Все это было точь въ точь то же, что дѣлалъ тысячу разъ самъ Иванъ Ильичъ надъ подсудимыми такимъ блестящимъ манеромъ. Такъ же

блестяще сдѣлалъ свое резюме докторъ, и торжествующе, весело даже, взглянулъ сверху очковъ на подсудимаго. Изъ резюме доктора Иванъ Ильичъ вывелъ то заключеніе—что плохо, а что ему, доктору, да, пожалуй, и всѣмъ—все равно, а ему плохо. И это заключеніе болѣзненно поразило Ивана Ильича, вызвавъ въ немъ чувство большой жалости къ себѣ, большой злобы на этого равнодушнаго къ такому важному вопросу доктора.

Но онъ ничего не сказалъ, а всталъ, положилъ деньги на столъ и, вздохнувъ, сказалъ: мы больные, вѣроятно, часто дѣлаемъ вамъ неумѣстные вопросы, сказалъ онъ. Вообще, это опасная болѣзнь или нѣтъ?..

Докторъ строго взглянулъ на него однимъ глазомъ черезъ очки, какъ будто говоря:—подсудимый, если вы не будете оставаться въ предѣлахъ ставимыхъ вамъ вопросовъ, я буду принужденъ сдѣлать распоряженіе объ удаленіи васъ изъ залы засѣданія.

— Я уже сказалъ вамъ то, что считалъ нужнымъ и удобнымъ,—сказалъ докторъ.—Дальнѣйшее покажетъ изслѣдованіе.—И докторъ поклонился.

Иванъ Ильичъ вышелъ медленно, уныло сѣлъ въ сани, и поѣхалъ домой. Всю дорогу онъ не переставая перебиралъ все, что говорилъ докторъ, стараясь всѣ эти запутанныя, неясныя научныя слова перевести на простой языкъ и прочесть въ нихъ отвѣтъ на вопросъ: плохо—очень ли плохо мнѣ, или еще ничего? И ему казалось, что смыслъ всего сказаннаго докторомъ былъ тотъ, что очень плохо. Все грустно показалось Ивану Ильичу на улицахъ. Извозчики были грустны, дома грустны, прохожіе, лавки грустны. Боль же эта, глухая, ноющая боль, ни на секунду не перестаю-

щая, казалось, въ связи съ неясными рѣчами доктора, получала другое, болѣе серьезное значеніе. Иванъ Ильичъ съ новымъ, тяжелымъ чувствомъ теперь прислушивался къ ней.

Онъ пріѣхалъ домой и сталъ разсказывать женѣ. Жена выслушала, но въ серединѣ разсказа его вошла дочь въ шляпкѣ, она собиралась съ матерью ѣхать. Она съ усиліемъ присѣла послушать эту скуку, но долго не выдержала, и мать не дослушала.

— Ну, я очень рада,—сказала жена,—такъ теперь ты смотри жъ, принимай аккуратно лѣкарство. Дай рецептъ, я пошлю Герасима въ аптеку.—И она пошла одѣваться.

Онъ не переводилъ дыханія, пока она была въ комнатѣ, и тяжело вздохнулъ, когда она вышла.

— Ну, что жъ,—сказалъ онъ.—Можетъ быть, и точно ничего еще.

Онъ сталъ принимать лѣкарство, исполнять предписанія доктора, которыя измѣнились по случаю изслѣдованія мочи. Но тутъ какъ разъ такъ случилось, что въ этомъ изслѣдованіи и въ томъ, что должно было послѣдовать за нимъ, вышла какая-то путаница. До самого доктора нельзя было добраться, а выходило, что дѣлалось не то, что говорилъ ему докторъ. Или онъ забылъ, или совралъ, или скрывалъ отъ него что-нибудь.

Но Иванъ Ильичъ все-таки точно сталъ исполнять предписанія, и въ исполненіи этомъ нашелъ утѣшеніе на первое время.

Главнымъ занятіемъ Ивана Ильича, со времени посѣщенія доктора, стало точное исполненіе предписаній доктора относительно гигіены и приниманія лѣкарствъ и прислуши-

ваніе къ своей боли, ко всѣмъ своимъ отправленіямъ организма. Главными интересами Ивана Ильича стали людскія болѣзни и людское здоровье. Когда при немъ говорили о больныхъ, объ умершихъ, о выздоровѣвшихъ, особенно о такой болѣзни, которая походила на его, онъ, стараясь скрыть свое волненіе, прислушивался, разспрашивалъ и дѣлалъ примѣненіе къ своей болѣзни.

Боль не уменьшалась; но Иванъ Ильичъ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы заставлять себя думать, что ему лучше. И онъ могъ обманывать себя, пока ничего не волновало его. Но какъ только случалась непріятность съ женой, неудача въ службѣ, дурныя карты въ винтѣ, такъ сейчасъ онъ чувствовалъ всю силу своей болѣзни: бывало, онъ переносилъ эти неудачи, ожидая, что вотъ-вотъ исправлю плохое, поборю, дождусь успѣха, большого шлема. Теперь же всякая неудача подкашивала его и ввергала въ отчаяніе. Онъ говоритъ себѣ: вотъ, только-что я сталъ поправляться, и лѣкарство начинало уже дѣйствовать, и вотъ это проклятое несчастіе или непріятность... И онъ злился на несчастіе или на людей, дѣлавшихъ ему непріятности и убивающихъ его, и чувствовалъ, какъ эта злоба убиваетъ его; но не могъ воздержаться отъ нея. Казалось бы, ему должно бы было быть ясно, что это озлобленіе его на обстоятельства и людей усиливаетъ его болѣзнь, и что поэтому ему надо не обращать вниманія на непріятныя случайности; но онъ дѣлалъ совершенно обратное разсужденіе: онъ говорилъ, что ему нужно спокойствіе, слѣдилъ за всѣмъ, что нарушало это спокойствіе, и при всякомъ малѣйшемъ нарушеніи приходилъ въ раздраженіе. Ухудшало его положеніе то, что онъ читалъ медицинскія книги и совѣтовался съ докторами. Ухуд-

шеніе шло такъ равномѣрно, что онъ могъ себя обманывать, сравнивая одинъ день съ другимъ—разницы было мало. Но, когда совѣтовался онъ съ докторами, тогда ему казалось, что идетъ къ худшему, и очень быстро даже. И, несмотря на это, онъ постоянно совѣтовался съ докторами.

Въ этотъ мѣсяцъ онъ побывалъ у другой знаменитости: другая знаменитость сказала почти то же, что и первая, но иначе поставила вопросы. И совѣтъ съ этой знаменитостью только усугубилъ сомнѣніе и страхъ Ивана Ильича. Пріятель его пріятеля—докторъ, очень хорошій—тотъ еще совсѣмъ иначе опредѣлилъ болѣзнь и, несмотря на то, что обѣщалъ выздоровленіе, своими вопросами и предположеніями еще больше спуталъ Ивана Ильича и усилилъ его сомнѣнія. Гомеопатъ—еще иначе опредѣлилъ болѣзнь, и далъ лѣкарство, и Иванъ Ильичъ, тайно отъ всѣхъ, принималъ его съ недѣлю. Но послѣ недѣли, не почувствовавъ облегченія и потерявъ довѣріе и къ прежнимъ лѣченіямъ и къ этому, пришелъ въ еще большее уныніе. Разъ знакомая дама разсказывала про исцѣленіе иконами. Иванъ Ильичъ засталъ себя на томъ, что онъ внимательно прислушивался и повѣрялъ дѣйствительность факта. Этотъ случай испугалъ его. „Неужели я такъ умственно ослабѣлъ? сказалъ онъ себѣ. Пустяки! Все вздоръ; не надо поддаваться мнительности, а, избравъ одного врача, строго держаться его лѣченія. Такъ и буду дѣлать. Теперь кончено. Не буду думать, и до лѣта строго буду исполнять лѣченіе. А тамъ видно будетъ. Теперь конецъ этимъ колебаніямъ!..“ Легко было сказать это, но невозможно исполнить. Боль въ боку все томила, все какъ будто усиливалась, становилась постояннѣе, вкусъ во рту становился все страннѣе,—ему казалось, что пахло чѣмъ-

то отвратительнымъ у него изо рта, и аппетитъ и силы все слабѣли. Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнѣе никогда въ жизни не было съ Иваномъ Ильичемъ, совершалось въ немъ. И онъ одинъ зналъ про это, всѣ же окружающіе не понимали или не хотѣли понимать и думали, что все на свѣтѣ идетъ попрежнему. Это-то болѣе всего мучило Ивана Ильича. Домашніе, главное—жена и дочь, которыя были въ самомъ разгарѣ выѣздовъ, онъ видѣлъ, ничего не понимали, досадовали на то, что онъ такой невеселый и требовательный, какъ будто онъ былъ виноватъ въ этомъ. Хотя онѣ и старались скрывать это, онъ видѣлъ, что онъ имъ помѣха; но что жена выработала себѣ извѣстное отношеніе къ его болѣзни и держалась его независимо отъ того, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Отношеніе это было такое: „Вы знаете, говорила она знакомымъ, Иванъ Ильичъ не можетъ, какъ всѣ добрые люди, строго исполнять предписанное лѣченіе. Нынче онъ приметъ капли и кушаетъ, что велѣно, и вовремя ляжетъ; завтра вдругъ, если я просмотрю, забудетъ принять, скушаетъ осетрины (а ему не велѣно), да и засидится за винтомъ до часа".

— Ну, когда же! скажетъ Иванъ Ильичъ съ досадою, одинъ разъ у Петра Ивановича.

— А вчера съ Шебекомъ.

— Все равно—я не могъ спать отъ боли...

— Да тамъ ужъ отчего бы то ни было, только такъ ты никогда не выздоровѣешь, и мучаешь насъ.

Внѣшнее, высказываемое другимъ и ему самому, отношеніе Прасковьи Ѳедоровны было такое къ болѣзни мужа, что въ болѣзни этой виноватъ Иванъ Ильичъ, и вся болѣзнь

эта есть новая непріятность, которую онъ дѣлаетъ женѣ. Иванъ Ильичъ чувствовалъ, что это выходило у нея невольно; но отъ этого ему не легче было.

Въ судѣ Иванъ Ильичъ замѣчалъ или думалъ, что замѣчаетъ тоже странное къ себѣ отношеніе: то ему казалось, что къ нему приглядываются, какъ къ человѣку, имѣющему скоро опростать мѣсто; то вдругъ его пріятели начинали дружески подшучивать надъ его мнительностью, какъ будто то, что-то ужасное и страшное, неслыханное, что завелось въ немъ и не переставая сосетъ его и неудержимо влечетъ куда-то, есть самый пріятный предметъ для шутки. Особенно Шварцъ своей игривостью, жизненностью и комильфотностью, напоминавшими Ивану Ильичу его самого за десять лѣтъ назадъ, раздражалъ его.

Приходили друзья составить партію, садились. Сдавали, разминались новыя карты, складывались бубны къ бубнамъ, ихъ 7. Партнёръ сказалъ: безъ козырей, и поддержалъ 2 бубны. Чего жъ еще? Весело, бодро должно бы быть— шлемъ. И вдругъ Иванъ Ильичъ чувствуетъ эту сосущую боль, этотъ вкусъ во рту и ему что-то дикое представляется въ томъ, что онъ при этомъ можетъ радоваться шлему.

Онъ глядитъ на Михаила Михайловича, партнёра, какъ онъ бьетъ по столу сангвинической рукой, и учтиво и снисходительно удерживается отъ захватыванія взятокъ, а подвигаетъ ихъ къ Ивану Ильичу, чтобы доставить ему удовольствіе собирать ихъ, не утруждая себя, не протягивая далеко руку. „Что жъ онъ думаетъ, что я такъ слабъ, что не могу далеко протянуть руку“, думаетъ Иванъ Ильичъ, забываетъ козырей и козыряетъ лишній разъ по своимъ и проигрываетъ шлемъ безъ трехъ, и, что ужаснѣе всего, это

то, что онъ видитъ, какъ страдаетъ Михаилъ Михайловичъ, а ему все равно. И ужасно думать, отчего ему все равно.

Всѣ видятъ, что ему тяжело, и говорятъ ему: „Мы можемъ прекратить, если вы устали. Вы отдохните". Отдохнуть? Нѣтъ, онъ нисколько не усталъ, они доигрываютъ роберъ. Всѣ мрачны и молчаливы. Иванъ Ильичъ чувствуетъ, что онъ напустилъ на нихъ эту мрачность, и не можетъ ее разсѣять. Они ужинаютъ и разъѣзжаются, и Иванъ Ильичъ остается одинъ съ сознаніемъ того, что его жизнь отравлена для него и отравляетъ жизнь другихъ, и что отрава эта не ослабѣваетъ, а все больше и больше проникаетъ все существо его.

И съ сознаніемъ этимъ, да еще съ болью физической, да еще съ ужасомъ, надо было ложиться въ постель и часто не спать отъ боли большую часть ночи. А на утро надо было опять вставать, одѣваться, ѣхать въ судъ, говорить, писать, а если и не ѣхать, дома быть съ тѣми же двадцатью четырьмя часами въ суткахъ, изъ которыхъ каждый былъ мученіемъ. И жить такъ на краю погибели надо было одному, безъ одного человѣка, который бы понялъ и пожалѣлъ его.

V.

Такъ шло мѣсяцъ и два. Передъ новымъ годомъ пріѣхалъ въ ихъ городъ его шуринъ и остановился у нихъ. Иванъ Ильичъ былъ въ судѣ. Прасковья Ѳедоровна ѣздила за покупками. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ засталъ тамъ шурина, здороваго сангвиника, самого раскладывающаго чемоданъ. Онъ поднялъ голову на шаги Ивана Ильича и поглядѣлъ на него секунду молча. Этотъ взглядъ все открылъ

Ивану Ильичу. Шуринъ раскрылъ ротъ, чтобы ахнуть, и удержался. Это движеніе подтвердило все.

— Что, перемѣнился?

— Да... есть перемѣна.

И сколько Иванъ Ильичъ ни наводилъ послѣ шурина на разговоръ о его внѣшнемъ видѣ, шуринъ отмалчивался. Пріѣхала Прасковья Өедоровна, шуринъ пошелъ къ ней. Иванъ Ильичъ заперъ дверь на ключъ, и сталъ смотрѣться въ зеркало—прямо, потомъ съ боку. Взялъ свой портретъ въ женою и сличилъ портретъ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ зеркалѣ. Перемѣна была огромная. Потомъ онъ оголилъ руки до локтя, посмотрѣлъ, опустилъ рукава, сѣлъ на оттоманку и сталъ чернѣе ночи.

„Не надо, не надо", сказалъ онъ себѣ, вскочилъ, подошелъ къ столу, открылъ дѣло, сталъ читать его, но не могъ. Онъ отперъ дверь, пошелъ въ залу. Дверь въ гостиную была затворена. Онъ подошелъ къ ней на цыпочкахъ и сталъ слушать.

— Нѣтъ, ты преувеличиваешь,— говорила Прасковья Өедоровна.

— Какъ преувеличиваю? Тебѣ не видно, онъ мертвый человѣкъ, посмотри его глаза. Нѣтъ свѣта. Да что у него?

— Никто не знаетъ. Николаевъ (это былъ другой докторъ) сказалъ что-то, но я не знаю. Лещетицкій (это былъ знаменитый докторъ) сказалъ напротивъ...

Иванъ Ильичъ отошелъ, пошелъ къ себѣ, легъ и сталъ думать: „почка, блуждающая почка". Онъ вспомнилъ все то, что̀ ему говорили доктора, какъ она оторвалась и какъ блуждаетъ. И онъ усиліемъ воображенія старался поймать

эту почку и остановить, укрѣпить ее. Такъ мало нужно, казалось ему. „Нѣтъ, поѣду еще къ Петру Ивановичу". (Это былъ тотъ пріятель, у котораго былъ пріятель докторъ). Онъ позвонилъ, велѣлъ заложить лошадь и собрался ѣхать.

— Куда ты, Jean?—спросила жена, съ особенно грустнымъ и непривычно добрымъ выраженіемъ.

Это непривычное доброе выраженіе озлобило его. Онъ мрачно посмотрѣлъ на нее.

— Мнѣ надо къ Петру Ивановичу.

Онъ поѣхалъ къ пріятелю, у котораго былъ пріятель докторъ. И съ нимъ къ доктору. Онъ засталъ его и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Разсматривая анатомически и физіологически подробности о томъ, что, по мнѣнію доктора, происходило въ немъ, онъ все понялъ.

Была одна штучка—маленькая штучка въ слѣпой кишкѣ. Все это могло поправиться. Усилить энергію одного органа, ослабить дѣятельность другого, произойдетъ всасываніе, и все поправится. Онъ немного опоздалъ къ обѣду. Пообѣдалъ, весело поговорилъ, но долго не могъ уйти къ себѣ заниматься. Наконецъ, онъ пошелъ въ кабинетъ и тотчасъ же сѣлъ за работу. Онъ читалъ дѣла, работалъ, но сознаніе того, что у него есть отложенное, важное, задушевное дѣло, которымъ онъ займется по окончаніи, не оставляло его. Когда онъ кончилъ дѣла, онъ вспомнилъ, что это задушевное дѣло были мысли о слѣпой кишкѣ. Но онъ не предался имъ, онъ пошелъ въ гостиную къ чаю. Были гости, говорили и играли на фортепіано, пѣли, былъ судебный слѣдователь, желанный женихъ дочери.

Иванъ Ильичъ провелъ вечеръ, по замѣчанію Прасковьи Өедоровны, веселѣе другихъ, но онъ не забывалъ ни на минуту, что у него есть отложенныя важныя мысли о слѣпой кишкѣ. Въ 11 часовъ онъ простился и пошелъ къ себѣ. Онъ спалъ одинъ со времени своей болѣзни, въ маленькой комнаткѣ, у кабинета. Онъ пошелъ, раздѣлся и взялъ романъ Зола, но не читалъ его, а думалъ. И въ его воображеніи происходило то желанное исправленіе слѣпой кишки. Всасывалось, выбрасывалось, возстановлялась правильная дѣятельность. „Да, это все такъ", сказалъ онъ себѣ. „Только надо помогать природѣ". Онъ вспомнилъ о лѣкарствѣ, приподнялся, принялъ его, легъ на спину, прислушиваясь къ тому, какъ благотворно дѣйствуетъ лѣкарство и какъ оно уничтожаетъ боль. „Только равномѣрно принимать и избѣгать вредныхъ вліяній; я ужъ теперь чувствую нѣсколько лучше, гораздо лучше". Онъ сталъ щупать бокъ, на ощупь не больно. „Да, я не чувствую—право, уже гораздо лучше". Онъ потушилъ свѣчу и легъ на бокъ... Слѣпая кишка исправляется, всасывается. Вдругъ онъ почувствовалъ знакомую, старую, глухую, ноющую боль, упорную, тихую, серьезную. Во рту та же знакомая гадость. Засосало сердце, помутилось въ головѣ. „Боже мой, Боже мой!" проговорилъ онъ, „опять, опять, и никогда не перестанетъ". И вдругъ ему дѣло представилось совсѣмъ съ другой стороны. „Слѣпая кишка! почка!" сказалъ онъ себѣ. „Не въ слѣпой кишкѣ, не въ почкѣ дѣло, а въ жизни и... смерти. Да, жизнь была, и вотъ уходитъ, уходитъ, и я не могу удержать ее. Да. Зачѣмъ обманывать себя? Развѣ не очевидно всѣмъ, кромѣ меня, что я умираю, и вопросъ только въ числѣ недѣль, дней—сейчасъ можетъ

быть. То свѣтъ былъ, а теперь мракъ. То я здѣсь былъ, а теперь туда! Куда? „Его обдало холодомъ, дыханіе остановилось. Онъ слышалъ только удары сердца.

„Меня не будетъ, такъ что же будетъ? Ничего не будетъ. Такъ гдѣ же я буду, когда меня не будетъ? Неужели смерть? Нѣтъ, не хочу". Онъ вскочилъ, хотѣлъ зажечь свѣчу, пошарилъ дрожащими руками, уронилъ свѣчу съ подсвѣчникомъ на полъ и опять повалился назадъ на подушку. „Зачѣмъ? все равно", говорилъ онъ себѣ, открытыми глазами глядя въ темноту. „Смерть. Да, смерть. И они никто и не знаютъ, и не хотятъ знать, и не жалѣютъ. Они играютъ. (Онъ слышалъ дальній, изъ-за двери, раскатъ голоса и ритурнели.) Имъ все равно, а они также умрутъ. Дурачье! Мнѣ раньше, а имъ послѣ; и имъ то же будетъ. А они радуются. Скоты". Злоба душила его. И ему стало мучительно, невыносимо тяжело. „Не можетъ же быть, чтобъ всѣ всегда были обречены на этотъ ужасный страхъ?" Онъ поднялся.

„Что-нибудь не такъ, надо успокоиться, надо обдумать все сначала". И вотъ онъ началъ обдумывать. „Да, начало болѣзни. Стукнулся бокомъ, и все такой же я былъ, и нынче, и завтра; немного ныло, потомъ больше, потомъ доктора, потомъ унылость, тоска, опять доктора; а я все шелъ ближе, ближе къ пропасти. Силъ меньше. Ближе, ближе. И вотъ я исчахъ, у меня свѣта въ глазахъ нѣтъ. И смерть, а я думаю о кишкѣ. Думаю о томъ, чтобы почнинить кишку, а это смерть. Неужели смерть?" Опять на него нашелъ ужасъ, онъ запыхался, нагнулся, сталъ искать спичекъ, надавилъ локтемъ на тумбочку. Она мѣшала ему и дѣлала больно, онъ разозлился на нее, надавилъ съ досадой сильнѣе и повалилъ

тумбочку. И въ отчаяніи, задыхаясь, онъ повалился на спину, ожидая сейчасъ же смерти.

Гости уѣзжали въ это время. Прасковья Ѳедоровна провожала ихъ. Она услыхала паденіе и вошла.

— Что ты?

— Ничего. Уронилъ нечаянно.

Она вышла, принесла свѣчу. Онъ лежалъ, тяжело и быстро дыша, какъ человѣкъ, который пробѣжалъ версту, остановившимися глазами глядя на нее.

— Что ты, Jean?

— Ниче...го. У...ро...нилъ. „Что же говорить? Она не пойметъ", думалъ онъ.

Она точно не поняла. Она подняла, зажгла ему свѣчу и поспѣшно ушла. Ей надо было проводить гостью. Когда она вернулась, онъ такъ же лежалъ навзничь, глядя вверхъ.

— Что тебѣ, или хуже?

— Да.

Она покачала головой, посидѣла.

— Знаешь, Jean? я думаю, не пригласить ли Лещетицкаго на домъ?

Это значитъ знаменитаго доктора пригласить и не пожалѣть денегъ. Онъ ядовито улыбнулся и сказалъ: нѣтъ. Она посидѣла, подошла и поцѣловала его въ лобъ.

Онъ ненавидѣлъ ее всѣми силами души въ то время, какъ она цѣловала его, и дѣлалъ усилія, чтобы не оттолкнуть ее.

— Прощай. Богъ дастъ заснешь.

— Да.

VI.

Иванъ Ильичъ видѣлъ, что онъ умираетъ, и былъ въ постоянномъ отчаяніи.

Въ глубинѣ души Иванъ Ильичъ зналъ, что онъ умираетъ, но онъ не только не привыкъ къ этому, но просто не понималъ, никакъ не могъ понять этого.

Тотъ примѣръ силлогизма, которому онъ учился въ логикѣ Кизеветера: Кай—человѣкъ, люди смертны, потому Кай смертенъ, казался ему во всю его жизнь правильнымъ только по отношенію къ Каю, но никакъ не къ нему. То былъ Кай человѣкъ, вообще человѣкъ, и это было совершенно справедливо; но онъ былъ не Кай и не вообще человѣкъ, а онъ всегда былъ совсѣмъ, совсѣмъ особенное отъ всѣхъ другихъ существо; но онъ былъ Ваня, съ мама, съ папа, съ Митей и Володей, съ игрушками, кучеромъ, съ няней, потомъ съ Катенькой, со всѣми радостями, горестями, восторгами дѣтства, юности, молодости. Развѣ для Кая былъ тотъ запахъ кожанаго полосками мячика, который такъ любилъ Ваня? Развѣ Кай цѣловалъ такъ руку матери, и развѣ для Кая такъ шуршалъ шелкъ складокъ платья матери? Развѣ онъ бунтовалъ за пирожки въ правовѣдѣніи? Развѣ Кай такъ былъ влюбленъ? Развѣ Кай такъ могъ вести засѣданіе?

И Кай точно смертенъ, и ему правильно умирать, но мнѣ, Ванѣ, Ивану Ильичу, со всѣми моими чувствами, мыслями—мнѣ, это другое дѣло. И не можетъ быть, чтобы мнѣ слѣдовало умирать. Это было бы слишкомъ ужасно.

Такъ чувствовалось ему.

„Если бъ и мнѣ умирать, какъ Каю, то я такъ бы и зналъ это, такъ бы и говорилъ мнѣ внутренній голосъ; но начего подобнаго не было во мнѣ; и я, и всѣ мои друзья, мы понимали, что это совсѣмъ не такъ, какъ съ Каемъ. А теперь вотъ что!“ говорилъ онъ себѣ. „Не можетъ быть! Не можетъ быть, а есть. Какъ же это? Какъ понять это?“

И онъ не могъ понять и старался отогнать эту мысль, какъ ложную, неправильную, болѣзненную, и вытѣснить ее другими, правильными, здоровыми мыслями. Но мысль эта, не только мысль, но какъ будто дѣйствительность, приходила опять и становилась передъ нимъ.

И онъ призывалъ поочереди на мѣсто этой мысли другія мысли, въ надеждѣ найти въ нихъ опору. Онъ пытался возвратиться къ прежнимъ ходамъ мысли, которые заслоняли для него прежде мысль о смерти. Но, странное дѣло, все то, что̀ прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознаніе смерти, теперь уже не могло производить этого дѣйствія. Послѣднее время Иванъ Ильичъ большей частью проводилъ въ этихъ попыткахъ возстановить прежніе ходы чувства, заслонявшаго смерть. То онъ говорилъ себѣ: „займусь службой, вѣдь я жилъ же ею“. И онъ шелъ въ судъ, отгоняя отъ себя всякія сомнѣнія; вступалъ въ разговоры съ товарищами и садился по старой привычкѣ, разсѣянно, задумчивымъ взглядомъ окидывая толпу и обѣими исхудавшими руками опираясь на ручки дубоваго кресла, такъ же, какъ обыкновенно, перегибаясь къ товарищу, подвигая дѣло, перешоптываясь и потомъ вдругъ, вскидывая глаза и прямо усаживаясь, произносилъ извѣстныя слова и начиналъ дѣло. Но вдругъ въ серединѣ боль въ боку, не обращая никакого вниманія на періодъ развитія дѣла, начинала *свое* сосущее

дѣло. Иванъ Ильичъ прислушивался, отгонялъ мысль о ней, но она продолжала свое, и *она* приходила и становилась прямо передъ нимъ и смотрѣла на него, и онъ столбенѣлъ, огонь тухъ въ глазахъ, и онъ начиналъ опять спрашивать себя: неужели только *она* правда? И товарищи, и подчиненные съ удивленіемъ и огорченіемъ видѣли, что онъ, такой блестящій, тонкій судья, путался, дѣлалъ ошибки. Онъ встряхивался, старался опомниться и кое-какъ доводилъ до конца засѣданіе, и возвращался домой съ грустнымъ сознаніемъ, что не можетъ по-старому судейское его дѣло скрыть отъ него то, что̀ онъ хотѣлъ скрыть; что судейскимъ дѣломъ онъ не можетъ избавиться отъ *нея*. И что̀ было хуже всего, это то, что *она* отвлекала его къ себѣ не за тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ что-нибудь, а только для того, чтобы онъ смотрѣлъ на нее, прямо ей въ глаза, смотрѣлъ на нее и, ничего не дѣлая, невыразимо мучился.

И, спасаясь отъ этого состоянія, Иванъ Ильичъ искалъ утѣшенія, другихъ ширмъ, и другія ширмы являлись и на короткое время какъ будто спасали его, но тотчасъ же опять не только разрушались, сколько просвѣчивали, какъ будто *она* проникала черезъ все, и ни что не могло заслонить ее.

Бывало, въ это послѣднее время онъ войдетъ въ гостиную, убранную имъ, въ ту гостиную, гдѣ онъ упалъ, для которой онъ—какъ ему ядовито смѣшно было думать—для устройства которой онъ пожертвовалъ жизнью, потому что онъ зналъ, что болѣзнь его началась съ этого ушиба; онъ входилъ и видѣлъ, что на лакированномъ столѣ былъ рубецъ, прорѣзанный чѣмъ-то. Онъ искалъ причину и находилъ ее въ бронзовомъ украшеніи альбома, отогнутомъ на краю. Онъ бралъ альбомъ, дорогой, имъ составленный съ

любовью, и досадовалъ на неряшливость дочери и ея друзей,—то разорвано, то карточки перевернуты. Онъ приводилъ это старательно въ порядокъ, загибалъ опять украшеніе.

Потомъ ему приходила мысль весь этотъ établissement съ альбомами перемѣстить въ другой уголъ къ цвѣтамъ. Онъ звалъ лакея; или дочь или жена приходили на помощь; онѣ не соглашались, противорѣчили, онъ спорилъ, сердился; но все было хорошо, потому что онъ не помнилъ о *ней*, *ея* не видно было.

Но вотъ жена сказала, когда онъ самъ передвигалъ: позволь, люди сдѣлаютъ, ты опять себѣ сдѣлаешь вредъ,—и вдругъ, *она* мелькнула черезъ ширмы, онъ увидалъ *ее*. *Она* мелькнула, онъ еще надѣется, что она скроется, но невольно онъ прислушался къ боку—тамъ сидитъ все то же, все такъ же ноетъ, и онъ ужъ не можетъ забыть, и *она* явственно глядитъ на него изъ-за цвѣтовъ. Къ чему все?

„И, правда, что здѣсь, на этой гардинѣ, я, какъ на штурмѣ, потерялъ жизнь. Неужели? Какъ ужасно и какъ глупо! Это не можетъ быть! Не можетъ быть, но есть“.

Онъ шелъ въ кабинетъ, ложился и оставался опять одинъ съ нею. Съ глазу на глазъ съ *нею*, а дѣлать съ *нею*—нечего. Только смотрѣть на *нее* и холодѣть.

VII.

Какъ это сдѣлалось на 3-мъ мѣсяцѣ болѣзни Ивана Ильича,—нельзя было сказать, потому что это дѣлалось шагъ за шагомъ незамѣтно, но сдѣлалось то, что и жена, и дочь,

и сынъ его, и прислуга, и знакомые, и доктора, и, главное, онъ самъ—знали, что весь интересъ въ немъ для другихъ состоитъ только въ томъ, скоро ли, наконецъ, онъ опроститъ мѣсто, освободитъ живыхъ отъ стѣсненія, производимаго его присутствіемъ, и самъ освободится отъ своихъ страданій.

Онъ спалъ меньше и меньше; ему давали опіумъ и начали прыскать морфиномъ. Но это не облегчало его. Тупая тоска, которую онъ испытывалъ въ полуусыпленномъ состояніи, сначала только облегчала его, какъ что-то новое, но потомъ она стала такъ же, или еще болѣе мучительна, чѣмъ откровенная боль.

Ему готовили особенныя кушанья по предписанію врачей; но кушанья эти все были для него безвкуснѣе и безвкуснѣе, отвратительнѣе и отвратительнѣе.

Для испражненій его тоже были сдѣланы особыя приспособленія, и всякій разъ это было мученіе. Мученіе отъ нечистоты, неприличія и запаха, отъ сознанія того, что въ этомъ долженъ участвовать другой человѣкъ.

Но въ этомъ самомъ непріятномъ дѣлѣ и явилось утѣшеніе Ивану Ильичу. Приходилъ всегда выносить за нимъ буфетный мужикъ—Герасимъ.

Герасимъ былъ чистый, свѣжій, раздобрѣвшій на городскихъ харчахъ молодой мужикъ. Всегда веселый, ясный. Сначала видъ этого, всегда чисто, по-русски, одѣтаго человѣка, дѣлавшаго это противное дѣло, смущалъ Ивана Ильича.

Одинъ разъ онъ, вставъ съ судна и не въ силахъ поднять панталоны, повалился на мягкое кресло и съ ужасомъ смотрѣлъ на свои обнаженныя, съ рѣзко обозначенными мускулами, безсильныя ляжки.

Вошелъ въ толстыхъ сапогахъ, распространяя вокругъ себя пріятный запахъ дегтя отъ сапогъ и свѣжести зимняго воздуха, легкой, сильной поступью Герасимъ, въ посконномъ чистомъ фартукѣ и чистой ситцевой рубахѣ, съ засученными на голыхъ, сильныхъ, молодыхъ рукахъ рукавами, и, не глядя на Ивана Ильича, очевидно сдерживая, чтобъ не оскорбить больного, радость жизни, сіяющую на его лицѣ, подошелъ къ судну.

— Герасимъ,—слабо сказалъ Иванъ Ильичъ.

Герасимъ вздрогнулъ, очевидно испугавшись, не промахнулся ли онъ въ чемъ, и быстрымъ движеніемъ повернулъ къ больному свое свѣжее, доброе, простое, молодое лицо, только-что начинавшее обростать бородой.

— Чего изволите?

— Тебѣ, я думаю, непріятно это. Ты извини меня. Я не могу.

— Помилуйте-съ.—И Герасимъ блеснулъ глазами и оскалилъ свои молодые, бѣлые зубы.—Отчего жъ не потрудиться? Ваше дѣло больное.

И онъ ловкими, сильными руками сдѣлалъ свое привычное дѣло и вышелъ, легко ступая. И черезъ пять минутъ, такъ же легко ступая, вернулся.

Иванъ Ильичъ все такъ же сидѣлъ на креслѣ.

— Герасимъ,—сказалъ онъ, когда тотъ поставилъ чистое, обмытое судно.—Пожалуйста, помоги мнѣ, поди сюда.—Герасимъ подошелъ.—Подними меня. Мнѣ тяжело одному, а Дмитрія я услалъ.

Герасимъ подошелъ; сильными руками, такъ же, какъ онъ легко ступалъ, обнялъ, ловко, мягко поднялъ и поддержалъ, другой рукой подтянулъ панталоны и хотѣлъ посадить. Но Иванъ Ильичъ попросилъ его свести его на диванъ. Герасимъ,

безъ усилія и какъ будто не нажимая, свелъ его, почти неся, къ дивану и посадилъ.

— Спасибо, какъ ты ловко, хорошо... все дѣлаешь.

Герасимъ опять улыбнулся и хотѣлъ уйти. Но Ивану Ильичу такъ хорошо было съ нимъ, что не хотѣлось отпускать.

— Вотъ что, подвинь мнѣ, пожалуйста, стулъ этотъ. Нѣтъ, вотъ этотъ, подъ ноги. Мнѣ легче, когда у меня ноги выше.

Герасимъ принесъ стулъ, поставилъ, не стукнувъ, въ разъ опустилъ его ровно до полу, и поднялъ ноги Ивана Ильича на стулъ. Ивану Ильичу показалось, что ему легче стало въ то время, какъ Герасимъ высоко поднималъ его ноги.

— Мнѣ лучше, когда ноги у меня выше,—сказалъ Иванъ Ильичъ.—Подложи мнѣ вонъ ту подушку.

Герасимъ сдѣлалъ это. Опять поднялъ ноги и положилъ. Опять Ивану Ильичу стало лучше, пока Герасимъ держалъ его ноги. Какъ онъ опустилъ ихъ, ему показалось хуже.

— Герасимъ,—сказалъ онъ ему,—ты теперь занятъ?

— Никакъ нѣтъ-съ,—сказалъ Герасимъ, выучившійся у городскихъ людей говорить съ господами.

— Тебѣ что̀ дѣлать надо еще?

— Да мнѣ что жъ дѣлать? Все передѣлалъ, только дровъ наколоть на завтра.

— Такъ подержи мнѣ такъ ноги повыше, можешь?

— Отчего же, можно.

Герасимъ поднялъ ноги выше. И Ивану Ильичу показалось, что въ этомъ положеніи онъ совсѣмъ не чувствуетъ боли.

— А дрова-то какъ же?

— Не извольте безпокоиться. Мы успѣемъ.

Иванъ Ильичъ велѣлъ Герасиму сѣсть и держать ноги, и поговорилъ съ нимъ. И, странное дѣло, ему казалось, что ему лучше, пока Герасимъ держалъ его ноги.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Ильичъ сталъ иногда звать Герасима и заставлялъ его держать себѣ на плечахъ ноги, и любилъ говорить съ нимъ. Герасимъ дѣлалъ это легко, охотно, просто и съ добротой, которая умиляла Ивана Ильича. Здоровье, сила, бодрость жизни во всѣхъ другихъ людяхъ оскорбляла Ивана Ильича; только сила и бодрость жизни Герасима не огорчала, а успокоивала Ивана Ильича.

Главное мученіе Ивана Ильича была ложь. Та, всѣми почему-то признанная ложь, что онъ только боленъ, а не умираетъ, и что ему надо только быть спокойнымъ и лѣчиться, и тогда что-то выйдетъ очень хорошее. Онъ же зналъ, что что̀ бы ни дѣлали, ничего не выйдетъ, кромѣ еще болѣе мучительныхъ страданій и смерти. И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотѣли признаться въ томъ, что̀ всѣ знали и онъ зналъ, а хотѣли лгать надъ нимъ по случаю ужаснаго его положенія, и хотѣли и заставляли его самого принимать участіе въ этой лжи. Ложь, ложь, эта совершаемая надъ нимъ наканунѣ его смерти ложь, долженствующая низвести этотъ страшный, торжественный актъ его смерти до уровня всѣхъ ихъ визитовъ, гардинъ, осетрины къ обѣду... была ужасно мучительна для Ивана Ильича. И странно, онъ много разъ, когда они надъ нимъ продѣлывали свои штуки, былъ на волоскѣ отъ того, чтобы закричать имъ: перестаньте врать! и вы знаете, и я знаю, что я умираю, такъ перестаньте, по крайней мѣрѣ, врать! Но никогда онъ не имѣлъ духа сдѣлать этого. Страшный, ужасный актъ его умиранія, онъ видѣлъ, всѣми окружающими его былъ низведенъ на

степень случайной непріятности, отчасти неприличія (вродѣ того, какъ обходятся съ человѣкомъ, который, войдя въ гостиную, распространяетъ отъ себя дурной запахъ), низведенъ тѣмъ самымъ „приличіемъ“, которому онъ служилъ всю свою жизнь; онъ видѣлъ, что никто не пожалѣетъ его, потому что никто не хочетъ даже понимать его положенія. Одинъ только Герасимъ понималъ это положеніе и жалѣлъ его. И потому Ивану Ильичу хорошо было только съ Герасимомъ. Ему хорошо было, когда Герасимъ, иногда цѣлыя ночи напролетъ, держалъ его ноги и не хотѣлъ уходить спать, говоря: вы не извольте безпокоиться, Иванъ Ильичъ, высплюсь еще, или когда онъ вдругъ, переходя на ты, прибавлялъ: кабы ты не больной, а то отчего же не послужить? Одинъ Герасимъ не лгалъ; по всему видно было, что онъ одинъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не считалъ нужнымъ скрывать этого, и просто жалѣлъ исчахшаго слабаго барина. Онъ даже разъ прямо сказалъ, когда Иванъ Ильичъ отсылалъ его:

— Всѣ умирать будемъ. Отчего же не потрудиться?—сказалъ онъ, выражая этимъ то, что онъ не тяготится своимъ трудомъ именно потому, что несетъ его для умирающаго человѣка, и надѣется, что и для него кто-нибудь въ его время понесетъ тотъ же трудъ.

Кромѣ этой лжи, или вслѣдствіе ея, мучительнѣе всего было для Ивана Ильича то, что никто не жалѣлъ его такъ, какъ ему хотѣлось, чтобы его жалѣли: Ивану Ильичу въ иныя минуты, послѣ долгихъ страданій, больше всего хотѣлось, какъ ему ни совѣстно бы было признаться въ этомъ— хотѣлось того, чтобъ его, какъ дитя больное, пожалѣлъ бы кто-нибудь. Ему хотѣлось, чтобъ его приласкали, поцѣло-

вали, поплакали бы надъ нимъ, какъ ласкаютъ и утѣшаютъ дѣтей. Онъ зналъ, что онъ важный членъ, что у него сѣдѣющая борода и что потому это невозможно; но ему все-таки хотѣлось этого. И въ отношеніяхъ съ Герасимомъ было что-то близкое къ этому. И потому отношенія съ Герасимомъ утѣшали его. Ивану Ильичу хочется плакать, хочется, чтобъ его ласкали и плакали надъ нимъ, и вотъ, приходитъ товарищъ, членъ Шебекъ, и вмѣсто того, чтобы плакать и ласкаться, Иванъ Ильичъ дѣлаетъ серьезное, строгое, глубокомысленное лицо, и по инерціи говоритъ свое мнѣніе о значеніи кассаціоннаго рѣшенія и упорно настаиваетъ на немъ. Эта ложь вокругъ него и въ немъ самомъ болѣе всего отравляла послѣдніе дни жизни Ивана Ильича.

VIII.

Было утро. Потому только было утро, что Герасимъ ушелъ, и пришелъ Петръ лакей: потушилъ свѣчи, открылъ одну гардину и сталъ потихоньку убирать. Утро ли, вечеръ ли былъ, пятница, воскресенье ли было—все было все равно,—все было одно и то же: ноющая, ни на мгновеніе не утихающая, мучительная боль; сознаніе безнадежно все уходящей, но все не ушедшей еще жизни; надвигающаяся все та же страшная, ненавистная смерть, которая одна была дѣйствительность; и все та же ложь. Какіе же тутъ дни, недѣли и часы дня?

— Не прикажете ли чаю?

„Ему нуженъ порядокъ, чтобъ по утрамъ господа пили чай“, подумалъ онъ и сказалъ только:

— Нѣтъ.

— Не угодно ли перейти на диванъ?

„Ему нужно привести въ порядокъ горницу, и я мѣшаю, я нечистота, безпорядокъ", подумалъ онъ и сказалъ только:

— Нѣтъ, оставь меня.

Лакей повозился еще. Иванъ Ильичъ протянулъ руку. Петръ подошелъ услужливо.

— Что прикажете?

— Часы.

Петръ досталъ часы, лежавшіе подъ рукой, и подалъ.

— Половина девятаго. Тамъ не встали?

— Никакъ нѣтъ-съ. Владиміръ Ивановичъ (это былъ сынъ) ушли въ гимназію, а Прасковья Ѳедоровна приказали разбудить ихъ, если вы спросите. Прикажете?

— Нѣтъ, не надо. „Не попробовать ли чаю?" подумалъ онъ. Да, чаю... принеси.

Петръ пошелъ къ выходу. Ивану Ильичу страшно стало оставаться одному. „Чѣмъ бы задержать его? Да, лѣкарство".—Петръ, подай мнѣ лѣкарство. „Отчего же, можетъ быть, еще поможетъ и лѣкарство?" Онъ взялъ ложку, выпилъ. „Нѣтъ, не поможетъ. Все это вздоръ, обманъ", рѣшилъ онъ, какъ только почувствовалъ знакомый, приторный и безнадежный вкусъ. „Нѣтъ, ужъ не могу вѣрить. Но боль-то, боль-то зачѣмъ; хоть на минуту затихла бы". И онъ застоналъ. Петръ вернулся.—Нѣтъ, иди. Принеси чаю.

Петръ ушелъ. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, застоналъ не столько отъ боли, какъ она ни была ужасна, сколько отъ тоски. „Все то же и то же, всѣ эти безконечные дни и ночи. Хоть бы скорѣе. Что скорѣе? Смерть, мракъ. Нѣтъ, нѣтъ. Все лучше смерти!"

Когда Петръ вошелъ съ чаемъ на подносѣ, Иванъ Ильичъ долго растерянно смотрѣлъ на него, не понимая, кто онъ и что онъ. Петръ смутился отъ этого взгляда. И когда Петръ смутился, Иванъ Ильичъ очнулся.

— Да,—сказалъ онъ,—чай, хорошо, поставь. Только помоги мнѣ умыться и рубашку чистую.

И Иванъ Ильичъ сталъ умываться. Онъ съ отдыхомъ умылъ руки, лицо, вычистилъ зубы, сталъ причесываться и посмотрѣлъ въ зеркало. Ему страшно стало, особенно страшно было то, какъ волосы плоско прижимались къ блѣдному лбу.

Когда перемѣняли ему рубашку, онъ зналъ, что ему будетъ еще страшнѣе, если онъ взглянетъ на свое тѣло, и не смотрѣлъ на себя. Но вотъ кончилось все. Онъ надѣлъ халатъ, укрылся плэдомъ и сѣлъ въ кресло къ чаю. Одну минуту онъ почувствовалъ себя освѣженнымъ, но только что онъ сталъ пить чай, опять тотъ же вкусъ, та же боль. Онъ насильно допилъ и легъ, вытянувъ ноги. Онъ легъ и отпустилъ Петра.

Все то же. То капля надежды блеснетъ, то взбушуется море отчаянія, и все боль, все боль, все тоска, и все одно и то же. Одному ужасно тоскливо, хочется позвать кого-нибудь, но онъ впередъ знаетъ, что при другихъ еще хуже. „Хоть бы опять морфинъ—забыться бы. Я скажу ему, доктору, чтобы онъ придумалъ что-нибудь еще. Это невозможно, невозможно такъ".

Часъ, два проходятъ такъ. Но вотъ звонокъ въ передней. Авось докторъ? Точно, это докторъ, свѣжій, бодрый, жирный, веселый, съ тѣмъ выраженіемъ—что вотъ вы тамъ чего-то напугались, а мы сейчасъ вамъ все устроимъ. Докторъ знаетъ, что это выраженіе здѣсь не годится, но онъ уже разъ на-

всегда надѣлъ его и не можетъ снять, какъ человѣкъ съ утра надѣвшій фракъ и ѣдущій съ визитами.

Докторъ бодро, утѣшающе потираетъ руки.

— Я холоденъ. Морозъ здоровый. Дайте обогрѣюсь,—говоритъ онъ съ такимъ выраженіемъ, что какъ будто только надо немножко подождать, пока онъ обогрѣется, а когда обогрѣется, то ужъ все исправитъ.

— Ну что, какъ?

Иванъ Ильичъ чувствуетъ, что доктору хочется сказать: „какъ дѣлишки?“ но что и онъ чувствуетъ, что такъ нельзя говорить, и говоритъ: какъ вы провели ночь?

Иванъ Ильичъ смотритъ на доктора съ выраженіемъ вопроса:

„Неужели никогда не станетъ тебѣ стыдно врать?“ Но докторъ не хочетъ понимать вопроса.

И Иванъ Ильичъ говоритъ:

— Все такъ же ужасно. Боль не проходитъ, не сдается. Хоть бы что-нибудь!

— Да вотъ вы, больные, всегда такъ. Ну-съ, теперь, кажется, я согрѣлся; даже аккуратнѣйшая Прасковья Өедоровна ничего бы не имѣла возразить противъ моей температуры. Ну-съ, здравствуйте. И докторъ пожимаетъ руку.

И, откинувъ всю прежнюю игривость, докторъ начинаетъ съ серьезнымъ видомъ изслѣдовать больного, пульсъ, температуру, и начинаются постукиванья, прослушиванья.

Иванъ Ильичъ знаетъ твердо и несомнѣнно, что все это вздоръ и пустой обманъ, но, когда докторъ, ставъ на колѣнки, вытягивается надъ нимъ, прислоняя ухо то выше, то ниже, и дѣлаетъ надъ нимъ съ значительнѣйшимъ лицомъ разныя гимнастическія эволюціи, Иванъ Ильичъ поддается этому,

какъ онъ поддавался, бывало, рѣчамъ адвокатовъ, тогда какъ онъ ужъ очень хорошо зналъ, что они все врутъ и зачѣмъ врутъ.

Докторъ, стоя на колѣнкахъ на диванѣ, еще что-то выстукивалъ, когда зашумѣло въ дверяхъ шелковое платье Прасковьи Ѳедоровны и послышался ея упрекъ Петру, что ей не доложили о пріѣздѣ доктора.

Она входитъ, цѣлуетъ мужа, и тотчасъ же начинаетъ доказывать, что она давно ужъ встала, и только по недоразумѣнію ея не было тутъ, когда пріѣхалъ докторъ.

Иванъ Ильичъ смотритъ на нее, разглядываетъ ее всю, и въ упрекъ ставитъ ей и бѣлизну, и пухлость, и чистоту ея рукъ, шеи, глянецъ ея волосъ и блескъ ея полныхъ жизни глазъ. Онъ всѣми силами души ненавидитъ ее. И прикосновеніе ея заставляетъ его страдать отъ прилива ненависти къ ней.

Ея отношеніе къ нему и его болѣзни все то же. Какъ докторъ выработалъ себѣ отношеніе къ больнымъ, которое онъ не могъ уже снять, такъ она выработала одно отношеніе къ нему—то, что онъ не дѣлаетъ чего-то того, что нужно, и самъ виноватъ, и она любовно укоряетъ его въ этомъ,—и не могла уже снять этого отношенія къ нему.

— Да вѣдь вотъ онъ не слушается, не принимаетъ вовремя. А главное, ложится въ такое положеніе, которое, навѣрное, вредно ему—ноги кверху.

Она разсказала, какъ онъ заставляетъ Герасима держать себѣ ноги.

Докторъ улыбнулся презрительно-ласково: „Что жъ, молъ, дѣлать, эти больные выдумываютъ иногда такія глупости, но можно простить“.

Когда осмотръ кончился, докторъ посмотрѣлъ на часы, и тогда Прасковья Өедоровна объявила Ивану Ильичу, что ужъ какъ онъ хочетъ, а она нынче пригласила знаменитаго доктора, и они вмѣстѣ съ Михаиломъ Даниловичемъ (такъ звали обыкновеннаго доктора) осмотрятъ и обсудятъ.

— Ты ужъ не противься, пожалуйста. Это я для себя дѣлаю,—сказала она иронически, давая чувствовать, что она все дѣлаетъ для него, и только этимъ не даетъ ему права отказать ей.

Онъ молчалъ и морщился. Онъ чувствовалъ, что ложь эта, окружающая его, такъ путалась, что ужъ трудно было разобрать что-нибудь. Она все надъ нимъ дѣлала только для себя, и говорила ему, что она дѣлаетъ для себя то, что она точно дѣлала для себя, какъ такую невѣроятную вещь, что онъ долженъ былъ понимать это обратно.

Дѣйствительно, въ половинѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ знаменитый докторъ. Опять пошли выслушиванья и значительные разговоры, при немъ и въ другой комнатѣ, о почкѣ, о слѣпой кишкѣ, и вопросы и отвѣты съ такимъ значительнымъ видомъ, что опять вмѣсто реальнаго вопроса о жизни и смерти, который уже теперь одинъ стоялъ передъ нимъ, выступилъ вопросъ о почкѣ и слѣпой кишкѣ, которыя что-то дѣлали не такъ, какъ слѣдовало и на которыя за это вотъ-вотъ нападутъ Михаилъ Даниловичъ и знаменитость и заставятъ ихъ исправиться.

Знаменитый докторъ простился съ серьезнымъ, но не съ безнадежнымъ видомъ. И на робкій вопросъ, который съ поднятыми къ нему, блестящими страхомъ и надеждой, глазами обратилъ Иванъ Ильичъ, есть ли возможность выздоровленія, отвѣчалъ, что ручаться нельзя, но возможность

есть. Взглядъ надежды, съ которымъ Иванъ Ильичъ проводилъ доктора, былъ такъ жалокъ, что, увидавъ его, Прасковья Ѳедоровна даже заплакала, выходя изъ дверей кабинета, чтобы передать гонораръ знаменитому доктору.

Подъемъ духа, произведенный обнадеживаніемъ доктора, продолжался недолго. Опять та же комната, тѣ же картины, гардины, обои, склянки, и то же свое болящее, страдающее тѣло. И Иванъ Ильичъ началъ стонать; ему сдѣлали впрыскиванье, и онъ забылся.

Когда онъ очнулся, стало смеркаться,— ему принесли обѣдать. Онъ поѣлъ съ усиліемъ бульона; и опять то же, и опять наступающая ночь.

Послѣ обѣда, въ семь часовъ, въ комнату его вошла Прасковья Ѳедоровна, одѣтая какъ на вечеръ, съ толстыми подтянутыми грудями и слѣдами пудры на лицѣ. Она еще утромъ напоминала ему о поѣздкѣ ихъ въ театръ. Была пріѣзжая Сара Бернаръ, и у нихъ была ложа, которую онъ настоялъ, чтобъ они взяли. Теперь онъ забылъ про это, и ея нарядъ оскорбилъ его. Но онъ скрылъ свое оскорбленіе, когда вспомнилъ, что онъ самъ настаивалъ, чтобъ они достали ложу и ѣхали, потому что это для дѣтей воспитательное и эстетическое наслажденіе.

Прасковья Ѳедоровна вошла довольная собою, но какъ будто виноватая. Она присѣла, спросила о здоровьѣ, какъ онъ видѣлъ, для того только, чтобъ спросить, но не для того, чтобы узнать, зная, что и узнавать нечего, и начала говорить то, что ей нужно было, что она ни за что не поѣхала бы, но ложа взята, и ѣдутъ Эленъ, и дочь, и Петрищевъ (судебный слѣдователь, женихъ дочери), и что невозможно ихъ пустить однихъ. А что ей такъ бы пріятнѣе было

посидѣть съ нимъ. Только бы онъ дѣлалъ безъ нея по предписанію доктора.

— Да, и Ѳедоръ Дмитріевичъ (женихъ) хотѣлъ войти, можно? И Лиза.

— Пускай войдутъ.

Вошла дочь, разодѣтая, съ обнаженнымъ молодымъ тѣломъ, тѣмъ тѣломъ, которое такъ заставляло страдать его. А она его выставляла. Сильная, здоровая, очевидно влюбленная и негодующая на болѣзнь, страданія и смерть, мѣшающія ея счастію.

Вошелъ и Ѳедоръ Дмитріевичъ, во фракѣ, завитой à la Capoul, съ длинной жилистой шеей, обложенной плотно бѣлымъ воротничкомъ, съ огромной бѣлой грудью и обтянутыми сильными ляжками въ узкихъ черныхъ штанахъ, съ одной натянутой бѣлой перчаткой на рукѣ и съ клакомъ.

За нимъ вползъ незамѣтно и гимназистикъ, въ новенькомъ мундирчикѣ, бѣдняжка, въ перчаткахъ и съ ужасной синевой подъ глазами, значеніе которой зналъ Иванъ Ильичъ.

Сынъ всегда жалокъ былъ ему. И страшенъ былъ его испуганный и соболѣзнующій взглядъ. Кромѣ Герасима, Ивану Ильичу казалось, что одинъ Володя понималъ и жалѣлъ.

Всѣ сѣли, опять спросили о здоровьѣ. Произошло молчаніе. Лиза спросила у матери о биноклѣ. Произошли пререканія между матерью и дочерью, кто куда его дѣлъ. Вышло непріятно.

Ѳедоръ Дмитріевичъ спросилъ у Ивана Ильича, видѣлъ ли онъ Сару Бернаръ? Иванъ Ильичъ не понялъ сначала того, что у него спрашивали, а потомъ сказалъ:

— Нѣтъ; а вы ужъ видѣли?

— Да, въ Adrienne Lecouvreur.

Прасковья Өедоровна сказала, что она особенно хороша въ томъ-то. Дочь возразила. Начался разговоръ объ изяществѣ и реальности ея игры, тотъ самый разговоръ, который всегда бываетъ одинъ и тотъ же.

Въ серединѣ разговора Өедоръ Дмитріевичъ взглянулъ на Ивана Ильича и замолкъ. Другіе взглянули и замолкли. Иванъ Ильичъ смотрѣлъ блестящими глазами передъ собой, очевидно, негодуя на нихъ. Надо было поправить это, но поправить никакъ нельзя было. Надо было какъ-нибудь прервать это молчаніе. Никто не рѣшался, и всѣмъ становилось страшно, что вдругъ нарушится какъ-нибудь приличная ложь, и ясно будетъ всѣмъ то, что есть. Лиза первая рѣшилась. Она прервала молчаніе. Она хотѣла скрыть то, что всѣ испытывали, но проговорилась.

— Однако, *если ѣхать*, то пора,—сказала она, взглянувъ на свои часы, подарокъ отца, и чуть замѣтно, значительно, о чемъ-то имъ однимъ извѣстномъ, улыбнулась молодому человѣку и встала, зашумѣвъ платьемъ.

Всѣ встали, простились и уѣхали.

Когда они вышли, Ивану Ильичу показалось, что ему легче: лжи не было,—она ушла съ ними, но боль осталась. Все та же боль, все тотъ же страхъ дѣлали то, что ничто не тяжелѣе, ничто не легче. Все хуже.

Опять пошли минута за минутой, часъ за часомъ, все то же, и все нѣтъ конца, и все страшнѣе неизбѣжный конецъ.

— Да, пошлите Герасима,—отвѣтилъ онъ на вопросъ Петра.

IX.

Поздно ночью вернулась жена. Она вошла на цыпочкахъ, но онъ услыхалъ ее: открылъ глаза и поспѣшно закрылъ опять. Она хотѣла услать Герасима и сама сидѣть съ нимъ. Онъ открылъ глаза и сказалъ:

— Нѣтъ. Иди.

— Ты очень страдаешь.

— Все равно.

— Прими опіума.

Онъ согласился и выпилъ. Она ушла.

Часовъ до трехъ онъ былъ въ мучительномъ забытьи. Ему казалось, что его съ болью суютъ куда-то въ узкій и глубокій черный мѣшокъ, и все дальше просовываютъ, и не могутъ просунуть. И это ужасное для него дѣло совершается съ страданіемъ. И онъ боится, и хочетъ провалиться туда, и борется, и помогаетъ. И вотъ, вдругъ онъ оборвался и упалъ, и очнулся. Все тотъ же Герасимъ сидитъ въ ногахъ на постели, дремлетъ спокойно, терпѣливо. А онъ лежитъ, поднявъ ему на плечи исхудалыя ноги въ чулкахъ, свѣча та же съ абажуромъ, и та же непрекращающаяся боль.

— Уйди, Герасимъ,—прошепталъ онъ.

— Ничего, посижу-съ.

— Нѣтъ, уйди.

Онъ снялъ ноги, легъ бокомъ на руку, и ему стало жалко себя. Онъ подождалъ только того, чтобъ Герасимъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, и не сталъ больше удерживаться, и заплакалъ какъ дитя. Онъ плакалъ о безпомощности своей, о своемъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей, о жестокости Бога, объ отсутствіи Бога.

„Зачѣмъ Ты все это сдѣлалъ? Зачѣмъ привелъ меня сюда? За что, за что такъ ужасно мучаешь меня?“

Онъ и не ждалъ отвѣта, и плакалъ о томъ, что нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Боль поднялась опять, но онъ не шевелился, не звалъ. Онъ говорилъ себѣ: „Ну еще, ну бей! Но за что? Что я сдѣлалъ Тебѣ, за что?“

Потомъ онъ затихъ, пересталъ не только плакать, пересталъ дышать, и весь сталъ вниманіе: какъ будто онъ прислушивался не къ голосу, говорящему звуками, но къ голосу души, къ ходу мыслей, поднимавшемуся въ немъ.

— Чего тебѣ нужно? было первое ясное, могущее быть выражено словами понятіе, которое онъ услышалъ.

— Что тебѣ нужно? Чего тебѣ нужно? повторилъ онъ себѣ. Чего?—Не страдать. Жить, отвѣтилъ онъ.

И опять онъ весь предался вниманію, такому напряженному, что даже боль не развлекала его.

— Жить? Какъ жить? спросилъ голосъ души.

— Да, жить, какъ я жилъ прежде—хорошо, пріятно.— „Какъ ты жилъ прежде, хорошо и пріятно?“ спросилъ голосъ. И онъ сталъ перебирать въ воображеніи лучшія минуты своей пріятной жизни. Но странное дѣло, всѣ эти лучшія минуты пріятной жизни казались теперь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онѣ казались тогда. Всѣ—кромѣ первыхъ воспоминаній дѣтства. Тамъ, въ дѣтствѣ, было что-то такое дѣйствительно пріятное, съ чѣмъ можно бы было жить, если бы оно вернулось. Но того человѣка, который испытывалъ это пріятное, уже не было; это было какъ бы воспоминаніе о какомъ-то другомъ.

Какъ только начиналось то, чего результатомъ былъ теперешній онъ, Иванъ Ильичъ, такъ всѣ казавшіяся тогда

радости теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое.

И чѣмъ дальше отъ дѣтства, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ ничтожнѣе и сомнительнѣе были радости. Начиналось это съ правовѣдѣнія. Тамъ было еще кое-что истинно хорошее; тамъ было веселье, тамъ была дружба, тамъ были надежды. Но въ высшихъ классахъ уже были рѣже эти хорошія минуты. Потомъ, во время первой службы у губернатора, опять появились хорошія минуты; это были воспоминанія о любви къ женщинѣ. Потомъ все это смѣшалось, и еще меньше стало хорошаго. Далѣе еще меньше хорошаго, и что дальше, то меньше.

„Женитьба... такъ нечаянно, и разочарованіе, и запахъ изо рта жены, и чувственность, притворство! И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ, и такъ годъ, и два и десять, и двадцать—и все то же. И что дальше, то мертвѣе. Точно равномѣрно я шелъ подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шелъ на гору, и ровно на столько изъ-подъ меня уходила жизнь... И вотъ готово—умирай!

Такъ что жъ это? Зачѣмъ? Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобъ такъ безсмысленна, гадка была жизнь? А если точно она такъ гадка и безсмысленна была, такъ зачѣмъ же умирать, и умирать страдая? Что нибудь не такъ.

Можетъ быть, я жилъ не такъ, какъ должно? приходило ему вдругъ въ голову. Но какъ же не такъ, когда я дѣлалъ все, какъ слѣдуетъ? говорилъ онъ себѣ, и тотчасъ же отгонялъ отъ себя это единственное разрѣшеніе всей загадки жизни и смерти, какъ что-то совершенно невозможное.

Чего жъ ты хочешь теперь? Жить? Какъ жить? Жить, какъ ты живешь въ судѣ, когда судебный приставъ провозглашаетъ: „судъ идетъ!..“ Судъ идетъ, идетъ судъ, повторилъ онъ себѣ. Вотъ онъ судъ? Да я же не виноватъ! вскрикнулъ онъ съ злобой. За что?“ И онъ пересталъ плакать и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, сталъ думать все объ одномъ и томъ же: зачѣмъ, за что весь этотъ ужасъ?

Но сколько онъ ни думалъ, онъ не нашелъ отвѣта. И когда ему приходила, какъ она приходила ему часто, мысль о томъ, что все это происходитъ оттого, что онъ жилъ не такъ, онъ тотчасъ вспоминалъ всю правильность своей жизни, и отгонялъ эту странную мысль.

X.

Прошло еще двѣ недѣли. Иванъ Ильичъ уже не вставалъ съ дивана. Онъ не хотѣлъ лежать въ постели и лежалъ на диванѣ. И, лежа почти все время лицомъ къ стѣнѣ, онъ одиноко страдалъ все тѣ же неразрѣшающіяся страданія, и одиноко думалъ все ту же неразрѣшающуюся думу. Что это? Неужели правда, что смерть? И внутренній голосъ отвѣчалъ: „Да, правда“. Зачѣмъ эти муки? И голосъ отвѣчалъ: „А такъ, ни зачѣмъ“. Дальше и кромѣ этого ничего не было.

Съ самаго начала болѣзни, съ того времени, какъ Иванъ Ильичъ въ первый разъ поѣхалъ къ доктору, его жизнь раздѣлилась на два противоположныя настроенія, смѣнявшія одно другое: то было отчаяніе и ожиданіе непонятной и ужасной смерти, то была надежда и исполненное интереса наблюденіе за дѣятельностью своего тѣла, то передъ гла-

зами была одна почка или кишка, которая на время отклонилась отъ исполненія своихъ обязанностей, то была одна непонятная ужасная смерть, отъ которой ничѣмъ нельзя избавиться.

Эти два настроенія съ самаго начала болѣзни смѣняли другъ друга; но чѣмъ дальше шла болѣзнь, тѣмъ сомнительнѣе и фантастичнѣе становились соображенія о почкѣ, и тѣмъ реальнѣе сознаніе наступающей смерти.

Стоило ему вспомнить о томъ, чѣмъ онъ былъ три мѣсяца тому назадъ, и то, что онъ теперь; вспомнить, какъ равномѣрно онъ шелъ подъ гору, чтобы разрушалась всякая возможность надежды.

Въ послѣднее время того одиночества, въ которомъ онъ находился, лежа лицомъ къ спинкѣ дивана, того одиночества среди многолюднаго города и своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и семьи,—одиночества, полнѣе котораго не могло быть нигдѣ—ни на днѣ моря, ни въ землѣ; въ послѣднее время этого страшнаго одиночества Иванъ Ильичъ жилъ только воображеніемъ въ прошедшемъ. Одна за другой ему представлялись картины его прошедшаго. Начиналось всегда съ ближайшаго по времени и сводилось къ самому отдаленному, къ дѣтству, и на немъ останавливалось. Вспоминалъ ли Иванъ Ильичъ о вареномъ черносливѣ, который ему предлагали ѣсть нынче, онъ вспоминалъ о сыромъ, сморщенномъ французскомъ черносливѣ въ дѣтствѣ, объ особенномъ вкусѣ его и обиліи слюны, когда дѣло доходило до косточки, и рядомъ съ этимъ воспоминаніемъ вкуса возникалъ цѣлый рядъ воспоминаній того времени: няня, братъ, игрушки. „Не надо объ этомъ... слишкомъ больно“, говорилъ себѣ Иванъ Ильичъ, и опять переносился въ настоящее. Пуговица на спинкѣ

дивана и морщины сафьяна. „Сафьянъ дорогъ, непроченъ; ссора была изъ-за него. Но сафьянъ другой былъ, и другая ссора, когда мы разорвали портфель у отца, и насъ наказали, а мама принесла пирожки". И опять останавливалось на дѣтствѣ, и опять Ивану Ильичу было больно, и онъ старался отогнать и думать о другомъ.

И опять тутъ же, вмѣстѣ съ этимъ ходомъ воспоминанія, у него въ душѣ шелъ другой ходъ воспоминаній, о томъ, какъ усиливалась и росла его болѣзнь. То же, что дальше назадъ, то больше было жизни. Больше было и добра въ жизни, и больше было и самой жизни. И то, и другое сливалось вмѣстѣ. „Какъ мученія все идутъ хуже и хуже, такъ и вся жизнь шла все хуже и хуже", думалъ онъ. Одна точка свѣтлая тамъ назади, въ началѣ жизни, а потомъ все чернѣе и чернѣе, и все быстрѣе и быстрѣе. „Обратно пропорціонально квадратамъ разстояній отъ смерти", подумалъ Иванъ Ильичъ. И этотъ образъ камня, летящаго внизъ съ увеличивающейся быстротой, запалъ ему въ душу. Жизнь, рядъ увеличивающихся страданій, летитъ все быстрѣе и быстрѣе къ концу, страшнѣйшему страданію. „Я лечу..." Онъ вздрагивалъ, шевелился, хотѣлъ противиться; но уже онъ зналъ, что противиться нельзя, и опять, усталыми отъ смотрѣнія, но не могущими не смотрѣть на то, что было передъ нимъ, глазами, глядѣлъ на спинку дивана и ждалъ, ждалъ этого страшнаго паденія, толчка и разрушенія. „Противиться нельзя", говорилъ онъ себѣ. „Но хоть бы понять, зачѣмъ это? И того нельзя. Объяснить бы можно было, если бы сказать, что я жилъ не такъ, какъ надо. Но этого-то уже невозможно признать", говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая всю законность, правильность и приличіе своей жизни. „Этого-то допустить уже невозможно",

говорилъ онъ себѣ, усмѣхаясь губами, какъ будто кто-нибудь могъ видѣть эту его улыбку и быть обманутымъ ею. „Нѣтъ объясненія! Мученіе, смерть... Зачѣмъ?“

XI.

Такъ прошло двѣ недѣли. Въ эти недѣли случилось желанное для Ивана Ильича и его жены событіе. Петрищевъ сдѣлалъ формальное предложеніе. Это случилось вечеромъ. На другой день Прасковья Ѳедоровна вошла къ мужу, обдумывая, какъ объявить ему о предложеніи Ѳедора Дмитріевича, но въ эту самую ночь съ Иваномъ Ильичемъ свершилось новая перемѣна къ худшему. Прасковья Ѳедоровна застала его на томъ же диванѣ, но въ новомъ положеніи. Онъ лежалъ навзничь, стоналъ и смотрѣлъ передъ собою остановившимся взглядомъ.

Она стала говорить о лѣкарствахъ. Онъ перевелъ свой взглядъ на нее. Она не договорила того, что начала; такая злоба, именно къ ней, выражалась въ этомъ взглядѣ.

— Ради Христа, дай мнѣ умереть спокойно,—сказалъ онъ.

Она хотѣла уходить, но въ это время вошла дочь, и подошла поздороваться. Онъ такъ же посмотрѣлъ на дочь, какъ и на жену, и на ея вопросы о здоровьѣ сухо сказалъ ей, что онъ скоро освободитъ ихъ всѣхъ отъ себя. Обѣ замолчали, посидѣли и вышли.

— Въ чемъ же мы виноваты?—сказала Лиза матери.—Точно мы это сдѣлали! Мнѣ жалко папа, но за что же насъ мучить?

Въ обычное время пріѣхалъ докторъ. Иванъ Ильичъ отвѣ-

чалъ ему „да, нѣтъ“, не спуская съ него озлобленнаго взгляда, и подъ конецъ сказалъ:

— Вѣдь вы знаете, что ничего не поможете, такъ оставьте.

— Облегчить страданія можемъ,—сказалъ докторъ.

— И того не можете; оставьте.

Докторъ вышелъ въ гостиную и сообщилъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, что очень плохо, и что одно средство—опіумъ, чтобы облегчить страданія, которыя должны быть ужасны.

Докторъ говорилъ, что страданія его физическія ужасны, и это была правда; но ужаснѣе его физическихъ страданій были его нравственныя страданія, и въ этомъ было главное его мученіе.

Нравственныя его страданія состояли въ томъ, что въ эту ночь, глядя на сонное, добродушное, скуластое лицо Герасима, ему вдругъ пришло въ голову: „А что, какъ и въ самомъ дѣлѣ вся моя жизнь, сознательная жизнь была не то?“

Ему пришло въ голову, что то, что ему представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что онъ прожилъ свою жизнь не такъ, какъ должно было, что это могло быть правда. Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя поползновенія борьбы противъ того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя, что они-то и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы, все это могло быть не то. Онъ попытался защитить передъ собой все это. И вдругъ почувствовалъ всю слабость того, что онъ защищаетъ. И защищать нечего было.

„А если это такъ“, сказалъ онъ себѣ, „и я ухожу изъ

жизни съ сознаніемъ того, что погубилъ все, что мнѣ дано было, и поправить нельзя, тогда что жъ?“ Онъ легъ навзничь и сталъ совсѣмъ по-новому перебирать всю свою жизнь. Когда онъ увидалъ утромъ лакея, потомъ жену, потомъ дочь, потомъ доктора, каждое ихъ движеніе, каждое ихъ слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Онъ въ нихъ видѣлъ себя, все то, чѣмъ онъ жилъ и ясно видѣлъ, что все это было не то, все это былъ ужасный, огромный обманъ, закрывающій и жизнь, и смерть. Это сознаніе увеличило, удесятерило его физическія страданія. Онъ стоналъ и метался, и обдергивалъ на себѣ одежду. Ему казалось, что она душила и давила его. И за это онъ ненавидѣлъ ихъ.

Ему дали большую дозу опіума, онъ забылся, но въ обѣдъ началось опять то же. Онъ гналъ всѣхъ отъ себя и метался съ мѣста на мѣсто.

Жена пришла къ нему и сказала:

— Jean, голубчикъ, сдѣлай это для меня (для меня?). Это не можетъ повредить, но часто помогаетъ. Что же, это ничего. И здоровые часто...

Онъ открылъ широко глаза.

— Что? Причаститься? Зачѣмъ? Не надо! А впрочемъ...

Она заплакала.

— Да, мой другъ? Я позову нашего, онъ такой милый.

— Прекрасно, очень хорошо,—проговорилъ онъ.

Когда пришелъ священникъ и исповѣдывалъ его, онъ смягчился, почувствовалъ какъ будто облегченіе отъ своихъ сомнѣній и, вслѣдствіе этого, отъ страданій, и на него нашла минута надежды. Онъ опять сталъ думать о слѣпой кишкѣ и возможности исправленія ея. Онъ причастился со слезами на глазахъ.

Когда его уложили послѣ причастія, ему стало на минуту легко, и опять явилась надежда на жизнь. Онъ сталъ думать объ операціи, которую предлагали ему. „Жить, жить хочу“ говорилъ онъ себѣ. Жена пришла поздравить; она сказала обычныя слова и прибавила:

— Не правда ли, тебѣ лучше?

Онъ, не глядя на нее, проговорилъ: „Да“.

Ея одежда, ея сложеніе, выраженіе ея лица, звукъ ея голоса—все сказало ему одно: „Не то. Все то, чѣмъ ты жилъ и живешь—есть ложь, обманъ, скрывающій отъ тебя жизнь и смерть“. И какъ только онъ подумалъ это, поднялась его ненависть и вмѣстѣ съ ненавистью физическія мучительныя страданія; и съ страданіями сознаніе неизбѣжной, близкой погибели. Что-то сдѣлалось новое: стало винтить и стрѣлять, и сдавливать дыханіе.

Выраженіе лица его, когда онъ проговорилъ „да“, было ужасно. Проговоривъ это „да“, глядя ей прямо въ лицо, онъ, необычайно для своей слабости, быстро повернулся ничкомъ и закричалъ:

— Уйдите, уйдите, оставьте меня!

XII.

Съ этой минуты начался тотъ, три дня не перестававшій крикъ, который такъ былъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его. Въ ту минуту, какъ онъ отвѣтилъ женѣ, онъ понялъ, что онъ пропалъ, что возврата нѣтъ, что пришелъ конецъ, совсѣмъ конецъ, а сомнѣніе такъ и не разрѣшено, такъ и остается сомнѣніемъ.

— У! Уу! У! — кричалъ онъ на разныя интонаціи. Онъ началъ кричать: „Не хочу!“ и такъ и продолжалъ кричать на букву „у“.

Всѣ три дня, въ продолженіе которыхъ для него не было времени, онъ барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, въ который просовывала его невидимая, непреодолимая сила. Онъ бился, какъ бьется въ рукахъ палача приговоренный къ смерти, зная, что онъ не можетъ спастись; и съ каждой минутой онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ усилія борьбы, онъ ближе и ближе становился къ тому, что ужасало его. Онъ чувствовалъ, что мученіе его и въ томъ, что онъ всовывается въ эту черную дыру, и еще больше въ томъ, что онъ не можетъ пролѣзть въ нее. Пролѣзть же ему мѣшаетъ признаніе того, что жизнь его была хорошая. Это-то оправданіе своей жизни цѣпляло и не пускало его впередъ, и больше всего мучило его.

Вдругъ, какая-то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру, и тамъ, въ концѣ дыры засвѣтилось что-то. Съ нимъ сдѣлалось то, что бывало съ нимъ въ вагонѣ желѣзной дороги, когда думаешь, что ѣдешь впередъ, а ѣдешь назадъ, и вдругъ узнаешь настоящее направленіе.

„Да, все было не то“, сказалъ онъ себѣ, „но это ничего“. Можно, можно сдѣлать „то“. Что жъ „то?“ спросилъ онъ себя и вдругъ затихъ.

Это было въ концѣ третьяго дня, за два часа до его смерти. Въ это самое время гимназистикъ тихонько прокрался къ отцу и подошелъ къ его постели. Умирающій все кричалъ отчаянно и кидалъ руками. Рука его попала на голову

гимназистика. Гимназистикъ схватилъ ее, прижалъ къ губамъ и заплакалъ.

Въ это самое время Иванъ Ильичъ провалился, увидалъ свѣтъ, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить. Онъ спросилъ себя: что-же „то?"—и затихъ, прислушиваясь. Тутъ онъ почувствовалъ, что руку его цѣлуетъ кто-то. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла къ нему. Онъ взглянулъ на нее. Она съ открытымъ ртомъ и съ неотертыми слезами на носу и щекѣ, съ отчаяннымъ выраженіемъ смотрѣла не него. Ему жалко стало ее.

„Да, я мучаю ихъ", подумалъ онъ. Имъ жалко, но имъ лучше будетъ, когда я умру. Онъ хотѣлъ сказать это, но не въ силахъ былъ выговорить. „Впрочемъ, зачѣмъ же говорить, надо сдѣлать", подумалъ онъ. Онъ указалъ женѣ взглядомъ на сына и сказалъ:

— Уведи... жалко... И тебя... Онъ хотѣлъ сказать еще „прости", но сказалъ „пропусти", и, не въ силахъ уже будучи поправиться, махнулъ рукою, зная, что пойметъ тотъ, кому надо.

И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдругъ все выходитъ сразу, и съ двухъ сторонъ, съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ. Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. „Какъ хорошо и какъ просто", подумалъ онъ. „А боль?" спросилъ онъ себя. „Ее куда?" „Ну-ка, гдѣ ты, боль?"

Онъ сталъ прислушиваться.

„Да, вотъ она. Ну, что жъ, пускай боль".

„А смерть? Гдѣ она?"

Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его.—Гдѣ она? какая смерть? страха никакого не было, потому что и смерти не было.

Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.

— Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость!

Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его клокотало что-то, изможденное тѣло его вздрагивало. Потомъ рѣже и рѣже стало клокотанье и хрипѣнье.

— Кончено! сказалъ кто-то надъ нимъ.

Онъ услыхалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. „Кончена смерть, сказалъ онъ себѣ. Ея нѣтъ больше".

Онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ.

25 марта 1886 г.

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(1889 г.)

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Леонидъ Ѳедоровичъ Звѣздинцевъ, отставной поручикъ конной гвардіи, владѣтель 24 тысячъ десятинъ въ разныхъ губерніяхъ. Свѣжій мужчина, около 60 лѣтъ, мягкій, пріятный джентльменъ. Вѣритъ въ спиритизмъ и любитъ удивлять другихъ своими разсказами.

Анна Павловна Звѣздинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная свѣтскими приличіями, презирающая своего мужа и слѣпо вѣрящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, ихъ дочь, свѣтская дѣвица, лѣтъ 20-ти, съ распущенными манерами, подражающими мужскимъ, въ pince-nez. Кокетка и хохотунья. Говоритъ очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, какъ иностранка.

Василій Леонидычъ, ихъ сынъ, 25-ти лѣтъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, безъ опредѣленныхъ занятій, членъ общества велосипедистовъ, общества конскихъ ристалищъ и общества поощренія борзыхъ собакъ. Молодой человѣкъ, пользующійся прекраснымъ здоровьемъ и несокрушимою са-

моувѣренностью. Говоритъ громко и отрывисто. Либо вполнѣ серьезенъ, почти мраченъ, либо шумно-веселъ и хохочетъ громко.

Алексѣй Владиміровичъ Кругосвѣтловъ, профессоръ. Ученый, лѣтъ 50-ти, съ покойными, пріятно-самоувѣренными манерами и такою же медлительною, пѣвучею рѣчью. Охотно говоритъ. Къ несоглашающимся съ собой относится кротко-презрительно. Много куритъ. Худой, подвижной человѣкъ.

Докторъ, лѣтъ 40, здоровый, толстый, красный человѣкъ. Громогласенъ и грубъ. Постоянно самодовольно посмѣивается.

Марья Константиновна, дѣвица лѣтъ 20-ти, воспитанница консерваторіи, учительница музыки, съ махрами на лбу, въ преувеличенно-модномъ туалетѣ, заискивающая и конфузящаяся.

Петрищевъ, лѣтъ 28, кандидатъ филологическихъ наукъ, ищущій дѣятельности, членъ тѣхъ же обществъ, какъ и Василій Леонидычъ, и, кромѣ того, общества устройства ситцевыхъ и коленкоровыхъ баловъ. Плѣшивый, быстрый въ движеніяхъ и рѣчи и очень учтивый.

Баронесса, важная дама, лѣтъ 50-ти, неподвижная, говоритъ безъ интонацій.

Княгиня, свѣтская дама, гостья.

Княжна, свѣтская дѣвица, гримасница, гостья.

Графиня, древняя дама, насилу движущаяся, съ фальшивыми буклями и зубами.

Гросманъ, брюнетъ еврейскаго типа, очень подвижной, нервный, говоритъ очень громко.

Толстая барыня Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всѣми замѣча-

тельными людьми, прежними и теперешними. Очень толстая, говоритъ поспѣшно, стараясь переговорить другихъ. Куритъ.

Баронъ Клингенъ (Коко), кандидатъ Петербургскаго университета, камеръ-юнкеръ, служащій при посольствѣ. Вполнѣ correct и потому спокоенъ душою и тихо-веселъ.

Дама.

Барыня (безъ словъ).

Сахатовъ, Сергѣй Ивановичъ, лѣтъ 50-ти, бывшій товарищъ министра, элегантный господинъ, широкаго европейскаго образованія, ничѣмъ не занятъ и всѣмъ интересуется. Держитъ себя достойно и даже нѣсколько строго.

Ѳедоръ Иванычъ, камердинеръ, лѣтъ подъ 60-тъ, образованный и любящій образованіе человѣкъ, злоупотребляющій употребленіемъ pince-nez и носового платка, который онъ медленно развертываетъ. Слѣдитъ за политикой. Человѣкъ умный и добрый

Григорій, лакей, лѣтъ 28, красавецъ собой, развратный, завистливый и смѣлый.

Яковъ, лѣтъ 40, буфетчикъ, суетливый, добродушный, живущій только деревенскими семейными интересами.

Семенъ, буфетный мужикъ, лѣтъ 20, здоровый, свѣжій деревенскій малый, бѣлокурый, безъ бороды еще, спокойный, улыбающійся.

Кучеръ, лѣтъ 35, щеголь, съ усами только, грубый и рѣшительный.

Старый поваръ, лѣтъ 45, лохматый, не бритый, раздутый, желтый, трясущійся, въ нанковомъ, лѣтнемъ, оборванномъ пальто и грязныхъ штанахъ, въ опоркахъ; говоритъ хрипло; слова вырываются изъ него какъ бы черезъ преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лѣтъ 30.

Швейцаръ, отставной солдатъ.

Таня, горничная, лѣтъ 19-ти, энергическая, сильная, веселая и быстро измѣняющая настроеніе дѣвушка. Въ минуты сильнаго возбужденія радости взвизгиваетъ.

1-й мужикъ, лѣтъ 60-ти, ходилъ старшиной, полагаетъ, что знаетъ обхожденіе съ господами, и любитъ себя послушать.

2-й мужикъ, лѣтъ 45, хозяинъ, грубый и правдивый, не любитъ говорить лишняго. Отецъ Семена.

3-й мужикъ, лѣтъ 70-ти, въ лаптяхъ, нервный, безпокойный, торопится, робѣетъ и разговоромъ заглушаетъ свою робость.

1-й выѣздной лакей графини, старикъ стараго завѣта, съ лакейской гордостью.

2-й выѣздной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщикъ, изъ магазина, въ синей поддевкѣ, съ чистымъ румянымъ лицомъ. Говоритъ твердо, внушительно и ясно.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, въ домѣ Звѣздинцевыхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ переднюю богатаго дома въ Москвѣ. Три двери: наружная, въ кабинетъ Леонида Ѳедоровича и въ комнату Василья Леонидыча. Лѣстница наверхъ, во внутренніе покои; сзади нея проходъ въ буфетъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Григорій (*молодой красивый лакей, глядится въ зеркало и прихорашивается*).

Григорій. А жаль усовъ! Не годится, говоритъ, лакею усы. А отчего? —Чтобы видно было, что ты лакей. А то какъ бы не превзошелъ сынка ея любезнаго. И есть кого! Хоть и безъ усовъ, а далеко ему... (*Вглядывается съ улыбкой*). И сколько ихъ за мной волочатся! Только никто вотъ не нравится, какъ Таня эта... Простая горничная, н-да, а вотъ лучше барышни! (*Улыбается*). Да и мила! (*Прислушивается*). Вотъ она и есть! (*Улыбается*). Вишь постукиваетъ каблучками... в-ва!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Григорій и Таня (*съ шубкой и ботинками*).

Григорій. Татьянѣ Макаровнѣ мое почтеніе!

Таня. Что, смотритесь все? Думаете, очень изъ себя хороши?

Григ. А что, не пріятенъ?

Таня. Такъ... ни пріятенъ, ни непріятенъ, а середка на половину. Что же это у васъ шубы-то понавѣшаны?

Григ. Сейчасъ, сударыня, уберу. (*Снимаетъ шубу и накрываетъ ею Таню, обнимая ее*). Таня, что я тебѣ скажу...

Таня. Ну васъ совсѣмъ! И къ чему это пристало? (*Сердито вырывается*). Говорю же—оставьте!

Григ. (*оглядывается*). Поцѣлуйте же.

Таня. Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали? Я васъ такъ поцѣлую!.. (*Замахивается*).

Василій Леон. (*за сценой слышенъ звонокъ и потомъ крикъ*). Григорій!

Таня. Вонъ, идите, Василій Леонидычъ зоветъ.

Григ. Подождетъ: онъ только глаза продралъ. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня. И какія такія любови выдумали! Я никого не люблю.

Григ. Не правда, Семку любишь. И нашла же кого, буфетнаго мужика сиволапаго!

Таня. Ну, какой ни-на-есть, да вотъ вамъ завидно.

Василій Леон. (*за сценой*). Григорій!!

Григ. Поспѣешь!.. Есть чему завидовать. Вѣдь ты только начала образовываться и съ кѣмъ связываешься! То ли дѣло меня бы полюбила... Таня...

Таня. (*сердито и строго*). Говорю, не будетъ вамъ ничего.

Василій Леон. (*за сценой*). Григорій!!!

Григ. Ужъ очень строго себя ведете.

Василій Леон. (*за сценой, упорно, ровно, во всю мочь кричитъ*). Григорій! Григорій! Григорій!

(*Таня и Григорій смѣются*).

Григ. Меня вѣдь какія любили!
(*Звонокъ*).

Таня. Ну, и идите къ нимъ, а меня оставьте.

Григ. Глупая ты, посмотрю. Вѣдь я—не Семенъ.

Таня. Семенъ жениться хочетъ, а не глупости...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Григорій, Таня и артельщикъ (*несетъ большой картонъ съ платьемъ*).

Арт. Съ добрымъ утромъ!

Григ. Здравствуйте. Отъ кого?

Арт. Отъ Бурде, съ платьемъ, да вотъ записка барынѣ.

Таня (*беретъ записку*). Посидите тутъ, я подамъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Григорій, артельщикъ и Василій Леонидычъ (*высовывается изъ двери въ рубашкѣ и туфляхъ*).

Вас. Леон. Григорій!

Григ. Сейчасъ.

Вас. Леон. Григорій! развѣ не слышишь?

Григ. Я только пришелъ.

Вас. Леон. Воды теплой и чаю.

Григ. Сейчасъ Семенъ принесетъ.

Вас. Леон. А это что? Отъ Бурдье?

Артел. Такъ точно-съ.

(*Василій Леонидычъ и Григорій уходятъ. — Звонокъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Артельщикъ и Таня (*вбѣгаетъ на звонокъ и отворяетъ дверь*).

Таня (*артельщику*). Подождите.

Артел. И такъ дожидаюсь.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Артельщикъ, Таня и Сахатовъ (*входитъ въ дверь*).

Таня. Извините, сейчасъ вышелъ лакей. Да вы пожалуйте. Позвольте! (*Снимаетъ шубу.*)

Сахат. (*оправляясь*). Дома Леонидъ Өедоровичъ? встали?

(*Звонокъ*).

Таня. Какъ же, давно ужъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Артельщикъ, Таня и Сахатовъ. *Входитъ* **докторъ.**

Докторъ (*ищетъ лакея. Увидавъ Сахатова, съ развязностью*). А! мое почтеніе!

Сахат. (*пристально вглядывается*). Докторъ, кажется?

Докт. А я думалъ, что вы за границей. Къ Леониду Өедоровичу?

Сахат. Да. А вы что же? Боленъ, развѣ, кто?

Докт. (*посмѣиваясь*). Не то чтобы боленъ, а знаете... съ этими барынями бѣда! До трехъ часовъ каждый день сидитъ за винтомъ, а сама тянется въ рюмку. А барыня сырая, толстая, да и годочковъ-то не мало.

Сахат. Вы такъ и Аннѣ Павловнѣ высказываете вашъ діагнозъ? Ей не нравится, я думаю.

Докт. (*смѣясь*). Что же, правда. Всѣ эти штуки продѣлываютъ, а потомъ разстройство пищеварительныхъ органовъ, давленіе на печень, нервы,—ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Бѣда съ ними! (*Посмѣивается.*) А вы что? Вы, кажется, спиритъ тоже?

Сахат. Я? Нѣтъ, я не спиритъ тоже... Ну, мое почтеніе! (*Хочетъ идти, но докторъ останавливаетъ.*)

Докт. Нѣтъ, вѣдь я тоже не отрицаю вполнѣ, когда такой человѣкъ, какъ Кругосвѣтловъ, принимаетъ участіе. Нельзя же,—профессоръ, европейская извѣстность! Что-нибудь да есть. Хотѣлось бы какъ-нибудь посмотрѣть, да все некогда, другое дѣло есть.

Сахатовъ. Да, да. Мое почтеніе! (*Уходитъ съ легкимъ поклономъ.*)

Докт. (*Тань*). Встали?

Таня. Въ спальнѣ. Да вы пожалуйте.

(*Сахатовъ и докторъ расходятся въ разныя стороны.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Артельщикъ, Таня и Ѳедоръ Иванычъ (*входитъ съ газетой въ рукахъ*).

Ѳед. Ив. (*артельщику*). Вы что?

Артел. Отъ Бурде съ платьемъ да съ запиской. Велѣли подождать.

Ѳед. Ив. А, отъ Бурде! (*Тань*) Кто это прошелъ?

Таня. Сахатовъ, Сергѣй Иванычъ, и еще докторъ. Они тутъ постояли, поговорили. Все о спиритичествѣ.

Ѳед. Ив. (*поправляя*). Объ спиритизмѣ.

Таня. Да и я говорю объ спиритичествѣ. А вы слышали, Ѳедоръ Иванычъ, какъ прошлый разъ удалось хорошо? (*Смѣется.*) И стучало, и вещи перелетали.

Ѳед. Ив. А ты почемъ знаешь?

Таня. А Лизавета Леонидовна сказывали.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Таня, Ѳедоръ Иванычъ, артельщикъ и Яковъ буфетчикъ (*бѣжитъ со стаканомъ чаю*).

Яковъ (*артельщику*). Здравствуйте!

Артел. (*грустно*). Здравствуйте.

(*Яковъ стучитъ въ дверь къ Василью Леонидычу.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Григорій.

Григ. Давай.

Яковъ. А стаканы вчерашніе все не принесли, да и подносъ отъ Василья Леонидыча. Вѣдь съ меня спросятъ.

Григ. Подносъ занятъ у него съ сигарками.

Яковъ. Такъ вы переложите. Вѣдь съ меня взыскиваютъ.

Григ. Принесу, принесу!

Яковъ. Вы говорите—принесу, а его нѣтъ. Намедни хватились, а подавать не на чемъ.

Григ. Да принесу, говорю. Эка суета!

Яковъ. Вамъ хорошо такъ говорить, а я вотъ третій чай подавай, да завтракать собирай. Треплешься, треплешься день деньской. Есть ли у кого въ домѣ больше моего дѣла? А все нехорошъ!

Григ. Да ужъ чего лучше... Вишь какъ хорошъ!

Таня. Вамъ всѣ нехороши, только вы одинъ...

Григ. (*Танѣ*). Тебя не спросили! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Таня, Яковъ, Ѳедоръ Иванычъ и артельщикъ.

Яковъ. Да что, я не обижаюсь... Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про вчерашнее?

Таня. Это объ лампѣ-то?

Яковъ. И какъ это она вырвалась изъ рукъ, Богъ ее знаетъ. Только сталъ обтирать, хотѣлъ перехватить,—вышмыгнула какъ-то... Въ мелкіе кусочки! Все мое несчастіе! Ему

хорошо, Григорью-то Михайлычу, говорить, какъ онъ одинъ головой, а вотъ какъ семья... Вѣдь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю... Такъ ничего не говорила? Ну, и слава Богу!.. А ложечки у васъ, Өедоръ Иванычъ, одна или двѣ?

Өед. Ив. Одна, одна. (*Читаетъ газету.*)

(*Яковъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Таня, Өедоръ Иванычъ и артельщикъ. *Слышенъ звонокъ. Входятъ* **Григорій** *съ подносомъ* **и швейцаръ.**

Швейц. (*Григорью*). Доложите барину, мужики изъ деревни.

Григ. (*указывая на Өедора Иваныча*). Дворецкому доложи, а мнѣ некогда. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Таня, Өедоръ Иванычъ, швейцаръ и артельщикъ.

Таня. Откуда мужики?

Швейц. Изъ Курской, кажется.

Таня (*взвизгиваетъ*). Они... Это Семеновъ отецъ о землѣ. Пойду—встрѣчу. (*Бѣжитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Өедоръ Иванычъ, швейцаръ и артельщикъ.

Швейц. Такъ какъ скажете: пустить ихъ сюда, или какъ? Они говорятъ—объ землѣ, баринъ знаетъ.

Өед. Иван. Да о покупкѣ земли. Такъ, такъ. Гость у него теперь. Ты вотъ что: скажи, чтобъ подождали.

Швейц. Гдѣ жъ ждать?

Ѳед. Иван. Пусть на дворѣ подождутъ; я тогда вышлю.

(*Швейцаръ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Ѳедоръ Иванычъ, Таня, *за ней* **три мужика, Григорій и артельщикъ.**

Таня. Направо. Сюда, сюда!

Ѳед. Иван. Я не велѣлъ пускать-было сюда.

Григ. То-то, егоза!

Таня. Да ничего, Ѳедоръ Иванычъ,они тутъ съ краюшка.

Ѳед. Иван. Натопчутъ.

Таня. Они ноги обтерли, да я и подотру. (*Мужикамъ*) Вотъ тутъ и станьте.

(*Мужики входятъ, несутъ гостинцы въ платкахъ: куличъ, яйца, полотенца, ищутъ на что креститься. Крестятся на лѣстницу, кланяются Ѳедору Иванычу и становятся твердо.*)

Григор. (*Ѳедору Иванычу*). Ѳедоръ Иванычъ! вотъ, говорили, отъ Пироне фасонисты щиблетки, ужъ это чего лучше у энтаго-то! (*Показываетъ на третьяго мужика въ чуняхъ.*)

Ѳед. Иван. Все вамъ только пересмѣивать людей!..

(*Григорій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Таня, Ѳедоръ Иванычъ и три мужика.

Ѳед. Иван. (*встаетъ и подходитъ къ мужикамъ*). Такъ вы самые курскіе, о покупкѣ земли?

1-й муж. Такъ точно. Происходитъ, примѣрно, насчетъ свершенія продажи земли мы. Доложить бы какъ.

Өед. Иван. Да, да, знаю, знаю. Подождите здѣсь, я сейчасъ доложу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Таня и три мужика. Василій Леонидычъ (*за сценой*). *Мужики оглядываются, не знаютъ куда дѣть гостинцы.*

1-й муж. Какъ же, значитъ, это, не знаю какъ назвать, на чемъ бы подать? Хворменно чтобъ предметъ исдѣлать. Блюдце бы, что ли?

Таня. Сейчасъ, сейчасъ. Давайте сюда; покамѣстъ вотъ такъ. (*Ставитъ на диванчикъ.*)

1-й муж. Это какого званія, примѣрно, почтенный подходилъ-то къ намъ?

Таня. Это камердинъ.

1-й муж. Прямое дѣло —камардинъ. Въ распоряженіи, значитъ, тоже... (*Танѣ.*) А вы, примѣрно, тоже при услуженіи будете.

Таня. Въ горничныхъ я. Вѣдь я тоже Деменская. Я вѣдь васъ знаю, и васъ знаю, только энтого дяденьку не знаю. (*Указываетъ на третьяго мужика.*)

3-й муж. Тѣхъ вознала, а меня не вознала?

Таня. Вы Ефимъ Антонычъ?

1-й муж. Двистительно.

Таня. А вы Семеновъ родитель, Захаръ Трифонычъ?

2-й муж. Вѣрно!

3-й муж. А я, скажемъ, Митрій Чиликинъ. Вознала теперь?

Таня. Теперь и васъ знать будемъ.

2-й муж. Ты чья жъ будешь?

Таня. А Аксиньи солдатки, сирота.

1-й и 3-й мужики (*съ удивленіемъ*). Ну?!

2-й муж. Не даромъ говорится: дай за поросенка грошъ, посади въ рожь, онъ и будетъ хорошъ.

1-й муж. Двистительно. Сходственно вродѣ какъ мамзель.

3-й муж. Это какъ есть. О, Господи!

Вас. Леон. (*за сценой звонитъ, а потомъ кричитъ*). Григорій! Григорій!

1-й муж. Кто жъ это такъ очень себя безпокоитъ, примѣрно?

Таня. Молодой баринъ это.

3-й муж. О, Господи! Сказывалъ, пока что, лучше бы наружу подождали. (*Молчаніе.*)

2-й муж. Тебя-то Семенъ замужъ беретъ?

Таня. А развѣ онъ писалъ? (*Закрывается фартукомъ.*)

2-й муж. Стало, писалъ! Да не дѣло задумалъ. Избаловался, вижу, малый.

Таня (*живо*). Нѣтъ, онъ ничего не избаловался. Послать его вамъ?

2-й муж. Чего посылать-то? Дай срокъ, успѣемъ!

(*Слышны отчаянные крики Василья Леонидыча*: „Григорій! чортъ тебя возьми!“)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и *изъ двери* **Василій Леонидычъ** (*въ рубашкѣ, надѣваетъ pince-nez*).

Вас. Леон. Вымерли всѣ?

Таня. Нѣтъ его, Василій Леонидычъ... Сейчасъ я пошлю. (*Направляется къ двери.*)

Вас. Леон. Вѣдь я слышу, что разговариваютъ. Это что за чучелы явились? А, что?

Таня. Это мужички изъ курской деревни, Василій Леонидычъ!

Вас Леон. (*на артельщика*). А это кто? А, да, отъ Бурдье! (*Мужики кланяются. Василій Леонидычъ не обращаетъ на нихъ вниманія. Григорій встрѣчается съ Таней въ дверяхъ. Таня остается.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же и Григорій.

Вас. Леон. Я тебѣ говорилъ,—тѣ ботинки! Не могу я эти носить.

Григ. Да и тѣ тамъ же стоятъ.

Вас. Леон. Да гдѣ же тамъ?

Григ. Да тамъ же.

Вас. Леон. Врешь!

Григ. Да вотъ увидите.

(*Василій Леонидычъ и Григорій уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Таня, три мужика и артельщикъ.

3-й муж. А може, скажемъ, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы пока что.

Таня. Нѣтъ, ничего, подождите. Вотъ я вамъ сейчасъ тарелки для гостинцевъ принесу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же, Сахатовъ, Леонидъ Ѳедоровичъ и *за ними* **Ѳедоръ Иванычъ.** (*Мужики берутъ гостинцы и становятся въ позы.*)

Леон. Ѳед. (*мужикамъ*). Сейчасъ, сейчасъ, подождите. (*На артельщика*) А это кто?

Артельщ. Отъ Бурде.

Леон. Ѳед. А, отъ Бурдье!

Сах. (*улыбаясь*). Да я не отрицаю; но согласитесь, что, не видавъ всего того, что вы говорите, нашему брату, не посвященному, трудно вѣрить.

Леон. Ѳед. Вы говорите: я не могу вѣрить. Но мы и не требуемъ вѣры. Мы требуемъ изслѣдованія. Вѣдь не могу же я вѣрить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сах. Какъ *оттуда?* Откуда?

Леон. Ѳед. Изъ того міра. Да.

Сах. (*улыбаясь*). Очень интересно, очень интересно!

Леон. Ѳед. Но, положимъ, вы думаете, что я увлекающійся человѣкъ, воображающій себѣ то, чего нѣтъ, но вѣдь вотъ Алексѣй Владиміровичъ Кругосвѣтловъ, кажется, не кто-нибудь, а профессоръ, и вотъ признаетъ то же. Да не онъ одинъ. А Круксъ? А Валласъ?

Сах. Да вѣдь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, какъ Кругосвѣтловъ объясняетъ?

Леон. Ѳед. У него своя теорія. Да вотъ пріѣзжайте нынче

вечеромъ; онъ будетъ непремѣнно. Сначала Гросманъ будетъ... знаете, извѣстный угадыватель мыслей?

Сах. Да, я слышалъ, но ни разу не случалось видѣть.

Леон. Ѳед. Ну, такъ пріѣзжайте. Сначала Гросманъ, а потомъ Капчичъ, и нашъ сеансъ медіумическій. . (*Ѳедору Иванычу*) Не вернулся посланный отъ Капчича?

Ѳед. Иван. Нѣтъ еще

Сах. Такъ какъ же бы мнѣ узнать?

Леон. Ѳед. Да вы пріѣзжайте, все равно — пріѣзжайте. Если Капчича и не будетъ, мы найдемъ своего медіума. Марья Игнатьевна — медіумъ, не такой сильный какъ Капчичъ, но все-таки.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и Таня (*входитъ съ тарелками для гостинцевъ. Прислушивается къ разговору*).

Сах. (*улыбаясь*). Да, да. Но только вотъ обстоятельство: почему медіумы всегда изъ такъ-называемаго образованнаго круга? И Капчичъ, и Марья Игнатьевна. Вѣдь если это особенная сила, то она должна бы встрѣчаться вездѣ въ народѣ, въ мужикахъ.

Леон. Ѳед. Такъ и бываетъ. Такъ часто бываетъ, что у насъ въ домѣ одинъ мужикъ—и тотъ оказался медіумомъ. На-дняхъ мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диванъ—и забыли про него. Онъ, вѣроятно, и заснулъ. И представьте себѣ, нашъ сеансъ уже кончился, Капчичъ проснулся, и вдругъ мы замѣчаемъ, что въ другомъ углу комнаты около мужика начинаются медіумическія явленія: столъ двинулся и пошелъ.

Таня (*въ сторону*) Это когда я изъ-подъ стола лѣзла.

Леон. Ѳед. Очевидно, что онъ тоже медіумъ, — тѣмъ болѣе, что лицомъ онъ очень похожъ на Юма .. Вы помните Юма?—бѣлокурый, наивный.

Сах. (*пожимая плечами*). Вотъ какъ! Это очень интересно. Такъ, вотъ, вы его бы и испытали.

Леон. Ѳед. И испытаемъ. Да и не онъ одинъ. Медіумовъ бездна. Мы только не знаемъ ихъ. Вотъ на-дняхъ одна больная старушка передвинула каменную стѣну.

Сах. Передвинула каменную стѣну?

Леон. Ѳед. Да, да, лежала въ постели и совсѣмъ не знала, что она медіумъ. Уперлась рукой о стѣну, а стѣна и отодвинулась.

Сах. И не завалилась?

Леон. Ѳед. И не завалилась.

Сах. Странно!.. Ну, такъ я пріѣду вечеромъ.

Леон. Ѳед. Пріѣзжайте, пріѣзжайте! Сеансъ будетъ во всякомъ случаѣ.

(*Сихатовъ одѣвается. Леонидъ Ѳедоровичъ провожаетъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же, *безъ* **Сахатова.**

Артел. (*Танѣ*). Доложите же барынѣ! Что же, мнѣ ночевать, что ли?

Таня. Подождите. Онѣ ѣдутъ съ барышней, такъ скоро сами выйдутъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же, *безъ* **Тани.**

Леон. Ѳед. (*подходитъ къ мужикамъ, тѣ кланяются и подаютъ гостинцы*). Не надо это!

1-й муж. (*улыбаясь*).Да ужъ это первымъ долгомъ происходитъ. Какъ и міръ намъ предлегалъ.

2-й муж. Ужъ это какъ водится.

3-й муж. И не толкуй! Потому какъ мы много довольны... Какъ родители наши, скажемъ, вашимъ родителямъ, скажемъ, служили, такъ и мы желаемъ отъ души, а не то чтобы какъ. . (*Кланяется.*)

Леон. Ѳед. Да что вы? Чего вы именно желаете?

1-й муж. Къ вашей милости, значитъ.

ЯВЛЕНІЕ 25-е.

Тѣ же и Петрищевъ (*быстро вбѣгаетъ въ шинели*).

Петрищ. Василій Леонидычъ проснулся? (*Увидавъ Леонида Ѳедоровича, кланяется ему одной головой.*)

Леон. Ѳед. Вы къ сыну?

Петрищ. Я? — Да, я на минутку къ Вовò.

Леон. Ѳед. Пройдите, пройдите.

(*Петрищевъ снимаетъ шинель и скоро идетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 26-е.

Тѣ же, *безъ* **Петрищева.**

Леон. Ѳед. (*мужикамъ*). Да-съ. Ну, такъ вы что жъ?

2-й муж. Прими гостинцы-то.

1-й муж. (*улыбаясь*). Значитъ, деревенскія предложенія.

3-й муж. И не толкуй,—что тамъ! Мы желаемъ какъ отцу родному. И не толкуй.

Леон. Өед. Ну, что жъ... Өедоръ, прими.

Өед. Иван. Ну, давайте сюда. (*Беретъ гостинцы.*)

Леон. Өед. Такъ въ чемъ же дѣло?

1-й муж. Да къ вашей милости мы.

Леон. Өед. Вижу, что ко мнѣ; да чего же вы желаете?

1-й муж. А насчетъ свершенія продажи земли движеніе исдѣлать. Происходитъ...

Леон. Өед. Что же, вы покупаете землю, что ли?

1-й муж. Двиствительно, это какъ есть. Происходитт... Значитъ, насчетъ покупки собственности земли. Такъ міръ насъ примѣрно и вполномочилъ, чтобы взойтить, значитъ, какъ полагается, черезъ государственную банку съ приложеніемъ марки узаконеннаго числа.

Леон. Өед. То-есть вы желаете купить землю черезъ посредство банка,—такъ, что ли?

1-й муж. Это какъ есть, какъ лѣтось вы намъ предлогъ исдѣлали. Происходитъ, значитъ, всей суммы полностью 32,864 р. въ покупки собственности земли.

Леон. Өед. Это такъ; но какъ же приплату?

1-й муж. А приплату предлегаетъ міръ, чтобъ, какъ лѣтось говорено, разсрочить, значитъ, въ полученіи въ наличностяхъ, по законамъ положеній, 4.000 рублей полностью.

2-й муж. Четыре тысячи получи денежки теперь, значитъ, а остальныя чтобъ обождать.

3-й муж. (*пока развертываетъ деньги*). Ужъ это будь въ надеждѣ, себя заложимъ, а того не сдѣлаемъ, чтобъ какъ-

нибудь, а скажемъ, какъ-никакъ, а чтобы, скажемъ, того... какъ должно.

Леон. Ѳед. Да вѣдь я писалъ вамъ, что я согласенъ только въ такомъ случаѣ, коли соберете всѣ деньги.

1-й муж. Это двиствительно, пріятнѣе бы, да не въ возможностяхъ, значитъ.

Леон. Ѳед. Такъ что же дѣлать?

1-й муж. Міръ, примѣрно, на то упѣвалъ, что какъ лѣтось предлогъ исдѣлали въ отсрочкѣ платежа...

Леон. Ѳед. То было прошлаго года; тогда я соглашался, а теперь не могу...

2-й муж. Да какъ же такъ? Обнадежилъ, — мы и бумагу выправили, и деньги собрали.

2-й муж. Помилосердуй, отецъ. Земла наша малая, не то что скотину, — курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. (*Кланяется.*) Не грѣши, отецъ! (*Кланяется.*)

Леон. Ѳед. Это, положимъ, правда, что прошлаго года я соглашался отсрочить, да тутъ вышло обстоятельство... Такъ что мнѣ теперь это неудобно.

2-й муж. Намъ безъ этой земли надо жизни рѣшиться.

1-й муж. Двиствительно, безъ земли наше жительство должно ослабнуть и въ упадокъ произойти.

3-й муж. (*кланяется*). Отецъ! земля малая, не то что скотину,—куренка, скажемъ, и того выпустить некуда. Отецъ! помилосердствуй. Прими денежки, отецъ!

Леон. Ѳед. (*просматриваетъ пока бумагу*). Я понимаю, мнѣ самому хотѣлось бы вамъ сдѣлать доброе. Вы подождите. Я вамъ черезъ полчаса отвѣтъ дамъ... Ѳедоръ, скажи, чтобъ никого не принимать.

Ѳед. Иван. Очень хорошо. (*Леонидъ Ѳедоровичъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 27 е.

Тѣ же, *безъ* Леонида Ѳедоровича. (*Мужики въ уныніи.*)

2-й муж. Ишь ты дѣло-то! Всѣ, говоритъ, подавай. А гдѣ ихъ возьмешь?

1-й муж. Кабы лѣтось не обнадежилъ насъ. А то мы такъ уиѣвали, двиствительно, что какъ лѣтось говорено.

3-й муж. О, Господи! Я было деньги раскуталъ. (*Завертываетъ деньги.*) Теперь что станемъ дѣлать?

Ѳед. Иван. Да у васъ въ чемъ дѣло состоитъ?

1-й муж. Дѣло у насъ, почтенный, зависитъ, примѣрно, вотъ въ чемъ: предлегалъ онъ намъ лѣтось разсрочить. Міръ на то и взошелъ мнѣніемъ и насъ вполномочилъ; а таперь онъ, примѣрно, предлегаетъ, чтобы всю сумму полностью. А выходитъ дѣло никакъ неспособно.

Ѳед. Иван. Денегъ-то много ль?

1-й муж. Всей суммы въ поступленіи четыре тысячи рублей, значитъ.

Ѳед. Иван. Такъ что жъ?.. Понатужьтесь, соберите еще.

1-й муж. И такъ натурно собирали. Пороху въ этихъ смыслахъ, господинъ, не хватаетъ.

2-й муж. Какъ ихъ нѣтъ, зубами не натянешь.

3-й муж. Мы бы всей душой, да, скажемъ, и такъ подъ метелочку и эти-то собрали.

ЯВЛЕНІЕ 28-е.

Тѣ же, Василій Леонидычъ и Петрищевъ (*въ дверяхъ оба съ папиросками*).

Вас. Леон. Да ужъ я сказалъ—буду стараться. Такъ буду

стараться, что какъ только возможно. А, что?

Петрищ. Ты пойми, что если ты не достанешь, то это чортъ знаетъ какая гадость!

Вас. Леон. Да ужъ сказалъ: буду стараться—и буду. А, что?

Петрищ. Да ничего. Я только говорю, что добудь непремѣнно. Я подожду. (*Уходитъ, запирая дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 29-е.

Тѣ же, *безъ* **Петрищева.**

Вас. Леон. (*махая рукой*). Чортъ знаетъ что такое!

(*Мужики кланяются.*)

Вас. Леон. (*смотритъ на артельщика. Өедору Иванычу*). Что это вы этого отъ Бурдье не отпустите? Онъ ужъ совсѣмъ жить къ намъ переѣхалъ. Смотрите, онъ заснулъ. А, что?

Өед. Иван. Да подали записку... Велѣли подождать, когда Анна Павловна выйдетъ.

Вас. Леон. (*смотритъ на мужиковъ и воззривается на деньги*). А это что—деньги? Это кому? Намъ деньги? (*Өеодору Иванычу*) Это кто такіе?

Өед. Иван. Это крестьяне курскіе, землю покупаютъ.

Вас. Леон. Что жъ, продали?

Өед. Иван. Да нѣтъ, не сошлись еще. Вотъ скупятся они.

Вас. Леон. А?.. Это надо ихъ уговорить. (*Мужикамъ*) Вы что жъ, покупаете, а?

1-й муж. Двиститeльно, мы предлегаемъ, чтобы какъ пріобрѣсть собственность владѣнія земли.

Вас. Леон. А вы не скупитесь. Вы знаете, я вамъ скажу, какъ земля мужичку нужна! А, что? Очень нужна?

1-й муж. Двиствительно, земля мужику пристекаетъ первая статья. Эго какъ есть.

Вас. Леон. Ну, вотъ, вы и не скупитесь. Вѣдь земля что? Можно, вѣдь, на ней пшеницу рядами, я вамъ скажу, посѣять. Триста пудовъ можно взять, по рублю за пудъ—триста рублей. А, что?.. А то мяту, такъ тысячу рублей, я вамъ скажу, можно съ десятины слупить!

1-й муж. Двиствительно, это вполнѣ, всѣ продухты можно въ дѣйствіе произвесть, кто понятіе имѣетъ.

Вас. Леон. Такъ непремѣнно мяту. Вѣдь я учился про это. Это въ книгахъ напечатано. Я вамъ покажу. А, что?

1-й муж. Двиствительно, что касающее—вамъ по книгамъ виднѣе. Умственность, значитъ.

Вас. Леон. Такъ покупайте, не скупитесь, а давайте деньги. (*Ѳедору Иванычу*) Папа гдѣ?

Ѳед. Иван. Дома. Они просили не безпокоить ихъ теперь.

Вас. Леон. Что жъ, вѣроятно, у духа спрашиваетъ—продать ли землю или нѣтъ? А, что?

Ѳед. Иван. Этого не могу сказать. Знаю, что пошли въ нерѣшительности.

Вас. Леон. Какъ ты думаешь, Ѳедоръ Иванычъ, есть у него деньги? А, что?

Ѳед. Иван. Ужъ не знаю. Едва ли. А вамъ зачѣмъ? Вѣдь вы на прошлой недѣлѣ взяли кушъ не маленькій.

Вас. Леон. Да вѣдь я за собакъ отдалъ. А теперь вѣдь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищевъ выбранъ, а я бралъ у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Ѳед. Иван. Эго какое ваше новое общество? Велосипедистовъ?

Вас. Леон. Нѣтъ, я тебѣ сейчасъ скажу: это новое обще-

ство. Очень, я тебѣ скажу, серьёзное общество. И ты знаешь, кто предсѣдатель? А, что?

Ѳед. Иван. Въ чемъ же это новое общество?

Вас. Леон. Общество поощренія разведенія старинныхъ русскихъ густопсовыхъ собакъ. А, что? И я тебѣ скажу: нынче первое засѣданіе и завтракъ. А вотъ денегъ-то нѣтъ. Пойду къ нему, попытаюсь. (*Уходитъ въ дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 30-е.

Мужики, Ѳедоръ Иванычъ и артельщикъ.

1-й муж. (*Ѳедору Иванычу*). Это кто же, почтенный, будутъ?

Ѳед. Иван. (*улыбаясь*). Молодой баринъ.

3-й муж. Наслѣдникъ, скажемъ. О, Господи! (*Прячетъ деньги.*) Прибрать, видно, пока что.

1-й муж. А намъ сказывали, что военный, въ заслугѣ кавалеріи, примѣрно.

Ѳед. Иван. Нѣтъ; онъ, какъ единственный сынъ, уволенъ отъ воинской повинности.

3-й муж. Для прокорму, скажемъ, родителевъ оставленъ. Это правильно.

2-й муж. (*качаетъ головой*). Этотъ прокормитъ, что и говорить!

3-й муж. О, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 31-е.

Ѳедоръ Иванычъ, три мужика, Василій Леонидычъ и (*за нимъ въ дверяхъ*) **Леонидъ Ѳедоровичъ.**

Вас. Леон. Вотъ это всегда такъ. Право, удивительно. То

говорятъ мнѣ, отчего я ничѣмъ не занятъ, а вотъ когда я нашелъ дѣятельность и занятъ, основалось общество серьёзное, съ благородными цѣлями, тогда жалко какихъ-нибудь трехсотъ рублей!..

Леон. Ѳед. Сказалъ, что не могу —и не могу. Нѣтъ у меня.

Вас. Леон. Да вѣдь вотъ продали землю.

Леон. Ѳед. Во-первыхъ, не продалъ, и главное—оставь меня въ покоѣ. Вѣдь тебѣ сказали, что мнѣ некогда. (*Захлопываетъ дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ 32-е.

Тѣ же, *безъ* **Леонида Ѳедоровича.**

Ѳед. Иван. Я вамъ говорилъ, что теперь не время.

Вас. Леон. Вотъ, я вамъ скажу, положеніе, а? Пойду къ мама,—одно спасенье. А то сумасшествуетъ съ своимъ спиритизмомъ и всѣхъ забылъ. (*Идетъ наверхъ.*)

(*Ѳедоръ Иванычъ садится, было, за газету.*)

ЯВЛЕНІЕ 33-е.

Тѣ же. *Сверху сходятъ* **Бетси и Марья Константиновна.** *За ними* **Григорій.**

Бетси. Карета готова?

Григор. Выѣзжаетъ.

Бетси. (*Марьѣ Константиновнѣ*). Пойдемте, пойдемте! Я видѣла, что это онъ.

Мар. Конст. Кто онъ?

Бетси. Очень хорошо знаете, что Петрищевъ.

Мар. Конст. Такъ гдѣ же онъ?

Бетси. У Вовò сидитъ. Вотъ увидите.

Мар. Конст. А вдругъ не онъ?

(*Мужики и артельщикъ кланяются.*)

Бетси (*артельщику*). А, вы отъ Бурдье, съ платьемъ?

Арт. Такъ точно. Прикажите отпустить.

Бетси. Да я не знаю, это мама.

Арт. Не могу знать, кому. Намъ приказано снести и деньги получить.

Бетси. Ну, такъ подождите.

Мар. Конст. Это все тотъ же костюмъ для шарады?

Бетси. Да, прелестный костюмъ! А мама не беретъ и не хочетъ платить.

Мар. Конст. Отчего же?

Бетси. А вотъ спросите у мама. Для Вавò за собакъ заплатить 500 рублей не дорого, а платье 100 рублей дорого. А не могу же я играть чучелой! (*На мужиковъ.*) А это кто такіе?

Григор. Мужики, землю покупаютъ какую-то.

Бетси. А я думала—охотники. Вы не охотники?

1-й муж. Никакъ нѣтъ-съ, госпожа. Мы насчетъ свершенія продажи акта земли, къ Леониду Өедоровичу.

Бетси. Какъ же къ Вовò должны были придти охотники? Да вы навѣрное не охотники? (*Мужики молчатъ.*) Какіе глупые! (*Подходитъ къ двери.*) Вовò! (*Хохочетъ.*)

Мар. Конст. Да вѣдь мы его встрѣтили сейчасъ.

Бетси. Охота вамъ помнить!.. Вовò, ты здѣсь?

ЯВЛЕНІЕ 34-е.

Тѣ же и Петрищевъ.

Петрищ. Вово нѣтъ, но я готовъ исполнить за него все, что потребуется. Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна! (*Трясетъ руку сильно и долго Бетси, а потомъ Марьѣ Константиновнѣ.*)

2-й муж. Вишь, ровно воду накачиваетъ.

Бетси. Замѣнить не можете, но все-таки лучше, чѣмъ ничего. (*Хохочетъ.*) Какія это у васъ дѣла съ Вово?

Петр. Дѣла? Дѣла фи-нансовыя, то-есть они, дѣла наши — фи! и вмѣстѣ съ тѣмъ нансовыя, и кромѣ еще финансовыя.

Бетси. Что же значитъ нансовыя?

Петр. Вотъ вопросъ! Въ томъ-то и штука, что ничего не значитъ!

Бетси. Ну, это не вышло, совсѣмъ не вышло! (*Хохочетъ.*)

Петр. Нельзя вѣдь, чтобы всякій разъ выходило. Это вродѣ аллегри. Аллегри, аллегри, а потомъ и выигрышъ.

(*Ѳедоръ Иванычъ уходитъ въ кабинетъ Леонида Ѳедоровича.*)

ЯВЛЕНІЕ 35-е.

Тѣ же *безъ* Ѳедора Иваныча.

Бетси. Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовыхъ?

Петр. Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassof.

Бетси. Не можетъ безъ jeu de mots? Это болѣзнь. И цыгане были? (*Смѣется.*)

Петр. (*поетъ*). На фартучкахъ пѣтушки, золотые гребешки!..

Бетси. Экіе счастливые! А мы скучали у Фофо.

Петр. (*продолжая напѣвать*). И божилась и клялась—побывать ко мнѣ... Какъ дальше? Марья Константиновна, какъ дальше?

Мар. Конст. Ко мнѣ на часъ...

Петр. Какъ? Какъ, Марья Константиновна? (*Хохочетъ.*)

Бетси. Céssez, vous devenez impossible!

Петр. J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédé...

Бетси. Я вижу одно средство избавиться отъ вашихъ остротъ—это заставить васъ пѣть. Пойдемте къ Вово въ комнату, у него и гитара есть. Пойдемте, Марья Константиновна, пойдемте!

(*Бетси, Марья Константиновна и Петрищевъ уходятъ въ комнату Василья Леонидыча.*)

ЯВЛЕНІЕ 36-е.

Григорій, три мужика и артельщикъ.

1-й муж. Это чьи же?

Григ. Одна—барышня, а другая—мамзель, музыкѣ учитъ.

1-й муж. Въ науку производитъ, значитъ? А какъ акуратна, настоящій патретъ!

2-й муж. Что же замужъ не выдаютъ? Года-то ужъ, небось, вышли?

Григ. Развѣ какъ у васъ, пятнадцати лѣтъ?

1-й муж. А мущинка-то тотъ, примѣрно, изъ музыканщиковъ?

Григ. (*передразнивая*). Изъ музыканщиковъ!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й муж. Это двиствительно, глупость наша значитъ, необразованность.

3-й муж. О, Господи!

(*Слышно пѣніе цыганскихъ пѣсенъ съ гитарой изъ комнаты Василья Леонидыча.*)

ЯВЛЕНІЕ 37-е.

Григорій, три мужика, артельщикъ, *входитъ* **Семенъ** и *вслѣдъ за нимъ* **Таня.** (*Таня наблюдаетъ за встрѣчей отца съ сыномъ.*)

Григ. (*къ Семену*). Ты чего?

Сем. Къ господину Капчичу посылали.

Григ. Ну, что?

Сем. На словахъ приказали сказать: нынче никакъ быть не могутъ.

Григ. Хорошо, я доложу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 38-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорья.**

Сем. (*отцу*). Здорово, батюшка! Дядѣ Ефиму, дядѣ Митрію—почтеніе! Дома здоровы ли?

2-й муж. Здорово, Семенъ.

1-й муж. Здорово, братецъ.

3-й муж. Здорово, малый. Живъ ли?

Сем. (*улыбаясь*). Что жъ, батюшка, пойдемъ, что ли, чайку попить?

2-й муж. Погоди, отдѣлаемся,—развѣ не видишь, недосугъ таперь?

Сем. Ну, ладно, я у крыльца ждать буду. (*Уходитъ.*)

Таня (*бѣжитъ за нимъ*). Ты что жъ ничего не сказалъ?

Сем. Какъ же теперь говорить при народѣ? Дай срокъ, пойдемъ чай пить, я и скажу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 39-е.

Тѣ же, *безъ* Семена

(*Ѳедоръ Иванычъ выходитъ и садится къ окну съ газетой.*)

1-й муж. Ну, что жъ, почтенный, какъ дѣло наше происходитъ?

Ѳед. Иван. Погодите, сейчасъ выйдетъ,—кончаетъ.

Таня (*къ Ѳедору Иван.*). А вы почемъ, Ѳедоръ Иванычъ, знаете, что кончаетъ?

Ѳед. Иван. А я знаю, когда онъ вопросы окончитъ, то онъ вслухъ перечитываетъ вопросъ и отвѣтъ.

Таня. Неужели жъ правда, что блюдечкомъ можно разговаривать съ духами?

Ѳед. Иван. Стало-быть можно.

Таня. Ну, что жъ, они ему скажутъ подписать, онъ и подпишетъ?

Ѳед. Иван. А то какъ же?

Таня. Да вѣдь они словами не говорятъ?

Ѳед. Иван. Азбукой. Противъ какой буквы остановится, онъ и замѣчаетъ.

Таня. Ну, а если въ сіансѣ?..

ЯВЛЕНІЕ 40-е.

Тѣ же и Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леон. Ѳед. Ну, друзья мои, не могу. Очень бы желалъ, но никакъ не могу. Если всѣ деньги, то другое дѣло.

1-й муж. Это двиствительно, чего бъ лучше. Да маломоченъ народъ, никакъ невозможно.

Леон. Ѳед. Не могу, не могу никакъ. Вотъ и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й муж. А ты, отецъ, пожалѣй, помилосердствуй!

2-й муж. Что жъ такъ дѣлать? Обида это.

Леон. Ѳед. Обиды, братцы, нѣту. Я вамъ тогда лѣтомъ говорилъ: коли хотите, дѣлайте. Вы не захотѣли, а теперь мнѣ нельзя.

3-й муж. Отецъ! смилосердуйся. Какъ жить таперича? Земля малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

(*Леонидъ Ѳедоровичъ идетъ и останавливается въ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 41-е.

Тѣ же, барыня *и* **докторъ** *сходятъ сверху. За ними* **Василій Леонидычъ,** *въ веселомъ и игривомъ настроеніи духа, укладываетъ деньги въ бумажникъ.*

Бар. (*затянутая, въ шляпкѣ*). Такъ принять?

Докт. Коли повторныя явленія будутъ, непремѣнно принять. А главное—ведите себя лучше. А то какъ же вы хотите, чтобъ густой сиропъ прошелъ черезъ тоненькую во-

лосную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажмемъ? Нельзя! Такъ и желче-проводъ. Все вѣдь это очень просто.

Бар. Ну, хорошо, хорошо.

Докт. То-то хорошо, а все по-старому; а такъ, барыня, нельзя, нельзя. Ну, прощайте!

Бар. Не прощайте, а до свиданья. Вечеромъ я васъ все-таки жду,—безъ васъ я не рѣшусь.

Докт. Ладно, ладно. Коли время будетъ, заверну. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 42-е.

Тѣ же, *безъ* **доктора.**

Бар. (*увидавъ мужиковъ*). Это что? Что это? Что это за люди?

(*Мужики кланяются.*)

Ѳед. Иван. Это крестьяне изъ Курской о покупкѣ земли къ Леониду Ѳедоровичу.

Бар. Я вижу, что крестьяне, да кто ихъ пустилъ?

Ѳед. Иван. Леонидъ Ѳедоровичъ приказали. Они съ ними сейчасъ говорили о продажѣ земли.

Бар. И какая продажа? Совсѣмъ не нужно продавать. А главное—какъ же пускать людей съ улицы въ домъ? Какъ пускать людей съ улицы?! Нельзя пускать въ домъ людей, которые ночевали Богъ знаетъ гдѣ... (*Разгорячается все болѣе и болѣе.*) Въ одеждахъ, я думаю, всякая складка полна микробъ: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да вѣдь они изъ Курской, изъ Курской губерніи, гдѣ повальный дифтеритъ!.. Докторъ, докторъ! Воротите доктора!

(*Леонидъ Ѳедоровичъ уходитъ, закрывая дверь. Григорій выходитъ за докторомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 43-е.

Тѣ же, *безъ* **Леонида Өедоровича** и **Григорья.**

Вас. Леон. (*курить на мужиковъ*). Ничего, мама, хотите, я ихъ окурю такъ, что всѣмъ микробамъ капутъ? А, что?

(*Барыня строго молчитъ, ожидая возвращенія доктора.*)

Вас. Леон. (*къ мужикамъ*). А вы свиней выкармливаете? Вотъ выгодно-то!

1-й муж. Двистительно, пускаемъ когда и по свиной части.

Вас. Леон. Такихъ... Іу, Іу! (*Хрюкаетъ поросенкомъ.*)

Бар. Вовò, Вовò! перестань!

Вас. Леон. Похоже? А, что?

1-й муж. Двистительно, сходственно.

Бар. Вовò, перестань, я тебѣ говорю!

2-й муж. Это къ чему же?

3-й муж. Сказывалъ, на фатеру бы пока что...

ЯВЛЕНІЕ 44-е.

Тѣ же, докторъ и Григорій.

Докт. Ну, что еще? Чтò такое?

Бар. Да вотъ вы говорите, чтобы не волноваться. Ну, какъ тутъ быть спокойной? Я сестру не вижу два мѣсяца, я остерегаюсь всякаго сомнительнаго посѣтителя. И вдругъ люди изъ Курска — прямо изъ Курска, гдѣ повальный дифтеритъ — въ серединѣ моего дома!

Докт. То-есть вотъ эти молодцы-то?

Бар. Ну да, прямо изъ дифтеритной мѣстности!

Докт. Да, коли изъ дифтеритной мѣстности, то, разумѣет-

ся, неосторожно, но все-таки очень-то волноваться незачѣмъ.

Бар. Да вѣдь вы сами же предписываете осторожность?!

Докт. Ну да, ну да, только волноваться-то очень незачѣмъ.

Бар. Да вѣдь какъ же? Полную дезинфекцію надо.

Докт. Нѣтъ, что жъ полную,—это дорого слишкомъ, рублей триста, а то и больше станетъ. А я вамъ дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую бутылку воды...

Бар. Отварной?

Докт. Все равно. Отварной лучше... Такъ на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть все, чего касались даже, а ихъ самихъ, молодцовъ этихъ, разумѣется, вонъ. Вотъ и все. Тогда смѣло. Да того же состава черезъ пульверизаторъ въ воздухъ пропустите стаканчика два-три, и посмотрите, какъ хорошо будетъ. Совершенно безопасно!

Бар. Таня гдѣ? Позовите Таню!

ЯВЛЕНІЕ 45-е.

Тѣ же и Таня.

Таня. Чтò прикажете?

Бар. Знаешь большую бутылку въ уборной?

Таня. Изъ которой прачку вчера брызгали?

Бар. Ну да, а то какая же! Такъ вотъ возьми ты эту бутыль и вымой прежде, гдѣ они стоятъ, мыломъ, потомъ этимъ...

Таня Слушаю-съ. Я знаю какъ.

Бар. Да потомъ возьми пульверизаторъ... Впрочемъ, я вернусь, сама сдѣлаю.

Докт. Такъ и сдѣлайте, и не бойтесь. Ну, такъ до свиданья, до вечера. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 46-е.

Тѣ же, *безъ* доктора.

Бар. А ихъ вонъ, вонъ, чтобъ ихъ духу не было! Вонъ, вонъ. Идите, что смотрите?

1-й муж. Двистительно, мы какъ по глупости, какъ намъ предлегаить...

Григ. (*выпроваживая мужиковъ*). Ну, ну, идите, идите!

2-й муж. Платокъ-то мой дай!

3-й муж. О, Господи! Говорилъ я—на фатеру бы покуда что.

(*Григорій выталкиваетъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ 47-е.

Барыня, Григорій, Ѳедоръ Иванычъ, Таня, Василій Леонидычъ и артельщикъ.

Арт. (*нѣсколько разъ порывавшійся говорить*). Будетъ отвѣтъ какой?

Бар. А, это отъ Бурдье? (*Горячась.*) Никакого, никакого, и несите назадъ! Я ей говорила, что я такого костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Арт. Не могу знать, меня послали.

Бар. Ступайте, ступайте, и несите назадъ. Я сама заѣду.

Вас. Леон. (*торжественно*). Господинъ посланникъ отъ Бурдье, ступайте!

Арт. Давно бы сказали. Что жъ я пять часовъ сидѣлъ.

Вас. Леон. Посланецъ Бурдье, ступайте!

Бар. Перестань, пожалуйста!

(*Артельщикъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 48-е.

Тѣ же, *безъ* **артельщика.**

Бар. Бетси! Гдѣ она? Вѣчно ее ждать!

Вас. Леон. (*кричитъ во все горло*). Бетси! Петрищевъ! Идите скорѣй! Скорѣй, скорѣй! А, что?

ЯВЛЕНІЕ 49-е.

Тѣ же, Петрищевъ, Бетси и Марья Константиновна.

Барыня. Вѣчно тебя ждешь!

Бетси. Напротивъ, я васъ жду.

(*Петрищевъ кланяется одной головой и цѣлуетъ руку барынѣ.*)

Бар. Здравствуйте! (*Бетси*) Всегда отвѣчать!

Бетси. Если вы, мама, не въ духѣ, такъ лучше я не поѣду.

Бар. Ѣдемъ или не ѣдемъ?

Бетси. Да ѣдемте, что жъ дѣлать?

Бар. Видѣла отъ Бурдье?

Бетси. Видѣла, и очень была рада. Я заказывала костюмъ и надѣну, когда заплатятъ за него деньги.

Бар. Я не заплачу и не позволю надѣть неприличный костюмъ.

Бетси. Отчего онъ сталъ неприличный? То былъ приличенъ, а то на васъ pruderie нашла...

Бар. Не pruderie, а передѣлать весь лифъ, тогда можно.

Бетси. Мама, право, это невозможно!

Бар. Ну, одѣвайся же. (*Садятся. Григорій надѣваетъ ботинки.*)

Вас. Леон. Марья Константиновна! а вы видите, какая пустота въ передней?

Мар. Конст. А что? (*Впередъ смѣется.*)

Вас. Леон. А отъ Бурдье ушелъ. А, что? Хорошо? (*Хохочетъ громко.*)

Бар. Ну, ѣдемъ! (*Выходитъ въ дверь и тотчасъ же возвращается.*) Таня!

Таня. Что̀ прикажете?

Бар. Фифку безъ меня чтобъ не простудить. Если будетъ проситься выпускать, то непремѣнно надѣть капотецъ желтенькій. Она не совсѣмъ здорова.

Таня. Слушаю-съ.

(*Барыня, Бетси и Григорій уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 50-е.

Петрищевъ, Василій Леонидычъ, Таня и Ѳедоръ Иванычъ.

Петрищ. Ну, что же, добылъ?

Вас. Леон. Я тебѣ скажу, съ трудомъ. Сначала сунулся къ родителю,—зарычалъ и прогналъ. Я къ родительницѣ,—ну, и добился. Тутъ! (*Хлопаетъ по карману.*) Ужъ если я возьмусь, отъ меня не уйдешь... Мертвая хватка. А, что? А нынче вѣдь приведутъ моихъ волкодавовъ.

(*Петрищевъ и Василій Леонидычъ одѣваются и уходятъ. Таня идетъ за ними.*)

ЯВЛЕНІЕ 51-е.

Өедоръ Иванычъ *одинъ.*

Өед. Иван. Да, все непріятности. И какъ это они не могутъ въ согласіи жить? Да и правду сказать, молодое поколѣніе—не то. А царство женщинъ? Какъ давеча Леонидъ Өедоровичъ хотѣли было вступиться, да увидали, что она въ экстазѣ, захлопнули дверь. Рѣдкой доброты человѣкъ! Да, рѣдкой доброты... Это чтò? Таня-то ихъ опять ведетъ?

ЯВЛЕНІЕ 52-е.

Өедоръ Иванычъ, Таня и три мужика.

Таня. Идите, идите, дяденьки, ничего.

Өед. Иван. Зачѣмъ же ты ихъ опять привела?

Таня. Да какъ же, Өедоръ Иванычъ, батюшка, надо же какъ-нибудь хлопотать за нихъ. А я ужъ вымою заодно.

Өед. Иван. Да вѣдь не сойдется дѣло, я ужъ вижу.

1-й муж. Какъ же, почтенный, наше дѣло въ дѣйствіе произвесть? Вы, ваше степенство, побезпокойтесь какъ-нибудь, а мы ужъ въ награжденіе хлопотъ отъ міру благодарность представить можемъ вполнѣ.

3-й муж. Постарайся, соколикъ,—жить намъ нельзя. Земля малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. (*Кланяются.*)

Өед. Иван. И жалко мнѣ васъ, да не знаю, братцы. Я вѣдь очень понимаю. Да вѣдь отказалъ онъ. Теперь какъ же? Да и барыня еще не согласна. Едва ли! Ну, да давайте бумагу,—пойду, попытаюсь, попрошу его. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 53-е.

Таня и три мужика (*вздыхаютъ*).

Таня. Да вы мнѣ скажите, дяденьки, въ чемъ дѣло-то стало?

1-й муж. Да вотъ только бы подписомъ приложенія руки.

Таня. Только чтобъ баринъ бумагу подписалъ, да?

1-й муж. Только всего—приложить руку и деньги взять, вотъ бы и развязка.

3-й муж. Написалъ бы только: какъ мужички, скажемъ, желаютъ, такъ, скажемъ, и я желаю. И всего дѣла: взялъ подписалъ—и крышка.

Таня. Только подписать? На бумагѣ только чтобъ баринъ подписалъ? (*Задумывается.*)

1-й муж. Двистительно, только всего и зависитъ дѣло: подписалъ, значитъ, и больше никакихъ.

Таня. Вы погодите, что̀ вотъ Ѳедоръ Иванычъ скажетъ.. Если онъ не уговоритъ, я попытаю одну штуку.

1-й муж. Объегоришь?

Таня. Попытаю.

3-й муж. Ай дѣвушка хлопотать хочетъ? Только выхлопочи ты дѣло, всю жизнь, скажемъ, кормить міромъ обвяжемся. Во какъ!

1-й муж. Кабы въ дѣйствіе произвесть такое дѣло, двистительно, озолотить можно.

2-й муж. Да ужъ что говорить!

Таня. Вѣрно не обѣщаю, какъ это говорится: попытка—не шутка, а...

1-й муж. А спросъ—не бѣда. Это двистительно.

ЯВЛЕНІЕ 54-е.

Тѣ же и Θедоръ Иванычъ.

Θед. Иван. Нѣтъ, братцы, не выходитъ ваше дѣло, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й муж. (*беретъ бумагу, къ Танѣ*). Такъ ужъ на тебя, примѣрно, упѣвать станемъ.

Таня. Сейчасъ, сейчасъ. Вы идите, на улицѣ подождите, а я сію минуту выбѣгу, скажу что̀.

(*Мужики уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 55-е.

Θедоръ Иванычъ и Таня.

Таня. Θедоръ Иванычъ, голубчикъ, доложите барину, чтобъ онъ ко мнѣ вышелъ. Мнѣ ему словечко сказать надо.

Θед. Иван. Это что за новости?

Таня. Да нужно, Θедоръ Иванычъ. Доложите, пожалуйста, худого ничего, ей-богу.

Θед. Иван. Какое такое дѣло?

Таня. Да секретъ маленькій. Я вамъ послѣ открою. Вы доложите только.

Θед. Иван. (*улыбаясь*). И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 56-е.

Таня *одна.*

Таня. Право, сдѣлаю. Вѣдь онъ самъ говорилъ, что сила въ Семенѣ есть, а вѣдь я все знаю, какъ дѣлать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдетъ дѣло — не бѣда. Развѣ грѣхъ какой?

ЯВЛЕНІЕ 57-е.

Таня, Леонидъ Өедоровичъ и *за нимъ* **Өедоръ Иванычъ.**

Леон. Өед. (*улыбаясь*). Вотъ просительница-то! Что это у тебя за дѣло?

Таня. Секретъ маленькій, Леонидъ Өедоровичъ. Позвольте мнѣ одинъ-на-одинъ сказать.

Леон. Өед. Что такъ?.. Өедоръ, выдь на минутку.

ЯВЛЕНІЕ 58-е.

Леонидъ Өедоровичъ и Таня.

Таня. Какъ я жила, выросла въ вашемъ домѣ, Леонидъ Өедоровичъ, и какъ благодарна вамъ за все, я какъ отцу родному откроюсь. Живетъ у васъ Семенъ и хочетъ онъ на мнѣ жениться.

Леон. Өед. Вотъ какъ!

Таня. Открываюсь передъ вами, какъ передъ Богомъ. Посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, какъ сирота я...

Леон. Өед. Что жъ, отчего же! Онъ, кажется, малый хорошій.

Таня. Это точно, оно все бы ничего, только одно я сумлѣваюсь. И спросить хотѣла васъ, что есть за нимъ одно дѣло, а я и понять не могу... какъ бы не худое что

Леон. Өед. Что же, онъ пьетъ?

Таня. Нѣтъ, помилуй Богъ! А какъ я знаю, что спиритичество есть...

Леон. Өед. Знаешь?

Таня. Какъ же-съ! Я очень понимаю. Другіе, точно, по необразованію не понимаютъ этого...

Леон. Ѳед. Ну, такъ что жъ?

Таня. Да вотъ опасаюсь насчетъ Семена. Съ нимъ это бываетъ.

Леон. Ѳед. Чтὸ бываетъ?

Таня. Да вотъ вродѣ какъ спири...тичество. Это у людей спросите. Какъ только онъ задремлетъ у стола, сейчасъ столъ затрясется, весь заскрипитъ такъ: тукъ, ту...тукъ! Всѣ и люди слышали.

Леон. Ѳед. Вотъ какъ разъ то, чтὸ я утромъ Сергѣю Ивановичу говорилъ. Ну?..

Таня. А то... когда это было?.. Да, въ середу. Сѣли обѣдать. Только онъ сѣлъ за столъ, а ложка сама къ нему въ руки—прыгъ!

Леон. Ѳед. А, это интересно! И въ руки прыгъ? Что жъ, онъ задремалъ?

Таня. Вотъ ужъ не примѣтила. Кажется, что задремалъ.

Леон. Ѳед. Ну?..

Таня. Ну, вотъ, я и опасаюсь, и объ этомъ спросить хотѣла, что не будетъ ли отъ этого вреда? Тоже вѣкъ жить, а въ немъ такое дѣло.

Леон. Ѳед. (*улыбаясь*). Нѣтъ, не бойся, тутъ худого ничего нѣтъ. А это значитъ только то, что онъ—*медіумъ*, просто медіумъ. Я и прежде зналъ, что онъ медіумъ.

Таня. Вотъ что... А я-то боялась!

Леон. Ѳед. Нѣтъ, не бойся, ничего. (*Самъ съ собой.*) Вотъ и прекрасно. Капчича не будетъ, мы его нынче и испытаемъ... Нѣтъ, ты, милая, не бойся, онъ и хорошій мужъ будетъ, и все... А это особенная сила, она во всѣхъ есть. Только въ однихъ слабѣй, въ другихъ сильнѣй.

Таня. Покорно васъ благодарю. Я теперь и думать не

буду. А то я боялась... Что значитъ неученье-то наше!

Леон. Ѳед. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся... Ѳедоръ!

ЯВЛЕНІЕ 59-е.

Тѣ же и Ѳедоръ Иванычъ.

Леон. Ѳед. Я пойду со двора. Къ вечеру приготовить все для сеанса.

Ѳед. Иван. Да вѣдь Капчичъ не изволитъ быть.

Леон. Ѳед. Ничего, все равно. (*Надѣваетъ шинель.*) Пробный сеансъ будетъ съ своимъ медіумомъ. (*Уходитъ. Ѳедоръ Иванычъ провожаетъ его.*)

ЯВЛЕНІЕ 60-е.

Таня *одна.*

Таня. Повѣрилъ, повѣрилъ! (*Взвизгиваетъ, прыгаетъ.*) Ей-богу повѣрилъ! Вотъ чудо-то! (*Взвизгиваетъ.*) Теперь сдѣлаю, только бы Семенъ не сробѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ 61-е.

Таня и Ѳедоръ Иванычъ (*возвращается*).

Ѳед. Иван. Ну, что же, сказала свой секретъ?

Таня. Сказала. Да я и вамъ открою, только послѣ... А у меня и къ вамъ, Ѳедоръ Иванычъ, просьба есть.

Ѳед. Иван. Какая же это ко мнѣ-то просьба?

Таня (*стыдливо*). Вы мнѣ какъ второй отецъ были, я вамъ какъ передъ Богомъ откроюсь.

Ѳед. Иван. Да ты не виляй, прямо къ дѣлу.

Таня. Да что дѣло? Дѣло—то, что Семенъ на мнѣ жениться хочетъ.

Өед. Иван. Вотъ какъ! То-то я примѣчаю...

Таня. Да что жъ мнѣ скрываться? Мое дѣло сиротское, а вы сами знаете здѣшнее городское заведеніе: всякій пристаетъ; хоть бы Григорій Михайлычъ... проходу отъ него нѣту. Тоже и этотъ... знаете? Они думаютъ, что у меня души нѣтъ, что я только имъ для забавы далась...

Өед. Иван. Умница, хвалю! Ну, такъ что жъ?

Таня. Да Семенъ писалъ отцу, а онъ, отецъ-то, нынче меня увидалъ, да сейчасъ и говоритъ: избаловался,—про сына-то... Өедоръ Иванычъ! (*Кланяется*) будьте мнѣ за-мѣсто отца, поговорите съ старикомъ, съ Семеновымъ отцомъ. Я бы ихъ въ кухню провела, а вы бы зашли да и поговорили старику.

Өед. Иван. (*улыбаясь*). Это сватомъ я, значитъ, буду? Что жъ, можно.

Таня. Өедоръ Иванычъ, голубчикъ, будьте за-мѣсто отца родного, а я вѣкъ за васъ буду Бога молить.

Өед. Иван. Хорошо, хорошо; пройду ужо. Обѣщаю, такъ сдѣлаю. (*Беретъ газету.*)

Таня. Второй отецъ мнѣ будете.

Өед. Иван. Хорошо, хорошо.

Таня. Такъ я буду въ надеждѣ... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 62-е.

Өедоръ Иванычъ *одинъ.*

Өед. Иван. (*киваетъ головой*). А ласковая дѣвочка, хорошая. А вѣдь сколько ихъ такихъ пропадаетъ, подумаешь!

Только вѣдь промахнись разъ одинъ,—пошла по рукамъ... Потомъ въ грязи ее ужъ не сыщешь. Не хуже какъ Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже мать родила, лелѣяла, выращивала... (*Беретъ газету.*) Ну-ка, что Фердинандъ нашъ, какъ изворачивается?...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ внутренность людской кухни. Мужики, раздѣвшись и запотѣвъ, сидятъ у стола и пьютъ чай. Ѳедоръ Иванычъ съ сигарой на другомъ концѣ сцены. На печкѣ старый поваръ, не видный первыя четыре явленія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Три мужика и Ѳедоръ Иванычъ.

Ѳед. Иван. Мой совѣтъ, ты ему не препятствуй. Если его желаніе есть и ея тоже, такъ и съ Богомъ. Дѣвушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по-городски, нельзя безъ этого. А дѣвушка умная.

2-й муж. Что жъ, коли его охота есть. Ему жить съ ней, а не мнѣ. Только ужъ оченно чиста. Какъ ее въ избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Ѳед. Иван. Это, братецъ ты мой, не отъ чистоты, а отъ характера. Коли добраго характера, такъ будетъ покорна и уважительна.

2-й муж. Да ужъ возьму, коли такъ малый усѣтился, чтобы безпремѣнно ее взять. Тоже съ немилой жить—бѣда! Со старухой посовѣтуюсь, да и съ Богомъ.

Ѳед. Иван. Ну, и по рукамъ.

2-й муж. Да ужъ видно, что такъ.

1-й муж. И какъ тебѣ фортунитъ, Захаръ: пріѣхалъ за совершеніемъ дѣла, а глядь—сноху за сына какую кралю высваталъ. Только бы спрыснуть, значитъ, чтобы хворменно было.

Ѳед. Иван. Этого совсѣмъ не нужно.

(*Неловкое молчаніе.*)

Ѳед. Иван. Я вѣдь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вамъ скажу, самъ подумываю, гдѣ бы землицы купить. Домикъ построилъ бы да крестьянствовалъ. Хоть бы въ вашей сторонѣ.

2-й муж. Разлюбезное дѣло!

1-й муж. Двистительно, при деньгахъ можно въ деревнѣ себѣ всякое удовольствіе получить.

3-й муж. Что и говорить! Деревенское дѣло, скажемъ, во всякомъ разѣ слободно, не то что въ городу.

Ѳед. Иван. Что жъ, примете въ общество, коли у васъ поселюсь?

2-й муж. Отчего же не принять? Вина старикамъ выставишь, сейчасъ примутъ.

1-й муж. Да питейное заведеніе, примѣрно, или трактиръ откроете, житье такое будетъ, что умирать не надо. Царствуй, и больше никакихъ.

Ѳед. Иван. Тамъ видно будетъ. А только хочется на старости лѣтъ спокойно пожить. Жить мнѣ и здѣсь хорошо,—жалко и оставить: Леонидъ Ѳедоровичъ, вѣдь, рѣдкой доброты человѣкъ.

1-й муж. Это двистительно. Да что же онъ наше-то дѣло? Ужели жъ такъ безъ послѣдствій?

Өед. Иван. Онъ-то бы радъ.

2-й муж. Видно, онъ жены боится.

Өед. Иван. Не боится, а тоже согласія нѣтъ.

3-й муж. А ты бы, отецъ, постарался. А то какъ намъ жить? Земля малая...

Өед. Иван. Да вотъ посмотримъ, что̀ выйдетъ отъ Татьяниныхъ хлопотъ. Вѣдь она взялась.

3-й муж. (*пьетъ чай*). Отецъ, помилосердствуй! Земля малая, не токмо скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Өед. Иван. Да кабы въ моихъ рукахъ дѣло было. (*2-му мужику.*) Такъ та́къ, братецъ, сваты мы съ тобой будемъ. Кончено дѣло объ Танѣ-то?

2-й муж. Да ужъ сказалъ коли я, и безъ пропою назадъ не попячусь. Только бы дѣло наше вышло.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, *входитъ* **кухарка,** *заглядываетъ на печку, дѣлаетъ туда знаки и тотчасъ же начинаетъ оживленно говорить съ* **Өедоромъ Иванычемъ.**

Кух. Сейчасъ изъ бѣлой кухни позвали Семена вверхъ; баринъ да энтотъ, что вызываетъ съ нимъ, лысый-то, посадили его да велѣли на мѣсто Капчича дѣйствовать.

Өед. Иван. Что̀ ты врешь!

Кух. Какъ же! сейчасъ Танѣ Яковъ сказывалъ.

Өед. Иван. Чудно̀ это!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и кучеръ.

Өед. Иван. Ты что?

Куч. (*Өедору Иванычу*). Такъ и скажите, что я не нани-

мался съ собаками жить. Пускай другой кто живетъ, а я съ собаками жить не согласенъ.

Ѳед. Иван. Съ какими собаками?

Куч. Да привели отъ Василья Леонидыча трехъ кобелей къ намъ въ кучерскую. Напакостили, воютъ, а приступиться нельзя,—кусаются. Злые черти, того и гляди—сожрутъ! И то хочу полѣномъ ноги имъ перебить.

Ѳед. Иван. Да когда же это?

Куч. Да нынче привели съ выставки, какія-то дорогія, пустопсовыя, что ль, лѣшій ихъ знаетъ! Либо собакамъ въ кучерской, либо кучерамъ жить. Такъ и скажите.

Ѳед. Иван. Да, это непорядокъ. Я пойду спрошу.

Куч. Ихъ бы сюда, что ль, къ Лукерьѣ.

Кух. (*горячо*). Тутъ люди обѣдаютъ, а ты кобелей запереть хочешь. Ужъ и такъ...

Куч. А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашиваютъ. Ну, въ дворницкую, что ль.

Ѳед. Иван. Надо Василью Леонидычу сказать.

Куч. (*сердито*). Повѣсилъ бы себѣ на шею кобелей этихъ, да и ходилъ бы съ ними, а то самъ-то, небось, на лошадяхъ ѣздить любитъ. Красавчика испортилъ ни за что. А лошадь была!.. Эхъ, житье! (*Уходитъ, хлопая дверью.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же, *безъ* кучера.

Ѳед. Иван. Да, непорядки, непорядки! (*Мужикамъ.*) Ну, такъ та́къ-то, пока прощайте, ребята!

Мужики. Съ Богомъ.

(*Ѳедоръ Иванычъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, *безъ* **Ѳедора Иваныча.**

(*Какъ только Ѳедоръ Иванычъ уходитъ, на печкѣ слышно кряхтѣнье.*)

2-й муж. Ужъ и гладокъ же, ровно анаралъ.

Кух. Да чтò и говорить! Горница особая, стирка на него вся отъ господъ, чай, сахаръ—это все господское, и пища со стола.

Стар. поваръ. Какъ чорту не жить,—накралъ!

2-й муж. Это чей же, на печкѣ-то?

Кух. Да такъ, человѣчекъ одинъ. (*Молчаніе.*)

1-й муж. Ну, да и у васъ, посмотрѣлъ я давеча, ужинали, капиталецъ дюже хорошъ.

Кух. Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Бѣлая булка по воскресеньямъ, рыба въ постные дни по праздникамъ, а кто хошь, и скоромное ѣшь.

2-й муж. Развѣ постомъ лопаетъ кто?

Кух. Э, да всѣ почитай! Только и постятся, что кучеръ (не этотъ, что приходилъ, а старый), да Сёма, да я, да икономка, а то всѣ скоромное жрутъ.

2-й муж. Ну, а самъ-то?

Кух. Э, хватился! Да онъ и думать забылъ, какой такой постъ есть.

3-й муж. О, Господи!

1-й муж. Дѣло господское, по книжкамъ дошли. Потому умственность!

3-й муж. Ситникъ-то каждый день, я чай?

Кух. О, ситникъ! Не видали они твоего ситника! Посмотрѣлъ бы пищу у нихъ: чего-чего нѣтъ!

1-й муж. Господская пища, извѣстно, воздушная.

Кух. Воздушная-то воздушная,—ну, да и здóровы жрать!

1-й муж. Въ аппекитѣ, значитъ.

Кух. Потому запиваютъ. Винъ этихъ сладкихъ, водокъ-наливокъ шипучихъ, къ каждому кушанью—свое. Ѣстъ и запиваетъ, ѣстъ и запиваетъ.

1-й муж. Она, значитъ, въ препорцію и проноситъ пищу-то.

Кух. Да ужъ какъ здóровы жрать—бѣда! У нихъ вѣдь нѣтъ того, чтобъ сѣлъ, поѣлъ, перекрестился да всталъ, а безперечь ѣдятъ.

2-й муж. Какъ свиньи, въ корыто съ ногами. (*Мужики смѣются.*)

Кух. Только, Господи благослови, глаза продерутъ, сейчасъ самоваръ, чай, кофій, щиколадъ. Только самовара два отопьютъ, ужъ третій ставь. А тутъ завтракъ, а тутъ обѣдъ, а тутъ опять кофій. Только отвалятся, сейчасъ опять чай. А тутъ закуски пойдутъ: конфеты, жамки—и конца нѣтъ. Въ постели лежа—и то ѣдятъ.

3-й муж. Вотъ такъ тáкъ! (*Хохочетъ.*)

1-й и 2-й муж. Да ты чего?

3-й муж. Хоть бы денёкъ такъ пожить!

2-й муж. Ну, а когда же дѣла дѣлаютъ?

Кух. Какія у нихъ дѣла? Въ карты да въ фортепьяны — только и дѣловъ. Барышня, такъ та, бывало, какъ глаза продерётъ, такъ сейчасъ къ фортепьянамъ, и валяй! А эта, чтò живетъ, учительша, стоитъ, ждетъ, бывало, скоро ли опростаются фортепьяны; какъ отдѣлалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепьянъ поставятъ, да по-двое,

вчетверомъ и запузыриваютъ. Такъ-то запузыриваютъ, ажъ здѣсь слышно.

3-й муж. Охъ, Господи!

Кух. Ну, вотъ только и дѣловъ: въ фортепьяны, а то въ карты. Какъ только съѣхались, сейчасъ карты, вино, закурятъ — и пошло на всю ночь. Только встанутъ—поѣсть опять!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Семенъ.

Сем. Чай да сахаръ!

1-й муж. Милости просимъ, садись.

Сем. (*подходитъ къ столу*). Благодарю покорно.

(*1-й мужикъ наливаетъ ему чай.*)

2-й муж. Гдѣ былъ?

Сем. Вверху былъ.

2-й муж. Что же, какія же тамъ дѣла?

Сем. Да и не поймешь. Не знаю, какъ сказать.

2-й муж. Да что же, дѣло какое?

Сем. Да и не знаю, какъ сказать. Силу какую-то во мнѣ пытали. Да я не пойму. Татьяна говоритъ: дѣлай, мы, говоритъ, нашимъ мужикамъ землю охлопочемъ,—продастъ.

2-й муж. Да какъ же она сдѣлаетъ-то?

Сем. Да не пойму отъ нея, она не сказываетъ. Только, говоритъ, дѣлай, какъ я велю.

2-й муж. Что жъ дѣлать-то?

Сем. Да сейчасъ ничего. Посадили меня, свѣтъ потушили, велѣли спать. А Татьяна тутъ же схоронилась. Они не видятъ, а я вижу.

2-й муж. Что жъ это, къ чему?

Сем. А Богъ ихъ знаетъ,—не поймешь.

1-й муж. Извѣстно, для разгулки времени.

2-й муж. Ну, видно, этихъ дѣловъ не разберемъ мы съ тобой. А вотъ ты сказывай: денегъ ты много забралъ?

Сем. Я не бралъ, все зажито; 28 рублей должно.

2-й муж. Это ладно. Ну, а коли Богъ дастъ, о землѣ сладимся, вѣдь я тебя, Сёмка, домой возьму.

Сем. Съ моимъ удовольствіемъ.

2-й муж. Набáловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Сем. Пахать-то? Давай сейчасъ. Косить, пахать—это все изъ рукъ не вывалится.

1-й муж. А все, примѣрно, послѣ городского жительства не поманится.

Сем. Ничего, и въ деревнѣ жить можно.

1-й муж. А вотъ дядя Митрій на твое мѣсто охотится, на великатную жизнь.

Сем. Ну, дядя Митрій, наскучитъ. Оно, глядѣться, легко, а бѣготни тоже много. Замотаешься.

Кух. Вотъ ты бы, дядя Митрій, посмотрѣлъ балы у нихъ,—вотъ подивился бы!

3-й муж. А что жъ, ѣдятъ все?

Кух. Куды тебѣ! Посмотрѣлъ бы, что̀ было... Меня Өедоръ Иванычъ провелъ. Посмотрѣла я: барыни—страсть! Разряжены-разряжены, что куда тебѣ!.. А по сихъ мѣстъ голыя, и руки голыя.

3-й муж. О, Господи!

2-й муж. Тьфу, скверность!

1-й муж. Значитъ, клеймать такъ позволяетъ?

Кух. Такъ то и я, дяденька, глянула: что жъ это?—всѣ

тѣлешомъ. Вѣришь ли, старыя,—наша барыня, у ней, мотри, внуки,—тоже оголились.

3-й муж. О, Господи!

Кух. Такъ вѣдь что: какъ вдаритъ музыка, какъ взыграли,—сейчасъ это господа подходятъ каждый къ своей, обхвати̂тъ и пошелъ кружить.

2-й муж. И старухи?

Кух. И старухи.

Сем. Нѣтъ, старухи сидятъ.

Кух. Толкуй, я сама видѣла!

Сем. Да нѣтъ же.

Стар. поваръ (*высовываясь, хрипло*). Полька-мазурка это. Э, дура, не знаетъ,—танцуютъ такъ...

Кух. Ну, ты, танцорщикъ, помалкивай, знай. Во, идетъ кто-то.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Григорій.

(*Старый поваръ поспѣшно скрывается.*)

Григ. (*кухаркѣ*). Давай капусты кислой!

Кух. Только съ погреба пришла, опять лѣзть. Кому это?

Григ. Барышнямъ тюрю. Живо! Съ Семеномъ пришли, а мнѣ некогда.

Кух. Вотъ наѣдятся сладкаго такъ, что больше не лѣзетъ, ихъ и потянетъ на капусту.

1-й муж. Для прочистки, значитъ.

Кух. Ну да, опростаютъ мѣсто, опять валяй! (*Беретъ чашку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, ***безъ*** **кухарки.**

Григ. (*мужикамъ*). Вишь расѣлись! Вы смотрите: барыня узнаетъ, она вамъ такую задастъ трепку, не хуже утрешняго. (*Смѣется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Три мужика, Семенъ и старый поваръ (*на печкѣ*).

1-й муж. Двистительно, штурму сдѣлала давеча—бѣда!

2-й муж. Давеча хотѣлъ онъ, видно, вступиться, а потомъ какъ глянулъ, что она крышу съ избы рветъ, захлопнулъ дверь: будь ты, молъ, неладна!

3-й муж. (*махая рукой*). Все одно положеніе. Тоже моя старуха, скажемъ, другой разъ распалится—страсть! Ужъ я изъ избы вонъ иду. Ну ее совсѣмъ! Того гляди, скажемъ, рогачомъ зашибетъ. О, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Яковъ (*вбѣгаетъ съ рецептомъ*).

Яковъ. Сёма, бѣги въ аптеку, живо, возьми порошки вотъ барынѣ!

Сем. Да вѣдь онъ не велѣлъ уходить.

Яковъ. Успѣешь. Твое дѣло еще, поди, послѣ чаю... Чай да сахаръ!

1-й муж. Милости просимъ.

(*Семенъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, *безъ* **Семена.**

Яковъ. Некогда. Да ужъ налейте чашечку для компаніи.

1-й муж. Да вотъ предлегаетъ разговорка, какъ давеча ваша госпожа очень какъ себя гордо повела.

Яковъ. О, эта горячка—страсть! Такъ горяча—сама себя не помнитъ. Другой разъ заплачетъ даже.

1-й муж. А что, примѣрно, я спросить хотѣлъ? Она что-то, давеча, предлегала макро́ту: макро́ту, макро́ту, говоритъ, занесли. Къ чему это приложить, макро́ту эту самую?

Яковъ. О, это макро́вы. Это, они говорятъ, такія козявки есть, отъ нихъ, молъ, и болѣзни всѣ. Такъ вотъ, молъ, что на васъ онѣ. Ужъ они послѣ васъ мыли-мыли, брызгали-брызгали, гдѣ вы стояли. Такая специя есть, отъ ней дохнутъ онѣ, козявки-то.

2-й муж. Такъ гдѣ же онѣ на насъ, козявки-то эти?

Яковъ (*пьетъ чай*). Да онѣ, сказываютъ, такія махонькія, что и въ стекла не видать.

2-й муж. А почемъ она знаетъ, что онѣ на мнѣ? Може, на ней этой пакости больше моего.

Яковъ. А вотъ поди, спроси ихъ!

2-й муж. А я полагаю, пустое это.

Яковъ. Извѣстно, пустое; надо же дохтурамъ выдумывать, а то за что бы имъ деньги платить? Вотъ къ намъ каждый день ѣздитъ. Пріѣхалъ, поговорилъ,—десятку.

2-й муж. Вре?..

Яковъ. А то одинъ есть такой, что сотенную.

1-й муж. Ну? и сотенную?

Яковъ. Сотенную!.. Ты говоришь: сотенную?—по тысячѣ беретъ, коли за городъ ѣхать. Давай, говоритъ, тысячу, а не дашь,—издыхай себѣ!

3-й муж. О, Господи!

2-й муж. Что жъ, онъ слово какое знаетъ?

Яковъ. Должно, что знаетъ. Жилъ я прежде у генерала, подъ Москвой, сердитый былъ такой, гордый—страсть, генералъ-то! Такъ заболѣла у него дочка. Сейчасъ послали за этимъ. Тысячу рублей,—пріѣду... Ну, сговорились, пріѣхалъ. Тамъ что-то не потрафили ему,—такъ, батюшки мои, какъ цыкнетъ на генерала! „А, говоритъ, такъ та́къ-то ты меня уважаешь, та́къ-то? Такъ не стану жъ лѣчить!"—Такъ куда тебѣ! генералъ-то и гордость свою забылъ, всячески улещаетъ. Батюшка! только не бросай!..

1-й муж. А тысячу-то отдали?

Яковъ. А то какъ же?

2-й муж. То-то шальныя деньги-то. Что бъ мужикъ на эти деньги надѣлалъ!

3-й муж. А я думаю, пустое все. Какъ у меня тады нога прѣла,—лѣчилъ-лѣчилъ, скажемъ, рублей пять пролѣчилъ. Бросилъ лѣчить, а она и зажила.

(*Старый поваръ на печкѣ кашляетъ.*)

Яковъ. Опять тутъ сердешный!

1-й муж. Какой такой мущинка будетъ?

Яковъ. Да нашего барина поваръ былъ, къ Лукерьѣ ходитъ.

1-й муж. Кухмистеръ, значитъ. Что жъ, здѣсь проживаетъ?

Яковъ. Нѣ... Здѣсь не велятъ. А гдѣ день, гдѣ ночь. Есть три копейки—въ ночлежномъ домѣ, а пропьетъ все—сюда придетъ.

2-й муж. Какъ же онъ такъ?

Яковъ. Да такъ, ослабъ. А тоже человѣкъ какой былъ, какъ баринъ! При золотыхъ часахъ ходилъ, по сорока рублей въ мѣсяцъ жалованья бралъ. А теперь давно съ голоду бы померъ, кабы не Лукерья.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и кухарка (*съ капустой*).

Яковъ. (*Лукерьѣ*) А я вижу, Павелъ Петровичъ опять тутъ?

Кух. Куда жъ ему дѣться,—замерзнуть, что ли?

3-й муж. Что̀ дѣлаетъ винцо-то! Винцо-то, скажемъ... (*Щелкаетъ языкомъ съ соболѣзнованіемъ.*)

2-й муж. Извѣстно, окрѣпнетъ человѣкъ—крѣпче камня, ослабнетъ—слабѣе воды.

Стар. пов. (*слѣзаетъ съ печи, дрожитъ и ногами и руками*). Лукерья, говорю —дай рюмочку!

Кух. Куда лѣзешь? Я тѣ дамъ такую рюмочку...

Стар. пов. Боишься ты Бога? Умираю. Братцы, пятачокъ...

Кух. Говорю, полѣзай на печь.

Стар. пов. Кухарка! полрюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты?—Христомъ прошу!

Кух. Иди, иди. Чаю вотъ на!

Стар. пов. Что чай? Что чай? Пустое питье, слабое. Винца бы, только глоточекъ... Лукерья!

3-й муж. Ахъ, сердешный, мается какъ!

2-й муж. Да дай ему что ль.

Кух. (*достаетъ въ постичвицѣ и наливаетъ рюмку*). На, вотъ, больше не дамъ.

Стар. пов. (*хватаетъ, пьетъ дрожа*). Лукерья! Кухарка! Я пью, а ты понимай...

Кух. Ну, ну, разговаривай! Лѣзь на печку, и чтобы духа твоего не слышно было!

(*Старый поваръ лѣзетъ покорно и не переставая ворчитъ что-то себѣ подъ носъ.*)

2-й муж. Что значитъ—ослабъ человѣкъ!

1-й муж. Двиствительно, слабость-то человѣческая.

3-й муж. Да что̀ и говорить.

(*Старый поваръ укладывается и все ворчитъ Молчаніе.*)

2-й муж. Ну, что̀ я хотѣлъ спросить: эта вотъ дѣвушка живетъ у васъ съ нашей стороны, Аксиньина-то. Ну что, какъ? Какъ она живетъ,—значитъ, честно ли?

Яковъ. Дѣвушка хорошая, похвалить можно.

Кух. Я тебѣ, дядя, истинно скажу, какъ я здѣшнее заведеніе твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать,—бери скорѣе, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яковъ. Да, это истинно такъ. Вотъ, лѣтось, Наталья, у насъ дѣвушка жила. Хорошая дѣвушка была. Такъ ни за что пропала, не хуже этого... (*Показываетъ на повара.*)

Кух. Потому тутъ нашей сестры пропадаетъ—плотину пруди. Всякому манится на легонькую работу да на сладкую пищу. Анъ, глядь, со сладкой-то пищи сейчасъ и свихнулась. А свихнулась, имъ ужъ такая не нужна. Сейчасъ эту вонъ—свѣженькую на мѣсто. Такъ-то и Наташа сердечная: свихнулась,—сейчасъ прогнали. Родила, заболѣла, весною прошлой въ больницѣ и померла. И какая дѣвушка была!

3-й муж. О, Господи! Народъ слабый, жалѣть надо.

Стар. пов. Какъ же, пожалѣютъ они, черти! (*Спускаетъ съ печи ноги.*) Я у плиты тридцать лѣтъ прожарился. А

вотъ не нуженъ сталъ: издыхай, какъ собака... Какъ же, пожалѣютъ!

1-й муж. Это двистительно, положенія извѣстная.

2-й муж. Пили, ѣли, кудрявчикомъ звали; попили, поѣли— прощай шелудякъ!

3-й муж. О, Господи!

Стар. пов. Понимаешь ты много. Чтò значитъ: сотей а ла бамонъ? Чтò значитъ: бавасари? Чтò я сдѣлать могъ! Мысли, императоръ мою работу кушалъ! А теперь не нуженъ сталъ чертямъ. Да не поддамся я!

Кух. Ну, ну, разговорился. Вотъ я тебя!.. Залѣзай въ уголъ, чтобъ не видать тебя было, а то Ѳедоръ Иванычъ зайдетъ, али еще кто, и выгонятъ меня съ тобой совсѣмъ.

(*Молчаніе.*)

Яковъ. Такъ знаете мою сторону-то, Вознесенское?

2-й муж. Какъ же не знать. Отъ насъ верстъ 17, больше не будетъ, а бродомъ меньше. Ты, что ль, землю-то держишь?

Яковъ. Братъ держитъ, а я посылаю. Я самъ хоть здѣсь, а умираю объ домѣ.

1-й муж. Двистительно.

2-й муж. Анисимъ, значитъ, братъ тебѣ?

Яковъ. Какъ же, братъ рóдный! На томъ концу.

2-й муж. Какъ не знать,—третій дворъ.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и Таня (*вбѣгаетъ*).

Таня. Яковъ Иванычъ! что вы тутъ прохлаждаетесь? Зоветъ!

Яковъ. Сейчасъ. Что тамъ?

Таня. Фифка лаетъ, ѣсть хочетъ; а она ругается на васъ: какой, говоритъ, онъ злой. Жалости, говоритъ, въ немъ нѣтъ. Ей давно обѣдать пора, а онъ не несетъ!.. (*Смѣется.*)

Яковъ (*хочетъ уходить*). О, сердита? Какъ бы чего не вышло.

Кух. (*Якову*). Капусту-то возьмите.

Яковъ. Давай, давай! (*Беретъ капусту и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же, *безъ* **Якова.**

1-й муж. Кому же это обѣдать теперь?

Таня. А собакѣ. Собака эта ея... (*Присаживается и берется за чайникъ*). Чай-то есть ли?.. А то я принесла еще. (*Всыпаетъ.*)

2-й муж. Обѣдать собакѣ?

Таня. Какъ же! Коклетку особенную дѣлаютъ, чтобы не жирная была. Я на нее, на собаку-то, бѣлье стираю.

3-й муж. О, Господи!

Таня. Какъ тотъ баринъ, что собаку схоронилъ.

2-й муж. Это какъ же такъ?

Таня. А такъ, — разсказывалъ одинъ человѣкъ, издохъ у него песъ, у барина-то. Вотъ онъ и поѣхалъ зимой хоронить его. Похоронилъ, ѣдетъ и плачетъ, баринъ-то. А морозъ здоровый, у кучера изъ носу течетъ и онъ утирается... Дайте налью... (*Наливаетъ чай.*) Изъ носу-то течетъ, а онъ все утирается. Увидалъ баринъ: „Что, говоритъ, о чемъ ты плачешь?“ А кучеръ говоритъ: „Какъ же, сударь, не плакать: какая собака была!“ (*Хохочетъ.*)

2-й муж. А самъ, я чай, думаетъ: хоть бы ты и самъ издохъ, я бы плакать не сталъ... (*Хохочетъ.*)

Старый пов. (*съ печки*). Это правильно, вѣрно!

Таня. Хорошо. Пріѣхалъ домой баринъ, сейчасъ къ барынѣ: „Какой, говоритъ, нашъ кучеръ добрый: онъ всю дорогу плакалъ,—такъ ему жаль моего Дружка. Позовите его... На, молъ, выпей водки, а вотъ тебѣ награда — рубль“. Такъ-то и она, что Яковъ собаки ея не жалѣетъ.

(*Мужики хохочутъ.*)

1-й муж. Хворменно!

2-й муж. Вотъ такъ та́къ!

3-й муж. Ай, дѣвушка, насмѣшила!

Таня. (*наливаетъ еще чай*). Кушайте еще!.. То-то, оно такъ кажется, что жизь хорошая, а другой разъ противно всѣ эти гадости за ними убирать, тьфу!.. Въ деревнѣ лучше.

(*Мужики перевертываютъ чашки.*)

Таня (*наливаетъ.*) Кушайте на здоровье, Ефимъ Антонычъ! Я налью, Митрій Власьевичъ!

3-й муж. Ну, налей, налей.

1-й муж. Ну, какъ же, умница, дѣло наше происходитъ?

Таня. Ничего, идетъ. .

1-й муж. Семёнъ сказывалъ...

Таня (*быстро*). Сказывалъ?

2-й муж. Да не понять отъ него.

Таня. Мнѣ сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вотъ она—и бумага ваша! (*Показываетъ бумагу за фартукомъ.*) Только бы одна штука удалась... (*Взвизгиваетъ.*) Ужъ какъ бы хорошо было!

2-й муж. Ты смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня. Будьте покойны. Вѣдь только чтобы подписалъ онъ?

3-й муж. А то чего же еще? Подписалъ, скажемъ, и крышка! (*Перевертываетъ чашку.*) Да будетъ ужъ.

Таня (*сама съ собой*). Подпишетъ, вотъ увидите, подпишетъ... Еще кушайте! (*Наливаетъ.*)

1-й муж. Только охлопочи насчетъ свершенія продажи земли, міромъ и замужъ можемъ отдать. (*Отказывается отъ чая.*)

Таня (*наливаетъ и подаетъ*). Кушайте!

3-й муж. Только сдѣлай: и замужъ отдадимъ, и на свадьбу, скажемъ, плясать приду. Хоть отродясь не плясывалъ, плясать буду.

Таня (*смѣется*). Да ужъ я буду въ надеждѣ. (*Молчаніе.*)

2-й муж. (*оглядывая Таню*). Такъ-то такъ, а не гожаешься ты для мужицкой работы.

Таня. Я-то? Что же, вы думаете, силы нѣту? Вы бы посмотрѣли, какъ я барыню затягиваю. Другой мужикъ такъ не потянетъ.

2-й муж. Да куда жъ ты ее затягиваешь?

Таня. Да такъ на костяхъ исдѣлано, какъ куртка, по сихъ поръ. Ну, на шнуры и стягиваешь, какъ вотъ запрягаютъ, еще въ руки плюютъ.

2-й муж. Засупониваешь, значитъ?

Таня. Да, да, засупониваю. А ногой въ нее вѣдь не упрешься. (*Смѣется.*)

2-й муж. Зачѣмъ же ты ее затягиваешь?

Таня А вотъ затѣмъ.

2-й муж. Что жъ, она обреклась, что ли?

Таня. Нѣтъ, для красоты.

1-й муж. Пузу, значитъ, ей утягиваешь для хвормы.

Таня. Такъ такъ станешь, что у нея глаза вонъ лѣзутъ, а она говоритъ: „еще“. Такъ всѣ руки обожжешь, а вы говорите: силы нѣтъ.

(*Мужики смѣются и качаютъ головами.*)

Таня. Однако я заболталась. (*Убѣгаетъ, смѣясь.*)

3-й муж. Вотъ такъ дѣвушка, насмѣшила!

1-й муж. Да ужъ какъ аккуратна!

2-й муж. Ничего.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Три мужика, кухарка, старый поваръ *на печкѣ. Входятъ* Сахатовъ и Василій Леонидычъ. *У* Сахатова *въ рукахъ ложка чайная.*

Вас. Леон. Не то, чтобы обѣдъ, а déjeuner dinatoir. И прекрасный, я вамъ скажу, былъ завтракъ: поросячьи окорочка—прелесть! Рулье отлично кормитъ. Я вѣдь только сейчасъ пріѣхалъ. (*Увидѣвъ мужиковъ.*) А мужики опять здѣсь?

Сахат. Да, да, это все прекрасно, но мы пришли спрятать предметъ. Такъ куда же спрятать?

Вас. Леон. Виноватъ, я сейчасъ... (*Кухаркѣ*) А собаки гдѣ же?

Кух. Въ кучерской собаки. Развѣ можно въ людскую?

Вас. Леон. А, въ кучерской? Ну, хорошо.

Сахат. Я жду.

Вас. Леон. Виноватъ, виноватъ. А, что, спрятать? Да, Сергѣй Ивановичъ, такъ вотъ что я вамъ скажу: мужику одному изъ этихъ, въ карманъ. Вотъ хоть этому. Ты послушай. А, что? Гдѣ у тебя карманъ?

3-й муж. А на что тебѣ карманъ? Ишь ты, карманъ! У меня въ карманѣ деньги.

Вас. Леон. Ну, гдѣ кошель?

3-й муж. А тебѣ на что?

Кух. Что ты! Молодой баринъ это.

Вас. Леон. (*хохочетъ*). А вы знаете, отчего онъ испугался такъ? Я вамъ сейчасъ скажу: у него денегъ пропасть. А, что?

Сахат. Да, да, понимаю. Ну, такъ вотъ что: вы поговорите съ ними, а я покамѣстъ незамѣтно положу вонъ въ эту сумку—такъ, чтобъ и они не знали, не могли ничѣмъ указать ему. Поговорите съ ними.

Вас. Леон. Сейчасъ, сейчасъ. Ну, такъ какъ же, ребятушки, купите землю-то? А, что?

1-й муж. Мы-то предлегаемъ, какъ всей душой. Да вотъ все не происходитъ въ движеніи дѣлу.

Вас. Леон. А вы не скупитесь. Земля — дѣло важное. Я вамъ говорилъ—мяту. А то можно табакъ еще.

1-й муж. Это двистительно, всякіе продухты можно.

3-й муж. А ты, отецъ, попроси батюшку. А то какъ жить? Земля малая,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Сахат. (*положивъ ложку въ сумку 3-го мужика*). C'est fait. Готово. Пойдемте. (*Уходитъ.*)

Вас. Леон. А вы не скупитесь, а? Ну, прощайте. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Три мужика, кухарка и старый поваръ (*на печкѣ*).

3-й муж. Я говорилъ: на фатеру. Ну, по гривнѣ, скажемъ, отдали бы, по крайности покойно, а тутъ помилуй Богъ. Деньги, говоритъ, давай. Къ чему это?

2-й муж. Должно, выпимши.

(*Мужики переворачиваютъ чашки, встаютъ и крестятся.*)

1-й муж. А ты помни, какъ онъ слово закинулъ, чтобъ мяту сѣять! Тоже понимать надо.

2-й муж. Какъ же, мяту сѣй, вишь. Ты попытайся-ка, горбомъ поворочай,—запроспшь мяты, небось... Ну, благодаримъ покорно!.. А что жъ, умница, гдѣ намъ лечь тутъ?

Кух. Ложитесь—на печку одинъ, а то по лавкамъ.

3-й муж. Спаси Христосъ. (*Молится Богу.*)

1-й муж. Кабы Богъ далъ свершенія дѣла, (*ложится*) завтра послѣ обѣда на машину бы закатились, во вторникъ и дома бы.

2-й муж. Свѣтъ-то тушить будете?

Кух. Гдѣ тушить! Все прибѣгать будутъ: то того, то другого... Да вы ложитесь, я заверну.

2-й муж. На малой землѣ какъ проживешь? Я нынче вѣдь съ Рождества хлѣбъ покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатилъ бы четыре десятинки, Сёмку бы домой взялъ.

1-й муж. Твое дѣло семейное. Безъ нужды землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дѣло.

3-й муж. Царицу Небесную просить надо. Авось смилосердуется.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тишина, вздохи. Потомъ слышны топотъ шаговъ, шумъ голосовъ, двери растворяются настежъ и стремительно вваливаются:

Гросманъ *съ завязанными глазами, держащій за руку* **Сахатова, профессоръ и докторъ, толстая барыня и Леонидъ Ѳедоровичъ, Бетси и Петрищевъ, Василій Леонидычъ и Марья**

Константиновна, барыня и баронесса, Ѳедоръ Иванычъ и Таня. Три мужика, кухарка и старый поваръ (*невидимъ*).

(*Мужики вскакиваютъ. Гросманъ входитъ быстрыми шагами, потомъ останавливается*).

Толст. бар. Вы не заботьтесь: я слѣжу; я взялась слѣдить и строго исполняю свою обязанность. Сергѣй Ивановичъ, вы не ведете?

Сахат. Да нѣтъ же.

Толст. бар. Вы не ведите, но и не противьтесь. (*Леониду Ѳедоровичу*) Я знаю эти опыты. Я сама ихъ дѣлала. Я, бывало, чувствую истеченіе и какъ только почувствую...

Леон. Ѳед. Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толст. бар. Ахъ, я это очень понимаю! Я это на себѣ испытала. Какъ только вниманіе развлеклось, я ужъ не могу...

Леон. Ѳед. Шш...

(*Ходятъ, ищутъ около 1-го и 2-го мужика и подходятъ къ 3-му. Гросманъ спотыкается на скамейку.*)

Барон. Mais dites moi, on le paye?

Барыня. Je ne saurais vous dire.

Барон. Mais c'est un monsieur?

Барыня. Oh! oui.

Барон. Ça tient du miraculeux. N'est-ce pas? Comment est-ce qu'il trouve?

Барыня. Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera. (*Увидавъ мужиковъ, оглядывается и видитъ кухарку.*) Pardon... Это что?

(*Баронесса подходитъ къ группѣ.*)

Барыня (*кухаркѣ*). Кто пустилъ мужиковъ?

Кух. Яковъ привелъ.

Барыня. Якову кто приказалъ?

Кух. Не могу знать. Өедоръ Иванычъ ихъ видѣли.

Барыня. Леонидъ!

(*Леонидъ Өедоровичъ не слышитъ, занятъ отыскиваніемъ и шикаетъ.*)

Барыня. Өедоръ Иванычъ! это что̀ значитъ? Развѣ вы не видали, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мнѣ всю кухню заразили, черный хлѣбъ, квасъ...

Өед. Иван. Я полагалъ, что здѣсь не опасно, а люди по дѣлу. Идти имъ далеко, и изъ своей деревни.

Барыня. Въ томъ-то и дѣло, что изъ курской деревни, гдѣ какъ мухи мрутъ отъ дифтерита. А главное—я приказывала, чтобъ ихъ не было въ домѣ!.. Приказывала я или нѣтъ? (*Подходитъ къ кучкѣ, собравшейся около мужиковъ.*) Осторожнѣй! Не дотрогивайтесь до нихъ,—они всѣ въ дифтеритной заразѣ!

(*Никто ея не слушаетъ; она съ достоинствомъ отходитъ и неподвижно стоитъ дожидаясь.*)

Петрищ. (*сопитъ громко носомъ*). Дифтеритная—не знаю, а нѣкоторая другая зараза въ воздухѣ есть. Вы слышите?

Бетси. Полно врать! Вово̀, въ какой сумкѣ?

Вас. Леон. Въ той, той... Подходитъ, подходитъ!

Петрищ. Что это тутъ: духѝ или ду́хи?

Бетси. Вотъ когда ваши папироски кстати. Курите, курите, ближе ко мнѣ.

(*Петрищевъ нагибается и окуриваетъ.*)

Вас. Леон. Добирается, я вамъ скажу. А, что?

Гросм. (*съ безпокойствомъ шаритъ около 3-го мужика.*) Здѣсь, здѣсь. Я чувствую, что здѣсь.

Толст. бар. Истеченіе чувствуете?

(*Гросманъ нагибается къ сумочкѣ и достаетъ ложку.*)

Всѣ. Браво! (*Общій восторгъ.*)

Вас. Леон. А, такъ вотъ гдѣ наша ложечка нашлась! (*На мужика.*) Такъ ты та́къ-то?

3-й муж. Чего та́къ-то? Не бралъ я твоей ложечки. И что путаетъ? Не бралъ я и не бралъ, и душа моя не знаетъ. А вольно ему! Я видѣлъ, онъ приходилъ не за добромъ. Кошель, говоритъ, давай. А я не бралъ, вотъ-те Христосъ, не бралъ!

(*Молодежь обступаетъ и смѣется.*)

Леон. Ѳед. (*Сердито на сына*). Вѣчно глупости! (*3-му мужику.*) Да не безпокойся, дружокъ! Мы знаемъ, что ты не бралъ; это опытъ былъ.

Гросм. (*снимаетъ повязку и дѣлаетъ видъ, какъ бы очнулся*). Воды, если можно... позвольте. (*Всѣ хлопочутъ около него.*)

Вас. Леон. Пойдемте отсюда въ кучерскую. Я вамъ покажу, какой кобель одинъ тамъ у меня, épâtant! А, что?

Бетси. И какое слово гадкое! Развѣ нельзя сказать: собака?

Вас. Леон. Нельзя. Вѣдь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человѣкъ épâtant? Надо сказать: дѣвица; такъ и это. А, что? Марья Константиновна, правда? Хорошо? (*Хохочетъ.*)

Мар. Конст. Ну, пойдемте.

(*Марья Константиновна, Бетси, Петрищевъ и Василій Леонидычъ уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же, *безъ* **Бетси, Марьи Константиновны, Петрищева и Василья Леонидыча.**

Толст. бар. (*Гросману*). Что? Какъ? Отдохнули? (*Гросманъ не отвѣчаетъ. Къ Сахатову*) Вы, Сергѣй Иванычъ, чувствовали истеченіе?

Сахат. Я ничего не чувствовалъ. Да, прекрасно, прекрасно. Вполнѣ удачно.

Баронесса. Admirable! Ça ne le fait pas souffrir?

Леон. Өедор. Pas le moins du monde.

Проф. (*Гросману*). Позвольте васъ попросить. (*Подаетъ термометръ.*) При началѣ опыта было 37 и 2. (*Доктору*). Такъ, кажется? Да будьте добры, пульсъ провѣрьте. Трата неизбѣжна.

Докт. (*Гросману*). Ну-ка, господинъ, позвольте вашъ пульсъ. Провѣримъ, провѣримъ. (*Вынимаетъ часы и держитъ его за руку.*)

Толст. бар. (*Гросману*). Позвольте. Но вѣдь то состояніе, въ которомъ вы находились, нельзя назвать сномъ?

Гросм. (*устало*). Тотъ же гипнозъ.

Сахат. Стало-быть, надо понимать такъ, что вы сами гипнотизировали себя?

Гросм. А отчего же нѣтъ? Гипнозъ можетъ наступить не только при ассоціаціи, при звукѣ тамтамъ, напримѣръ, какъ у Шаркô, но и при одномъ вступленіи въ гипногенную зону.

Сахат. Это такъ, положимъ, но все-таки желательно точнѣе опредѣлить, что такое гипнозъ.

Проф. Гипнозъ есть явленіе превращенія одной энергіи въ другую.

Госм. Шаркò не такъ опредѣляетъ.

Сахат. Позвольте, позвольте. Таково ваше опредѣленіе, но Либò мнѣ самъ говорилъ...

Докт. (*оставляя пульсъ*). А, хорошо, хорошо, только температуру теперь.

Толст. бар. (*вмѣшиваясь*). Нѣтъ, позвольте! Я согласна съ Алексѣемъ Владиміровичемъ. И вотъ вамъ лучше всѣхъ доказательствъ. Когда я послѣ своей болѣзни лежала безъ чувствъ, то на меня нашла потребность говорить. Я вообще молчалива, но тутъ явилась потребность говорить, говорить, и мнѣ говорили, что я такъ говорила, что всѣ удивлялись. (*Сахатову*) Впрочемъ, я васъ перебила, кажется?

Сахат. (*достойно*). Нисколько. Сдѣлайте одолженіе.

Докт. Пульсъ 82, температура повысилась на 0,3.

Проф. Ну, вотъ вамъ и доказательство! Такъ и должно было быть. (*Вынимаетъ записную книжку и записываетъ.*) 82, такъ? И 37 и 5? Какъ только вызванъ гипнозъ, такъ непремѣнно усиленная дѣятельность сердца.

Докт. Я, какъ врачъ, могу засвидѣтельствовать то, что ваше предсказаніе вполнѣ подтвердилось.

Проф. (*Сахатову*). Такъ вы говорили?..

Сахат. Я хотѣлъ сказать, что Либò мнѣ самъ говорилъ, что гипнозъ есть только особенное психическое состояніе, увеличивающее внушаемость.

Проф. Это такъ, но все-таки, главное, законъ эквивалентности.

Госм. Кромѣ того, Либò—далеко не авторитетъ, а Шар-

кó всесторонне изслѣдовалъ и доказалъ, что гипнозъ, производимый ударомъ, травмою...

Сахат. Да я и не отрицаю трудовъ Шаркó. Я его тоже знаю; я говорю только то, чтó говорилъ мнѣ Либó.

Гросм. (*горячась*). Въ Сальпетріерѣ 3.000 больныхъ, и я прослушалъ полный курсъ.

Проф. Позвольте, господа, не въ этомъ дѣло.

Вмѣстѣ.

Толст. бар. (*вмѣшиваясь*). Я въ двухъ словахъ вамъ объясню. Когда мой мужъ былъ боленъ, то всѣ доктора отказались...

Леон. Ѳед. Пойдемте, однако, въ домъ. Баронесса, пожалуйте!

(*Всѣ уходятъ, говоря вмѣстѣ и перебивая другъ друга.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Три мужика, кухарка, Ѳедоръ Иванычъ, Таня, старый поваръ (*на печкѣ*), Леонидъ Ѳедоровичъ и барыня.

Барыня (*останавливаетъ за рукавъ Леонида Ѳедоровича*). Сколько разъ я васъ просила не распоряжаться въ домѣ! Вы знаете только свои глупости, а домъ на мнѣ. Вы заразите всѣхъ.

Леон. Ѳед. Да кто? Что? Ничего не понимаю.

Барыня. Кáкъ, люди больные въ дифтеритѣ ночуютъ въ кухнѣ, гдѣ постоянное сношеніе съ домомъ?!

Леон. Ѳед. Да я...

Барыня. Чтó я?

Леон. Ѳед. Да я ничего не знаю.

Барыня. Надо знать, коли вы отецъ семейства. Нельзя этого дѣлать.

Леон. Өед. Да я не думалъ... Я думалъ...

Барыня. Слушать васъ противно!

(*Леонидъ Өедоровичъ молчитъ.*)

Барыня (*Өедору Иванычу*). Сейчасъ вонъ! Чтобъ ихъ не было въ моей кухнѣ! Это ужасно. Никто не слушаетъ, все назло... Я оттуда ихъ прогоню, — они ихъ сюда пустятъ. (*Все больше и больше волнуется и доходитъ до слезъ.*) Все назло! Все назло! И съ моей болью... Докторъ, докторъ! Петръ Петровичъ!.. И онъ ушелъ!

(*Всхлипываетъ и уходитъ, за ней Леонидъ Өедоровичъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Три мужика, Таня, Өедоръ Иванычъ, кухарка и старый поваръ (*на печкѣ*).

(*Картина. Всѣ стоятъ долго молча.*)

3-й муж. Ну ихъ къ Богу совсѣмъ! Тутъ того гляди въ полицію попадешь. А я въ жизнь не судился. Пойдемъ на фатеру, ребята!

Өед. Иван. (*Танѣ*). Какъ же быть-то?

Таня. Да ничего, Өедоръ Иванычъ. Въ кучерскую ихъ.

Өед. Иван. Да какъ же въ кучерскую? И такъ кучеръ жаловался, тамъ полно собакъ.

Таня. Ну, такъ въ дворницкую.

Өед. Иван. А какъ узнаютъ?

Таня. Ничего не узнаютъ. Ужъ будьте покойны, Өедоръ Иванычъ. Развѣ можно ихъ ночью гнать? Они и не найдутъ теперь.

Өед. Иван. Ну, дѣлай, какъ знаешь, только бы тутъ ихъ не было. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Три мужика, Таня, кухарка и старый поваръ.

(*Мужики собираютъ сумки.*)

Стар. пов. Вишь, черти проклятые! Съ жиру-то! Черти!..

Кух. Молчи ужъ ты-то. Спасибо не увидали.

Таня. Такъ пойдемте, дяденьки, въ дворницкую.

1-й муж. Ну, а что же дѣло-то наше? Какъ же, примѣрно, насчетъ подписки, руки приложенія? Что жъ, въ надеждѣ намъ быть?

Таня. Вотъ черезъ часъ все узнаемъ.

2-й муж. Исхитришься?

Таня (*смѣется*). Какъ Богъ дастъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Дѣйствіе происходитъ, вечеромъ того же дня, въ маленькой гостиной, гдѣ всегда производятся у Леонида Ѳедоровича опыты.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ и профессоръ.

Леон. Ѳед. Такъ какъ же, рискнуть сеансъ съ нашимъ новымъ медіумомъ?

Проф. Непремѣнно. Медіумъ несомнѣнно сильный. Главное же желательно, чтобъ медіумическій сеансъ у насъ былъ нынче же и съ тѣмъ же персоналомъ. Гросманъ непремѣнно долженъ отозваться на вліяніе медіумической энергіи, и

тогда связь и единство явленій будутъ еще очевиднѣе. Вы увидите, что если медіумъ будетъ такъ же силенъ, какъ сейчасъ, то Гросманъ будетъ вибрировать.

Леон. Ѳед. Такъ я, знаете, пошлю за Семёномъ и приглашу желающихъ.

Проф. Да, да, я только сдѣлаю себѣ нѣкоторыя замѣтки. (*Вынимаетъ записную книжку и записываетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Сахатовъ.

Сахат. Тамъ у Анны Павловны сѣли въ винтъ, а я, какъ остающійся за штатомъ... да, кромѣ того, интересующійся сеансомъ, вотъ и являюсь къ вамъ... Что жъ, будетъ сеансъ?

Леон. Ѳед. Будетъ, непремѣнно будетъ!

Сахат. Какъ же, и безъ медіумической силы г-на Капчича?

Леон. Ѳед Vous avez la main heureuse. Представьте себѣ, тотъ самый мужикъ, о которомъ я вамъ говорилъ, оказался несомнѣнный медіумъ.

Сахат. Вотъ какъ! О, да это особенно интересно!

Леон. Ѳед. Да, да. Мы послѣ обѣда сдѣлали съ нимъ маленькій предварительный опытъ.

Сахат. Успѣли сдѣлать и убѣдиться?..

Леон. Ѳед. Вполнѣ, и оказался замѣчательной силы медіумъ.

Сахат. (*недовѣрчиво*). Вотъ какъ!

Леон. Ѳед. Оказывается, что въ людской давно ужъ замѣчали. Онъ сядетъ къ чашкѣ, ложка сама вскакиваетъ ему въ руку. (*Профессору*) Вы слышали?

Проф. Нѣтъ, этого собственно я не слыхалъ.

Сахат. (*профессору*). Но все-таки и вы допускаете возможность такихъ явленій?

Проф. Какихъ явленій?

Сахат. Ну, вообще, спиритическихъ, медіумическихъ, вообще сверхъестественныхъ явленій.

Проф. Дѣло въ томъ, что̀ мы называемъ сверхъестественнымъ? Когда не живой человѣкъ, а кусокъ камня притянулъ къ себѣ гвоздь, то какимъ показалось это явленіе для наблюдателей: естественнымъ или сверхъестественнымъ?

Сахат. Да, конечно; но только такія явленія, какъ притяженіе магнита, постоянно повторяются.

Проф. То же самое и здѣсь. Явленіе повторяется, и мы его подвергаемъ изслѣдованію. Мало того, мы подводимъ изслѣдуемыя явленія подъ общіе другимъ явленіямъ законы. Явленія вѣдь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явленій приписываются самому медіуму. Но вѣдь это невѣрно. Явленія производимы не медіумомъ, но духовной энергіей черезъ медіума, а это разница большая. Все дѣло—въ законѣ эквиваленности.

Сахат. Да, конечно, но...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Таня (*входитъ и становится за портьеру*).

Леон. Θед. Одно только знайте, что какъ съ Юмомъ и съ Капчичемъ, такъ и теперь съ этимъ медіумомъ впередъ ни на что разсчитывать нельзя. Можетъ быть неудача, а можетъ быть и полная матеріализація.

Сахат. Даже и матеріализація? Какая же можетъ быть матеріализація?

Леон. Ѳед. А такая, что придетъ умершій человѣкъ: отецъ вашъ, дѣдъ, возьметъ васъ за руку, дастъ вамъ что-нибудь; или кто-нибудь вдругъ подымется на воздухъ, какъ прошлый разъ у насъ съ Алексѣемъ Владиміровичемъ.

Проф. Конечно, конечно. Но главное дѣло—въ объясненіи явленій и подведеніи ихъ подъ общіе законы.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и толстая барыня.

Толст. бар. Анна Павловна мнѣ позволила пройти къ вамъ.

Леон. Ѳед. Милости просимъ!

Толст. бар. Но какъ, однако, Гросманъ усталъ! Онъ не могъ чашки держать. Вы замѣтили, какъ онъ поблѣднѣлъ... (*профессору*) въ ту минуту, какъ приблизился? Я сейчасъ же замѣтила, я первая сказала Аннѣ Павловнѣ.

Проф. Несомнѣнно, трата жизненной энергіи.

Толст. бар. Вотъ и я говорю, что этимъ злоупотреблять нельзя. Какъ же, гипнотизаторъ внушилъ одной моей знакомой, Вѣрочкѣ Коншиной,—да вы ее знаете, — чтобъ она перестала курить, а у ней спина заболѣла.

Проф. (*хочетъ начать говорить*). Измѣреніе температуры и пульсъ очевидно показываютъ...

Толст. бар. Я сію минуту, позвольте, я ей и говорю: ужъ лучше курить, но не страдать такъ нервами. Разумѣется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но что хотите, не могу. Я разъ двѣ недѣли не курила, а потомъ не выдержала.

Проф. (*опять дѣлаетъ попытку говорить*). Показываютъ несомнѣнно...

Толст. бар. Да нѣтъ, позвольте! Я въ двухъ словахъ. Вы говорите, что трата силъ? И я хотѣла сказать, что когда я ѣздила на почтовыхъ... Дороги тогда были ужасныя, вы этого не помните, а я замѣчала, и, какъ хотите, наша нервность вся отъ желѣзныхъ дорогъ. Я, напримѣръ, въ дорогѣ спать не могу,—хоть убейте, а не засну.

Проф. (*опять начинаетъ, но толстая барыня не даетъ ему говорить*). Трата силъ...

Сахат. (*улыбаясь*). Да, да.

(*Леонидъ Өедоровичъ звонитъ.*)

Толст. бар. Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а все-таки не засну.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Григорій.

Леон. Өед. Скажите, пожалуйста, Өедору приготовить все для сеанса и позовите Семёна сюда, — буфетнаго мужика Семёна, слышите?

Григ. Слушаю-съ (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Леонидъ Өедоровичъ, профессоръ, толстая барыня и Таня (*спрятавшись*).

Проф. (*Сахатову*). Измѣреніе температуры и пульсъ показали трату жизненной энергіи. То же будетъ и при медіумическихъ проявленіяхъ. Законъ сохраненія энергіи...

Толст. бар. Да, да. Я только еще хотѣла сказать, что я

очень рада, что простой мужикъ оказался медіумъ. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леон. Ѳед. Пойдемте пока въ гостиную.

Толст. бар. Позвольте, я въ двухъ словахъ... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу, что ни въ чемъ не надо преувеличивать. Золотая середина, знаете... А то какъ же утверждать, что въ народѣ все хорошо, когда я сама видѣла...

Леон. Ѳед. Не угодно ли въ гостиную?

Толст. бар. Вотъ такой мальчикъ и ужъ пьетъ. Я его сейчасъ же разбранила. И онъ благодаренъ билъ потомъ. Они— дѣти, а дѣтямъ, я всегда говорила, нужна и любовь и строгость.

(*Всѣ уходятъ, разговаривая*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Таня (*одна, входитъ изъ-за двери*).

Таня. Ахъ, удалось бы только! (*Завязываетъ нитки.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Таня и Бетси (*входитъ поспѣшно*).

Бетси. Папà нѣтъ тутъ? (*Вглядываясь въ Таню*) Ты что тутъ?

Таня. А я такъ, Лизавета Леонидовна, взошла, хотѣла... только взошла... (*Смущается.*)

Бетси. Да вѣдь тутъ сеансъ сейчасъ будетъ? (*Замѣчаетъ, что Таня собираетъ нитки, пристально смотритъ на нее и вдругъ заливается смѣхомъ.*) Таня! это вѣдь ты все дѣлаешь? Да ужъ не отпирайся. И тотъ разъ ты? Вѣдь ты, ты?

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка!

Бетси (*въ восторгѣ*). Ахъ, какъ это хорошо! Вотъ не ожидала! Зачѣмъ же ты это дѣлала?

Таня. Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси. Да нѣтъ, ни за что. Я ужасно рада! Да какъ же ты дѣлаешь?

Таня. Да такъ и дѣлаю: спрячусь, а потомъ, какъ потушатъ, вылѣзу и дѣлаю.

Бетси (*показывая на нитку*). А это зачѣмъ? Да, не говори, понимаю: задѣваешь...

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вамъ откроюсь! Прежде я такъ шалила, а теперь дѣло хочу сдѣлать.

Бетси. Какъ? Что̀? Какое дѣло?

Таня. Да вотъ, видѣли, мужики пришли, хотятъ землю купить, а папаша не продаютъ и бумагу не подписали и имъ назадъ отдали. Өедоръ Иванычъ говоритъ: ду̀хи ему запретили. Вотъ я и вздумала.

Бетси. Ахъ, какая же ты умница! Дѣлай, дѣлай... Да какъ же ты будешь дѣлать?

Таня. Да я такъ придумала: какъ они свѣтъ потушатъ, сейчасъ я начну стучать, швырять, ниткой имъ по головамъ, а подъ конецъ бумагу объ землѣ,—она у меня,—и брошу на столъ.

Бетси. Ну, и что жъ?

Таня. А какъ же? Они удивятся. Бумага была у мужиковъ и вдругъ здѣсь. А тутъ же велю...

Бетси. Да, вѣдь Семёнъ нынче медіумъ!

Таня. Такъ я ему велю... (*Не можетъ говорить отъ смѣха*) велю давить руками, кто подъ рукой будетъ. Только не

папашу,—это онъ не посмѣетъ,—и пусть делаетъ кого другихъ, пока подвинутъ.

Бетси (*смѣется*). Да вѣдь такъ не дѣлаютъ. Медіумъ самъ ничего не дѣлаетъ.

Таня. Да ничего, это все одно,—авось и такъ выйдетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Таня и Ѳедоръ Иванычъ.

(*Бетси дѣлаетъ знаки Танѣ и уходитъ.*)

Ѳед. Иван. (*Танѣ*). Ты что тутъ?

Таня. Да я къ вамъ. Ѳедоръ Иванычъ, батюшка!..

Ѳед. Иван. Чего же ты?

Таня. Да объ дѣлѣ моемъ къ вамъ, что̀ я просила.

Ѳед. Иван. (*смѣясь*). Сосваталъ, сосваталъ, и по рукамъ ударили, только не пили.

Таня (*взвизгиваетъ*). Неужто за-правду?

Ѳед. Иван. Да ужъ я тебѣ говорю. Онъ говоритъ: съ старухой посовѣтуюсь, да и съ Богомъ.

Таня. Такъ и сказалъ?.. (*Взвизгивая*) Ахъ, голубчикъ, Ѳедоръ Иванычъ, вѣкъ за васъ буду Бога молить!

Ѳед. Иван. Ну, ладно, ладно! Теперь некогда. Велѣно убирать для сеанса.

Таня. Дайте я вамъ подсоблю. Какъ же убирать?

Ѳед. Иван. Да какъ?—Да вотъ: столъ посреди комнаты, стулья, гитару, гармонію. Лампу не надо—свѣчи.

Таня (*устанавливаетъ все съ Ѳедоромъ Иванычемъ*). Такъ, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... (*Ставитъ.*) Такъ?

Ѳед. Иван. Да неужели въ самомъ дѣлѣ Семёна посадятъ?

Таня. Должно быть. Вѣдь ужъ сажали.

Ѳед. Иван. Удивленіе! (*Надѣваетъ pince-nez.*) Да чистъ ли онъ?

Таня. Почемъ я знаю.

Ѳед. Иван. Такъ ты вотъ что...

Таня. Что, Ѳедоръ Иванычъ?

Ѳед. Иван. Поди ты, возьми щеточку ногтяную и мыла Тридасъ, — хоть у меня возьми, — и всѣ ты ему остриги когти и вымой чисто-начисто.

Таня. Онъ и самъ вымоетъ.

Ѳед. Иван. Ну, такъ скажи только. Да бѣлье вели надѣть чистое.

Таня. Хорошо, Ѳедоръ Иванычъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Ѳедоръ Иванычъ (*одинъ, садится въ кресло*).

Ѳед. Иван. Учены, учены, хоть бы Алексѣй Владиміровичъ, профессоръ онъ, а все другой разъ сильно сомнѣніе беретъ. Народныя суевѣрія, грубыя, истребляются, суевѣрія домовыхъ, колдуновъ, вѣдьмъ... А вѣдь если вникнуть, вѣдь это такое же суевѣріе. Ну, развѣ возможно это, чтобы души умершихъ и говорили бы, и на гитарѣ играли бы? А дурачитъ ихъ кто-нибудь, или сами себя. А ужъ это съ Семёномъ и не поймешь что̀. (*Разсматриваетъ альбомъ.*) Вѣдь вотъ ихъ альбомъ спиритическій. Ну, возможное ли это дѣло, чтобы фотографію съ духа снять? А вотъ изображеніе—турокъ и Леонидъ Ѳедоровичъ сидятъ... Удивительна слабость человѣческая!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ѳедоръ Иванычъ и Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леон. Ѳед. (*входя*). Что, готово?

Ѳед. Иван. (*встаетъ не торопясь*). Готово. (*Улыбаясь.*) Только не знаю, какъ бы вашъ новый медіумъ не скомпрометировалъ васъ, Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леон. Ѳед. Нѣтъ, мы его испытывали съ Алексѣемъ Владиміровичемъ. Удивительно сильный медіумъ!

Ѳед. Иван. Ужъ это не знаю. Только чистъ ли онъ? Вы вотъ не позаботились руки ему велѣть вымыть. А то все-таки неудобно.

Леон. Ѳед. Руки? Ахъ, да! Нечисты, ты думаешь?

Ѳед. Иван. Да какъ же, мужикъ. А тутъ дамы, и Марья Васильевна.

Леон. Ѳед. Ну, и прекрасно.

Ѳед. Иван. Да еще я хотѣлъ вамъ доложить: Тимоѳей, кучеръ, приходилъ жаловаться, что нельзя ему чистоту соблюсти отъ собакъ.

Леон. Ѳед. (*устанавливая предметы на столъ, разсѣянно*). Какихъ собакъ?

Ѳед. Иван. Да Василью Леонидычу нынче борзыхъ привели тройку, въ кучерскую помѣстили.

Леон. Ѳед. (*досадливо*). Скажи Аннѣ Павловнѣ, какъ она хочетъ, а мнѣ и некогда.

Ѳед. Иван. Да вѣдь вы знаете ихъ пристрастіе...

Леон. Ѳед. Ну, какъ хочетъ она, такъ и дѣлаетъ. А отъ него кромѣ непріятностей... да и некогда.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Семенъ (*въ поддевкѣ, входитъ, улыбается*).

Сем. Приказали придти?

Леон. Ѳед. Да, да. Покажи руки. Ну, и прекрасно, прекрасно! Такъ вотъ, дружокъ, ты такъ же дѣлай, какъ давеча, садись и отдавайся чувству. А самъ ничего не думай.

Сем. Чего жъ думать? Что думать, то хуже.

Леон. Ѳед. Вотъ, вотъ, вотъ! Чѣмъ менѣе сознательно, тѣмъ сильнѣе. Не думай, а отдавайся настроенію: хочется спать—спи, хочется ходить—ходи; понимаешь?

Сем. Какъ не понять! Хитрости тутъ нисколько.

Леон. Ѳед. И главное—не смущайся. А то ты самъ можешь удивиться. Ты пойми, что какъ мы живемъ, такъ невидимый міръ духовъ тутъ же живетъ.

Ѳед. Иван. (*поправляя*). Незримыя чувства, понимаешь?

Сем. (*смѣется*). Какъ не понять! Какъ вы сказывали такъ это очень просто.

Леон. Ѳед. Можешь подняться на воздухъ, или еще что-нибудь, ты не робѣй.

Сем. Чего жъ робѣть? Это все можно.

Леон. Ѳед. Ну, такъ я пойду, позову всѣхъ... Все готово?

Ѳед. Иван. Кажется, все.

Леон. Ѳед. А грифельныя доски?

Ѳед. Иван. Внизу, сейчасъ принесу. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Леонидъ Өедоровичъ и Семенъ.

Леон. Өед. Ну, такъ хорошо. Такъ ты не смущайся и будь свободнѣе.

Сем. Нешто поддевку снять?—оно свободнѣе будетъ.

Леон. Өед. Поддевку?—Нѣтъ, нѣтъ, не надо. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Семенъ *одинъ.*

Сем. Опять то же велѣла дѣлать, а она опять будетъ свое швырять. И какъ она не боится?

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Семенъ и Таня (*входитъ безъ ботинокъ, въ платьѣ цвѣта обой. Семенъ хохочетъ*).

Таня (*шикаетъ*). Шш!.. Услышатъ! Вотъ на пальцы спички наклей, какъ давеча. (*Наклеиваетъ.*) Что же, все помнишь?

Сем. (*загибая пальцы*). Перво-наперво спички намочить. Махать—разъ. Другое дѣло—зубами трещать, вотъ такъ...—два. Вотъ третье забылъ.

Таня. А третье-то пуще всего. Ты помни: какъ бумага на столъ падетъ,—я еще въ колокольчикъ позвоню,—такъ ты сейчасъ же руками вотъ такъ... Разведи шире и захватывай. Кто возлѣ сидитъ, того и захватывай. А какъ захватишь, такъ жми. (*Хохочетъ*). Баринъ ли, барыня ли, знай—жми, все жми, да не выпускай, какъ будто во снѣ,

а зубами скрипи, али рычи, вотъ такъ... (*Рычитъ.*) А какъ я на гитарѣ заиграю, такъ какъ будто просыпайся, потянись, знаешь, такъ, и проснись... Все помнишь?

Сем. Все помню, только смѣшно больно.

Таня А ты не смѣйся. А засмѣешься—это еще не бѣда. Они подумаютъ, что во снѣ. Одно только —взаправду не засни, какъ они свѣтъ-то потушатъ.

Сем. Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня. Такъ ты смотри, Сёмочка, голубчикъ. Только дѣлай все, не робѣй. Подпишетъ бумагу, вотъ увидишь. Идутъ!.. (*Лѣзетъ подъ диванъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Семенъ и Таня. *Входятъ:* **Гроссманъ, профессоръ, Леонидъ Ѳедоровичъ, толстая барыня, докторъ, Сахатовъ и барыня. Семенъ** *стоитъ у двери.*

Леон. Ѳед. Милости просимъ, всѣ невѣрующіе! Несмотря на то, что медіумъ новый, случайный, я нынче жду очень знаменательныхъ проявленій.

Сахат. Очень, очень интересно!

Толст. бар. (*на Семена*). Mais il est tres bien.

Барыня. Какъ буфетный мужикъ—да, но только...

Сахат. Жены всегда не вѣрятъ въ дѣло своихъ мужей. Вы совсѣмъ не допускаете?

Барыня. Разумѣется, нѣтъ. Въ Капчичѣ, правда, есть что-то особенное, но ужъ это Богъ знаетъ чтò такое.

Толст. бар. Нѣтъ, позвольте, Анна Павловна, это нельзя такъ рѣшать. Когда я еще была не замужемъ, видѣла одинъ замѣчательный сонъ. Сны, знаете, бываютъ такіе, что вы

не знаете, когда начинается, когда кончается; такъ я видѣла именно такой сонъ...

ЯВЛЕНIЕ 17-е.

Тѣ же, Василій Леонидычъ и Петрищевъ (*входятъ*).

Толст. бар. И мнѣ многое было открыто этимъ сномъ. Нынче ужъ эти молодые люди... (*Указываетъ на Петрищева и на Василья Леонидыча*) все отрицаютъ.

Вас. Леон. А я никогда, я вамъ скажу, ничего не отрицаю. А, что?

ЯВЛЕНIЕ 18-е.

Тѣ же. *Входятъ* **Бетси и Марья Константиновна** *и вступаютъ въ разговоръ съ Петрищевымъ.*

Толст. бар. А какъ же можно отрицать сверхъестественное? Говорятъ: не согласно съ разумомъ. Да разумъ-то можетъ быть глупый, тогда что? Вѣдь вотъ на Садовой,—вы слышали?—каждый вечеръ являлось. Братъ моего мужа,—какъ это называется?.. не beau-frère, а по-русски,—не свекоръ, а еще какъ-то... я никогда не могу запомнить этихъ русскихъ названій,—такъ онъ ѣздилъ три ночи сряду и все-таки ничего не видалъ, такъ я и говорю...

Леон. Ѳед. Такъ кто же да кто остается?

Толст. бар. Я, я!

Сахат Я!

Барыня (*доктору*). Неужели вы остаетесь?

Докт. Да, надо хоть разъ посмотрѣть, что̀ тутъ Алексѣй Владиміровичъ находитъ. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня. Такъ рѣшительно принять нынче вечеромъ?

Докт. Кого принять?.. Ахъ, да, порошокъ. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня. Да, пожалуйста. (*Громко*) Когда кончите, messieurs et mesdames, милости просимъ ко мнѣ отдохнуть отъ эмоцій, да и винтъ докончимъ.

Толст. бар. Непремѣнно.

Сахат. Да, да! (*Барыня уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же, *безъ* барыни.

Бетси (*Петрищеву*). Я вамъ говорю, оставайтесь. Я вамъ обѣщаю необыкновенныя вещи. Хотите пари?

Мар. Конст. Да развѣ вы вѣрите?

Бетси. Нынче вѣрю.

Мар. Конст. (*Петрищеву*). А вы вѣрите?

Петрищ. „Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ". Ну да, если Елизавета Леонидовна велитъ...

Вас. Леон. Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое èpâtant придумаю.

Мар. Конст. Нѣтъ, вы не смѣшите. Я вѣдь не могу удержаться.

Вас. Леон. (*громко*). Я остаюсь!

Леон. Өед. (*строго*). Прошу только тѣхъ, кто остается, не дѣлать изъ этого шутки. Это дѣло серьезное.

Петрищ. Слышишь? Ну, такъ останемся. Вово̀, садись сюда, да смотри не робѣй.

Бетси. Да, вы смѣетесь, а вотъ увидите, что̀ будетъ.

Вас. Леон. А, что, какъ въ самомъ дѣлѣ?.. Вотъ штука-то будетъ! А, что?

Петрищ. (*дрожитъ*). Ой, боюсь, боюсь! Марья Константиновна, боюсь!.. Ножки дрожатъ.

Бетси (*смѣется*). Тише!

(*Всѣ садятся.*)

Леон. Ѳед. Садитесь, садитесь. Садись, Семенъ!

Сем. Слушаю-съ. (*Садится на край стула.*)

Леон. Ѳед. Садись хорошенько!

Проф. Садитесь правильно, на середину стула, совершенно свободно. (*Усаживаетъ Семена.*)

(*Бетси, Марья Константиновна и Василій Леонидычъ хохочутъ.*)

Леон. Ѳед. (*возвышая голосъ*). Прошу тѣхъ, кто остается, не шалить и относиться къ дѣлу серьезно. Могутъ быть дурныя послѣдствія. Вово, слышишь? Если не будешь сидѣть смирно, уйди.

Вас. Леон. Смирно! (*Прячется за спину толстой барыни.*)

Леон. Ѳед. Алексѣй Владиміровичъ, вы усыпите.

Проф. Нѣтъ, зачѣмъ же я, когда Антонъ Борисовичъ тутъ? У него гораздо больше и практики въ этомъ отношеніи, и силы... Антонъ Борисовичъ!

Гросм. Господа, я собственно не спиритъ. Я только изучалъ гипнозъ. Гипнозъ я изучалъ, правда, во всѣхъ его извѣстныхъ проявленіяхъ. Но то, что называется спиритизмомъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Отъ усыпленія субъекта я могу ожидать извѣстныхъ мнѣ явленій гипноза: летаргіи, абуліи, анэстезіи, аналгезіи, каталепсіи и всякаго рода внушеній. Здѣсь же предполагаются къ изслѣдованію не эти, а другія явленія, и потому желательно бы было знать, какого

рода эти ожидаемыя явленія и какое они имѣютъ научное значеніе.

Сахат. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію г-на Гросмана. Такое разъясненіе было бы очень интересно.

Леон. Ѳед. (*профессору*). Я думаю, Алексѣй Владиміровичъ, вы не откажетесь объяснить вкратцѣ.

Проф. Отчего жъ, я могу объяснить, если этого желаютъ. (*Доктору*) А вы, пожалуйста, измѣрьте температуру и пульсъ. Объясненіе мое будетъ, неизбѣжно, поверхностно и кратко.

Леон. Ѳед. Да, вкратцѣ, вкратцѣ...

Докт. Сейчасъ. (*Вынимаетъ термометръ и подаетъ*) Ну-ка, молодецъ!.. (*Устанавливаетъ.*)

Сем. Слушаю-съ.

Проф. (*вставая и обращаясь къ толстой барынѣ, а по томъ садясь*). Господа! явленіе, которое мы изслѣдуемъ, представляется обыкновенно съ одной стороны какъ нѣчто новое, съ другой стороны какъ нѣчто выходящее изъ ряда естественныхъ условій. Ни то, ни другое не справедливо. Явленіе это не ново, а старо какъ міръ, и не сверхъестественно, а подлежитъ все тѣмъ же вѣчнымъ законамъ, которымъ подлежитъ и все существующее. Явленіе это опредѣлялось обыкновенно какъ общеніе съ міромъ духовнымъ. Опредѣленіе это не точно. По опредѣленію этому, міръ духовный противополагается міру матеріальному, но это несправедливо: противоположенія этого нѣтъ. Оба міра такъ тѣсно соприкасаются, что нѣтъ никакой возможности провести демаркаціонную линію, отдѣляющую одинъ міръ отъ другого. Мы говоримъ: матерія слагается изъ молекулъ...

Петрищ. Скучная матерія! (*Шопотъ, хохотъ.*)

Проф. (*остановившись и потомъ продолжая*). Молекулы— изъ атомовъ, но атомы, не имѣя протяженія, суть въ сущности не чтò иное какъ точки приложенія силъ. То-есть, строго говоря, не силъ, а энергіи,—той самой энергіи, которая также едина и не уничтожима, какъ и матерія. Но какъ матерія одна, а виды ея различны, такъ точно и энергія. До послѣдняго времени намъ были извѣстны только четыре, превращающіеся одинъ въ другой, вида энергіи. Намъ извѣстны энергіи: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергіи далеко не исчерпываютъ всего разнообразія ея проявленій. Виды проявленія энергіи многообразны, и одинъ изъ такихъ новыхъ, мало-извѣстныхъ видовъ энергіи и изслѣдуется нами. Я говорю объ энергіи медіумизма.

(*Опять шопотъ и хохотъ въ углу молодежи.*)

Проф. (*останавливается и, строго оглянувшись, продолжаетъ*). Медіумическая энергія извѣстна человѣчеству давнымъ-давно: предсказанія, предчувствія, видѣнія и многія другія—все это не чтò иное какъ проявленія медіумической энергіи. Явленія, производимыя ею, извѣстны давнымъ-давно. Но самая энергія не признавалась таковою до самаго послѣдняго времени, до тѣхъ поръ, пока не было признано той среды, колебанія которой и производятъ медіумическія явленія. И точно такъ же, какъ явленія свѣта были необъяснимы до тѣхъ поръ, пока не было признано существованіе невѣсомаго вещества — эѳира, точно также и медіумическія явленія казались таинственными до тѣхъ поръ, пока не была признана та, несомнѣнная теперь, истина, что въ промежуткахъ частицъ эѳира находится другое, еще бо-

лѣе тонкое, чѣмъ эѳиръ, невѣсомое вещество, не подлежащее закону трехъ измѣреній.

(*Опять шопотъ, хохотъ и повизгиваніе.*)

Проф. (*опять оглядывается строго.*) И точно такъ же, какъ математическія вычисленія подтвердили неопровержимо существованіе невѣсомаго эѳира, дающаго явленія свѣта и электричества, точно такъ же блестящій рядъ самыхъ точныхъ опытовъ геніальнаго Германа, Шмита и Іосифа Шмацофена несомнѣнно подтвердилъ существованіе того вещества, которое наполняетъ вселенную и можетъ быть названо духовнымъ эѳиромъ.

Толст. бар. Да, теперь я понимаю. Какъ я благодарна...

Леон. Ѳед. Да; но нельзя ли, Алексѣй Владиміровичъ, нѣсколько... сократить?

Проф. (*не отвѣчая*). Итакъ рядъ строго-научныхъ опытовъ и изслѣдованій, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ, выяснилъ намъ законы медіумическихъ явленій. Опыты эти выяснили намъ то, что погруженіе нѣкоторыхъ личностей въ гипнотическое состояніе, отличающееся отъ обыкновеннаго сна только тѣмъ, что при погруженіи въ этотъ сонъ дѣятельность физіологическая не только не понижается, но всегда повышается, какъ это мы сейчасъ видѣли, — оказалось, что погруженіе въ это состояніе какого бы то ни было субъекта неизмѣнно влечетъ за собой нѣкоторыя пертурбаціи въ духовномъ эѳирѣ, — пертурбаціи совершенно подобныя тѣмъ, которыя производитъ погруженіе твердаго тѣла въ жидкое. Пертурбаціи же эти и суть то, что мы называемъ медіумическими явленіями...

(*Хохотъ, шопотъ.*)

Сахат. Это совершенно справедливо и понятно; но по-

звольте спросить: если, какъ вы изволите говорить, погруженіе медіума въ сонъ производитъ пертурбація духовнаго эѳира, то почему же эти пертурбаціи выражаются всегда, какъ эго подразумѣвается обыкновенно въ спиритическихъ сеансахъ, проявленіемъ дѣятельности душъ умершихъ личностей?

Проф. А потому, что частицы этого духовнаго эѳира суть не чтò иное какъ души живыхъ, умершихъ и не родившихся, такъ что всякое сотрясеніе этого духовнаго эѳира неизбѣжно вызываетъ извѣстное движеніе его частицъ. Частицы же эти суть не чтò иное какъ души людей, входящія этимъ движеніемъ въ общеніе между собою.

Толст. бар. (*Сахатову*). Чтò же тутъ не понимать? Это такъ просто... Очень, очень благодарю васъ!

Леон. Ѳед. Мнѣ кажется, что теперь все ясно, и мы можемъ приступить.

Докт. Малый въ самыхъ нормальныхъ условіяхъ: температура 37 и 2; пульсъ 74.

Проф. (*вынимаетъ книжку и записываетъ*). Подтвержденіемъ того, что я имѣлъ честь сообщить, можетъ служить то, что погруженіе медіума въ сонъ неизбѣжно, какъ мы сейчасъ и увидимъ, вызоветъ подъемъ температуры и пульса, точно такъ же, какъ и при гипнозѣ.

Леон. Ѳед. Да, да, виноватъ, я только хотѣлъ сказать Сергѣю Иванычу на то, чтò онъ спрашивалъ: почему мы узнаемъ, что съ нами общаются души умершихъ?—Мы узнаемъ это потому, что тотъ духъ, который приходитъ, прямо намъ говоритъ,—просто, какъ я говорю,—говоритъ намъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ, и гдѣ онъ, и хорошо ли ему. Послѣдній сеансъ былъ испанецъ донъ Кастильосъ, и онъ

всё сказалъ намъ. Онъ сказалъ намъ, кто онъ, и когда умеръ, и то, что ему тяжело за то, что онъ участвовалъ въ инквизиціи. Мало того, онъ сообщилъ намъ то, что съ нимъ случилось въ то самое время, какъ онъ говорилъ съ нами, а именно то, что въ то самое время, какъ онъ говорилъ съ нами, онъ долженъ былъ вновь рождаться на землю, и потому не могъ докончить начатаго съ нами разговора... Да вотъ вы сами увидите...

Толст. бар. (*перебивая*). Ахъ, какъ интересно! Можетъ-быть, испанецъ у насъ въ домѣ родился и маленькій теперь.

Леон. Ѳед. Очень можетъ быть.

Проф. Я думаю, пора бы начинать.

Леон. Ѳед. Я только хотѣлъ сказать...

Проф. Поздно ужъ.

Леон. Ѳед. Ну, хорошо. Такъ можемъ приступить. Пожалуйста, Антонъ Борисовичъ, усыпите медіума...

Гросм. Какъ вы желаете, чтобъ я усыпилъ субъекта? Есть много употребительныхъ пріемовъ. Есть способъ Бреда, есть египетскій символъ, есть способъ Шаркò.

Леон. Ѳед. (*профессору*). Это все равно, я думаю.

Проф. Безразлично.

Гросм. Такъ я употреблю свой способъ, который я демонстрировалъ въ Одессѣ.

Леон. Ѳед. Пожалуйста!

(*Гросманъ машетъ руками надъ Семёномъ.— Семенъ закрываетъ глаза и потягивается.*)

Гросм. (*приглядывается*). Засыпаетъ... Заснулъ. Замѣчательно быстрое наступленіе гипноза! Очевидно, субъектъ уже вступилъ въ анэстетическое состояніе. Замѣчательно, необыкновенно воспріимчивый субъектъ и могъ бы быть мед-

вергнуть интереснимъ опытамъ!.. (*Садится, встаетъ, опять садится.*) Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Проф. (*Леониду Өедоровичу*). Замѣчаете, какъ сонъ медіума дѣйствуетъ на Гросмана? Онъ начинаетъ вибрировать.

Леон. Өед. Да, да... Теперь можно тушить?

Сахат. Но почему же нужна темнота?

Проф. Темнота? – А потому, что темнота есть одно изъ условій, при которыхъ проявляется медіумическая энергія, также какъ извѣстная температура есть условіе извѣстныхъ проявленій химической или динамической энергіи.

Леон. Өед. И не всегда. Многимъ, и мнѣ, являлись и при свѣчахъ, и при солнцѣ.

Проф. (*перебивая*). Можно тушить?

Леон. Өед. Да, да. (*Тушитъ свѣчи.*) Господа! теперь прошу вниманія.

(*Таня вылѣзаетъ изъ-подъ дивана и беретъ въ руки нитку, привязанную къ бра.*)

Петрищ. Нѣтъ, мнѣ понравился испанецъ. Какъ онъ, въ серединѣ разговора, внизъ головой... что называется: piquer une tête.

Бетси. Нѣтъ, вы подождите, посмотрите, что̀ будетъ!

Петрищ. Я одного боюсь, какъ бы Вово̀ не захрюкалъ поросенкомъ.

Вас. Леон. Хотите? Я хвачу...

Леон. Өед. Господа! прошу не разговаривать, пожалуйста...

(*Тишина. — Семенъ лижетъ палецъ, мажетъ имъ косточки на рукѣ и машетъ ими.*)

Леон. Өед. Свѣтъ! Видите свѣтъ?

Сахат. Свѣтъ? Да, да, вижу; но позвольте...

Толст. бар. Гдѣ, гдѣ? Ахъ, не видала! Вотъ онъ. Ахъ!..

Проф. (*Леониду Ѳедоровичу шопотомъ, указывая на Гросмана, который двигается*). Вы замѣтьте, какъ онъ вибрируетъ. Двойная сила. (*Опять показывается свѣтъ.*)

Леон. Ѳед. (*профессору*). А вѣдь это онъ.

Сахат. Кто онъ?

Леон. Ѳед. Грекъ Николай. Его свѣтъ. Не правда ли, Алексѣй Владиміровичъ?

Сахат. Что̀ такое грекъ Николай?

Проф. Нѣкій грекъ, монашествовавшій при Константинѣ въ Царьградѣ и посѣщавшій насъ послѣднее время.

Толст. бар. Гдѣ же онъ, гдѣ же онъ? Я не вижу.

Леон. Ѳед. Его нельзя еще видѣть... Алексѣй Владиміровичъ, онъ всегда особенно благосклоненъ къ вамъ. Спросите его.

Проф. (*особеннымъ голосомъ*). Николай! ты это?

(*Таня стучитъ два раза объ стѣну*).

Леон. Ѳед. (*радостно*). Онъ, онъ!

Толст. бар. Ай, ай! Я уйду.

Сахат. Почему же предполагается, что это онъ?

Леон. Ѳед. А два удара. Утвердительный отвѣтъ: иначе было бы молчаніе.

(*Молчаніе. Сдержанный хохотъ въ углу молодежи. Таня бросаетъ на столъ колпакъ съ лампы, карандашъ, утиралку перьевъ.*)

Леон. Ѳед. (*шопотомъ*). Замѣчайте, господа, вотъ колпакъ съ лампы. Еще что-то. Карандашъ!.. Алексѣй Владиміровичъ, карандашъ!

Проф. Хорошо, хорошо. Я слѣжу и за нимъ, и за Гросманомъ. Вы замѣчаете?

(*Гросманъ встаетъ и оглядываетъ предметы, упавшіе на столъ.*)

Сахат. Позвольте, позвольте! Я бы желалъ посмотрѣть, не производитъ ли всего этого самъ медіумъ.

Леон. Ѳед. Вы думаете?.. Такъ сядьте подлѣ, держите его за руки. Но будьте увѣрены, онъ спитъ.

Сахат. (*подходитъ, задѣваетъ головой за нитку, которую спускаетъ Таня, и испуганно нагибается*). Да... а-а!.. Странно, странно. (*Подходитъ, беретъ за локоть Семена. Семенъ рычитъ.*)

Проф. (*Леониду Ѳедор.*). Слышите, какъ дѣйствуетъ присутствіе Гросмана? Новое явленіе,—надо записать... (*Выбѣгаетъ и записываетъ, потомъ возвращается.*)

Леон. Ѳед. Да... но нельзя же оставлять Николая безъ отвѣта, надо начинать...

Гросм. (*встаетъ, подходитъ къ Семену, поднимаетъ и опускаетъ его руку*). Теперь интересно бы произвести контрактуру. Субъектъ въ полномъ гипнозѣ.

Проф. (*Леон. Ѳедор.*). Вы видите, видите?

Гросм. Если вы желаете...

Докт. Да ужъ позвольте, батюшка, Алексѣю Владиміровичу распорядиться, штука-то выходитъ серьезная.

Проф. Оставьте его. Онъ говоритъ уже во снѣ.

Толст. бар. Какъ я рада теперь, что рѣшилась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леон. Ѳед. Прошу помолчать.

(*Таня проводитъ ниткой по головѣ толстой барыни.*)

Толст. бар. Ай!..

Леон. Ѳед. Что, что?

Толст. бар. Онъ меня за волосы взялъ!

Леон. Ѳед. (*шопотомъ*). Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бываетъ холодная, но я это люблю.

Толст. бар. (*прячетъ руки*). Ни за что!

Сахат. Да, странно, странно!

Леон. Ѳед. Онъ здѣсь и ищетъ общенія. Кто хочетъ спросить что-нибудь?

Сахат. Позвольте, я спрошу?

Проф. Сдѣлайте одолженіе.

Сахат. Вѣрю я, или нѣтъ?

(*Таня стучитъ два раза.*)

Проф. Отвѣтъ утвердительный.

Сахат. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня въ карманѣ десяти-рублевая бумажка?

(*Таня стучитъ много разъ и проводитъ ниткой по головѣ Сахатова.*)

Сахат. Ахъ!.. (*Хватаетъ нитку и обрываетъ ее.*)

Проф. Я бы просилъ присутствующихъ не дѣлать неопредѣленныхъ или шутливыхъ вопросовъ. Ему непріятно.

Сахат. Нѣтъ, позвольте, у меня въ рукѣ нитка.

Леон. Ѳед. Нитка? Держите ее. Это часто бываетъ; не только нитка, но шелковые снурки, самые древніе.

Сахат. Нѣтъ, однако, откуда же нитка?

(*Таня бросаетъ въ него подушкой.*)

Сахат. Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня въ голову. Позвольте свѣтъ,—тутъ что-нибудь...

Проф. Мы просимъ васъ не нарушать проявленія.

Толст. бар. Ради Бога, не нарушайте! Я хочу спросить. Можно?

Леон. Өед. Можно, можно. Спрашивайте.

Толст. бар. Я хочу спросить о своемъ желудкѣ. Можно? Я хочу спросить, что мнѣ принимать—аконитъ или белладону?

(*Молчаніе, шопотъ въ сторонѣ молодыхъ людей, и вдругъ Василій Леонидычъ кричитъ какъ грудной ребенокъ: уа! уа!—Хохотъ. Захватывая носы и рты и фыркая, дѣвицы съ Петрищевымъ убѣгаютъ.*)

Толст. бар. Ахъ, это вѣрно этотъ монахъ опять родился!

Леон. Өед. (*въ бѣшенствѣ, гнѣвнымъ шопотомъ*). Кромѣ глупости отъ тебя ничего! Если не умѣешь держать себя прилично, то уйди.

(*Василій Леонидычъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Леонидъ Өедоровичъ, профессоръ, толстая барыня, Сахатовъ, Гросманъ, докторъ, Семенъ и Таня. *Темнота и молчаніе.*

Толст. бар. Ахъ, какъ жаль! Теперь уже нельзя спрашивать. Онъ родился.

Леон. Өед. Нисколько. Это глупости Вовó. А *онъ* тутъ. Спрашивайте.

Проф. Это часто бываетъ; эти шутки, насмѣшки — самое обыкновенное явленіе. Я полагаю, что *онъ* здѣсь еще. Впрочемъ, мы можемъ спросить. Леонидъ Өедоровичъ, вы?

Леон. Өед. Нѣтъ, пожалуйста, вы. Меня это разстроило. Такъ непріятно! Эта безтактность...

Проф. Хорошо, хорошо!.. Николай! ты здѣсь еще?

(*Таня стучитъ два раза и звонитъ въ колокольчикъ.— Семенъ начинаетъ рычать и разводить руками. Захватываетъ Сахатова и профессора и давитъ ихъ.*)

Проф. Какое неожиданное проявленіе! Воздѣйствіе на самого медіума. Этого не бывало. Леонидъ Өедоровичъ, наблюдайте, мнѣ неловко. Онъ давитъ меня. Да смотрите, что Гросманъ? Теперь нужно полное вниманіе.

(*Таня бросаетъ мужицкую бумагу на столъ*).

Леон. Өед. Что-то упало на столъ.

Проф. Посмотрите, что упало?

Леон. Өед. Бумага! Сложенный листъ бумаги.

(*Таня бросаетъ дорожную чернильницу.*)

Леон. Өед. Чернильница!

(*Таня бросаетъ перо.*)

Леон. Өед. Перо!

(*Семенъ рычитъ и давитъ*).

Проф. (*задавленный*). Позвольте, позвольте, совершенно новое явленіе; не вызванная медіумическая энергія дѣйствуетъ, а самъ медіумъ. Однако откройте чернильницу и положите на бумагу перо, онъ напишетъ.

(*Таня заходитъ сзади Леонида Өедоровича и бьетъ его по головѣ гитарой.*)

Леон. Өед. Ударилъ меня по головѣ! (*Смотритъ на столъ.*) Перо не пишетъ еще, и бумага сложена.

Проф. Посмотрите, что за бумага, дѣлайте скорѣй; очевидно двойная сила—его и Гросмана—производитъ пертурбаціи.

Леон. Өед. (*выходитъ съ бумагой въ дверь и тотчасъ возвращается*). Необычайно! Бумага эта—договоръ съ крестья-

нами, который я нынче утромъ отказался подписать и отдалъ назадъ крестьянамъ. Вѣроятно, *онъ* хочетъ, чтобъ я подписалъ его?

Проф. Разумѣется! Разумѣется! Да вы спросите.

Леон. Ѳед. Николай! или ты желаешь?..

(*Таня стучитъ два раза.*)

Проф. Слышите? Очевидно, очевидно!

(*Леонидъ Ѳедоровичъ беретъ перо и выходитъ. — Таня стучитъ, играетъ на гитарѣ и гармоніи и лѣзетъ опять подъ диванъ.— Леонидъ Ѳедоровичъ возвращается.— Семенъ потягивается и прокашливается.*)

Леон. Ѳед. Онъ просыпается. Можно зажечь свѣчи.

Проф. (*поспѣшно*). Докторъ, докторъ, пожалуйста, температуру и пульсъ! Вы увидите, что сейчасъ обнаружится повышеніе.

Леон. Ѳед. (*зажигаетъ свѣчи*). Ну что, господа невѣрующіе?

Докт. (*подходя къ Семену и вставляя термометръ*). Ну-ка, молодецъ. Что, поспалъ? Ну-ка это вставь и давай руку. (*Смотритъ на часы.*)

Сахат. (*пожимаетъ плечами*). Могу утверждать, что медіумъ не могъ дѣлать всего того, что̀ происходило. Но нитка?.. Я бы желалъ объясненія нитки.

Леон. Ѳед. Нитка, нитка! Тутъ были явленія посерьезнѣе.

Сахат. Не знаю. Во всякомъ случаѣ — je réserve mon opinion.

Толст. бар. (*Сахатову*). Нѣтъ, какъ же вы говорите: je réserve mon opinion? А младенецъ-то съ крылышками? Развѣ вы не видали? Я сначала подумала, что это кажется; но потомъ ясно, ясно, какъ живой...

Сахат. Могу говорить только о томъ, что видѣлъ. Я не видалъ этого, не видалъ.

Толст. бар. Ну какъ же! Совсѣмъ ясно было видно. А съ лѣвой стороны монахъ въ черномъ одѣяніи еще нагнулся къ чему...

Сахат. (*отходитъ*). Какое преувеличеніе!

Толст. бар. (*обращается къ доктору*). Вы должны были видѣть. Онъ съ вашей стороны поднимался.

(*Докторъ, не слушая ея, продолжаетъ считать пульсъ.*)

Толст. бар. (*Гросману*). И свѣтъ, свѣтъ отъ него, особенно вокругъ личика... И выраженіе такое кроткое, нѣжное, что-то вотъ этакое небесное! (*Сама нѣжно улыбается.*)

Гросм. Я видѣлъ свѣтъ фосфорическій, предметы измѣняли мѣсто, но болѣе я ничего не видѣлъ.

Толст. бар. Ну, полноте! Это вы такъ. Это оттого, что вы, ученые школы Шаркò, не вѣрите въ загробную жизнь. А меня никто теперь, никто въ мірѣ не разувѣритъ въ будущей жизни.

(*Гросманъ уходитъ отъ нея.*)

Толст. бар. Нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите, а это одна изъ самыхъ счастливыхъ минутъ моей жизни. Когда Саразате игралъ, и эта... Да! (*Никто ея не слушаетъ. Она подходитъ къ Семену.*) Ну, ты мнѣ скажи, дружокъ, ты что чувствовалъ? Очень тебѣ было тяжело?

Сем. (*смѣется*). Такъ точно.

Толст. бар. Все-таки терпѣть можно?

Сем. Такъ точно. (*Леониду Өедоровичу*) Прикажете идти?

Леон. Өед. Иди, иди.

Докт. (*профессору*). Пульсъ тотъ же, но температура понизилась.

Проф. Понизилась? (*Задумывается и вдругъ догадывается.*) Такъ и должно было быть,—должно было быть пониженіе! Двойная энергія, пересѣкаясь, должна была произвести нѣчто вродѣ интерференціи. Да, да.

Леон. Ѳед. Мнѣ одно жалко, что полной матеріализаціи не было, но все-таки... Господа, милости просимъ въ гостиную.

Толст. бар. Особенно меня поразило, когда онъ взмахнулъ крылышками и видно было, какъ онъ поднимается.

Гросм. (*Сахатову*). Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсію. Успѣхъ могъ бы быть совершенный.

Сахат. Интересно, но не вполнѣ убѣдительно,—все, что могу сказать!

(*Говорятъ всѣ вмѣстѣ, уходя.*)

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ *съ бумагой. Входитъ* **Ѳедоръ Иванычъ.**

Леон. Ѳед. Ну, Ѳедоръ, какой сеансъ былъ — удивительный! Оказывается, что землю-то надо уступить крестьянамъ на ихъ условіяхъ.

Ѳед. Иван. Вотъ какъ!

Леон. Ѳед. Да какъ же? (*Показываетъ бумагу.*) Представь, бумага, которую я имъ отдалъ, оказалась на столѣ. Я подписалъ.

Ѳед. Иван. Какъ же она попала сюда?

Леон. Ѳед. Да вотъ попала. (*Уходитъ.*)

(*Ѳедоръ Иванычъ уходитъ за нимъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Таня *одна, вылѣзаетъ изъ-подъ дивана и смѣется.*

Таня. Батюшки мои! Голубчики! Набралась же я страху, какъ онъ за нитку поймалъ. (*Визжитъ.*) Ну, да все-таки вышло—подписалъ!

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Таня и Григорій.

Григ. Такъ это ты ихъ дурачила?

Таня. А вамъ что?

Григ. А что жъ, думаешь, барыня за это похвалитъ? Нѣтъ, шалишь, теперь попалась. Разскажу твои плутни, коли помоему не сдѣлаешь.

Таня. И по-вашему не сдѣлаю, и ничего вы мнѣ не сдѣлаете.

Занавѣсъ.

ДѢИСТВІЕ IV.

Театръ представляетъ декорацію 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Два выѣздныхъ лакея *въ ливреяхъ*, **Θедоръ Иванычъ и Григорій.**

1-й лакей (*съ сѣдыми бакенбардами*). Нынче къ вамъ къ третьимъ. Спасибо, въ одной сторонѣ пріемные дни. У васъ прежде по четвергамъ было.

Θед. Иван. За тѣмъ перемѣнили на субботу, чтобъ за одно: у Головкиныхъ, у Граде-фонъ-Грабе...

2-й лакей. У Щербаковыхъ такъ-то хорошо, что какъ балъ, такъ лакеямъ угощеніе.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же. *Сверху сходятъ* **княгиня** *съ* **княжной. Бетси** *провожаетъ ихъ.* **Княгиня** *глядитъ въ книжечку, на часы и садится на ларь.* **Григорій** *надѣваетъ ей ботики.*

Княжна. Нѣтъ, ты, пожалуйста, пріѣзжай. А то ты откажешься, Додо откажется,—ничего и не выйдетъ.

Бетси. Не знаю. Къ Шубинымъ надо непремѣнно. Потомъ репетиція.

Княжна. Успѣешь. Нѣтъ, ты пожалуйста. Ne nous fais pas faux bond. Ѳедя будетъ и Коко.

Бетси. J'en ai par dessus la tête de vorte Coco.

Княжна. Я думала, что я его здѣсь найду. Ordinairement il est d'une exactitude...

Бетси. Онъ непремѣнно будетъ.

Княжна. Когда я его вижу съ тобой, мнѣ кажется, что онъ только что сдѣлалъ или вотъ сдѣлаетъ предложеніе.

Бетси. Да ужъ, вѣроятно, придется пройти черезъ это. И такъ непріятно!

Княжна. Бѣдный Коко! Онъ такъ влюбленъ.

Бетси. Cessez, les gens.

(*Княжна садится на диванчикъ, разговаривая шопотомъ. Григорій надѣваетъ ей ботики.*)

Княжна. Такъ до вечера.

Бетси. Постараюсь.

Княгиня. Такъ скажите папа̀, что я ничему не вѣрю, но пріѣду посмотрѣть его новаго медіума. Чтобъ онъ далъ

знать. Прощайте, ma toute belle. (*Цѣлуетъ и уходитъ съ княжной.*)

(*Бетси уходитъ наверхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Два лакея, Ѳедоръ Иванычъ и Григорій.

Григ. Не люблю старухъ обувать: не перегнется никакъ, отъ живота не видитъ, тычетъ мимо все; то ли дѣло молоденькую—пріятно и ножку въ руки взять.

2-й лакей. Тоже разбираетъ!

1-й лакей. Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григ. Отчего жъ не разбирать, развѣ мы не люди? Это они думаютъ, что мы не понимаемъ; какъ сейчасъ разговорились, взглянули на меня, сейчасъ: ле жанъ.

2-й лакей. А это что жъ?

Григ. А это значитъ по-русски: не говори, поймутъ. За обѣдомъ тоже; а я понимаю. Вы говорите: разница,—никакой нѣтъ.

1-й лакей. Разница большая, кто понимаетъ.

Григ. Разницы нѣтъ никакой. Нынче я лакей, а завтра, можетъ, и не хуже ихъ жить буду. И за лакеевъ замужъ выходятъ, развѣ не бывало? Пойти покурить. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорья.**

2-й лакей. А смѣлый этотъ у васъ молодой человѣкъ.

Ѳед. Иван. Пустой малый, неспособенъ къ службѣ: въ конторщикахъ былъ, — избаловался. Я и не совѣтовалъ брать, да барынѣ понравился,—виденъ для выѣзда.

1-й лакей. Я бы его къ нашему графу: онъ бы его поставилъ въ точку. Охъ! не любитъ этакихъ вертуновъ. Лакей, такъ будь лакей, званіе свое оправдай; а эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же. *Сверху сбѣгаетъ* Петрищевъ *и достаетъ папироску.*

Петрищевъ (*въ задумчивости*). Да, да. Мое второе то же, что „ка". Кар-тожъ-ка. Мое все... Да, да. (*Навстрѣчу ему входитъ Кокó Клингенъ въ pince-nez.*) Кокоша. А, Картошка! Откуда?

Коко Клинг. Отъ Щербаковыхъ. Ты вѣчно глупости...

Петрищ. Нѣтъ, ты слушай, шарада: мое первое то же, что „книъ", мое второе то же, что „ка", а мое все далеко гоняетъ телятъ.

Коко Клинг. Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищ. А куда тебѣ еще?

Коко Клинг. Какъ куда? Къ Ивинымъ, спѣвка, надо быть. Потомъ къ Шубинымъ, потомъ на репетицію. Вѣдь и ты долженъ быть?

Петрищ. Какъ же, непремѣнно. И на репетиціи, и на морковетиціи. Вѣдь то я былъ дикій, а теперь я и дикій, и генералъ.

Коко Клинг. Ну, а сеансъ вчерашній что?

Петрищ. Умора! Мужикъ былъ; но главное дѣло — все въ темнотѣ. Вовó младенцемъ пищалъ. Профессоръ объяснялъ, а Марья Васильевна разъясняла. Потѣха! Жаль, что ты не былъ.

Коко Клинг. Боюсь, mon cher; ты какъ-то это умѣешь шутками отдѣлываться, а мнѣ все кажется, что чуть скажу

словечко, сейчасъ повернутъ такъ, что я сдѣлалъ предложеніе. Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout!

Петрищ. А ты дѣлай предложеніе съ сказуемымъ, вотъ ничего и не будетъ. Такъ заходи къ Вовô, вмѣстѣ поѣдемъ на рѣдькотицію.

Коко Клинг. Не понимаю, какъ ты можешь водиться съ такимъ дуракомъ. Ужъ такъ глупъ,—вотъ ужъ истинно шалопай!

Петрищ. А я его люблю. Люблю Вовô, но... „странною любовью", „къ нему не заростетъ народная тропа"... (*Уходитъ въ комнату Василья Леонидыча.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Два лакея, Ѳедоръ Иванычъ и Коко Клингенъ. Бетси *провожаетъ* даму.

(*Коко значительно кланяется.*)

Бетси (*трясетъ ему руку бокомъ. Къ дамѣ*). Вы не знакомы?

Дама. Нѣтъ.

Бетси. Баронъ Клингенъ... Что же вы вчера не были?

Коко Клинг. Никакъ не могъ,—не успѣлъ.

Бетси. Жаль,—очень было интересно. (*Смѣется.*) Вы бы увидали, какія были manifestations. Ну, что же, наша шарада подвигается?

Коко Клинг. О, да! Стихи на mon second готовы, Никъ сочинилъ, а я музыку.

Бетси. Какъ же, какъ? Скажите.

Коко Клингъ. Позвольте, какъ?.. Да! Рыцарь поетъ Наннѣ (*Поетъ*):

„Какъ прекрас*на на*тура,
Льетъ *на* душу мнѣ *на*дежду...
Нанна, *Нанна! на*, *на*, *на!*

Дама. Это mon second *на*, а mon premier что же?

Коко Клингъ. Mon premier это *Аре*—имя дикарки.

Бетси. *Аре*—это, видите, дикарка, которая хочетъ съѣсть предметъ своей любви... (*Хохочетъ.*) Она ходитъ, тоскуетъ и поетъ:

„Ахъ, аппетитъ".

Коко (*перебивая*). „Меня мутитъ"...

Бетси (*подхватываетъ*. „Кого-то ѣсть желаю.

„Х-хожу, брожу"...

Коко Клингъ. „Не нахожу"...

Бетси. „Кого жевать—не знаю"...

Коко Клингъ. „Вдали вотъ плотъ"

Бетси. „Сюда плыветъ;

На немъ два генерала"...

Коко Клингъ. „Мы два генерала,

„Судьба насъ связала,
„На островъ послала".

И опять refrain:

„Судьба насъ связала,
На островъ посла-а-ла".

Дама. Charmant.

Бетси. Вы поймите, какъ глупо!

Коко Клингъ. Въ томъ-то и прелесть.

Дама. Кто же Аре?

Бетси. Я; я костюмъ сдѣлала, а мама говоритъ: „непри-

лично". А нисколько не неприличнѣе, чѣмъ на балѣ... (*Θедору Иванычу*). **Что, здѣсь отъ Бурдье?**

Θед. Иван. Здѣсь, **на кухнѣ сидитъ.**

Дама. Ну, а *арена* **какъ же?**

Бетси. Да вы увидите. Не хочу вамъ портить удовольствія. Au revoir.

Дама. Прощайте! (*Раскланиваются. Дама уходитъ.*)

Бетси. (*Коко Клинг.*). Пойдемте къ maman.

(*Бетси и Коко Клингенъ уходятъ наверхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Θедоръ Иванычъ, два лакея и Яковъ (*выходитъ изъ буфета съ подносомъ, чаемъ, печеньемъ; запыхавшись, идетъ черезъ переднюю*).

Яковъ (*лакеямъ*). Мое почтеніе, мое почтеніе!

(*Лакеи кланяются.*)

Яковъ (*Θедору Иванычу*). Хоть бы вы приказали Григорью Михайлычу подсобить. Замучился на отдѣлку... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, *безъ* **Якова.**

1-й лакей. Старательный это у васъ человѣкъ!

Θед. Иван. Хорошій малый, да вотъ не нравится барынѣ,—не виденъ, говоритъ, изъ себя. А тутъ еще наклепали на него вчера, что онъ мужиковъ въ кухню пустилъ Какъ бы не разочли. А малый хорошій.

2-й лакей. Какихъ мужиковъ?

Θед. Иван. Да пришли изъ нашей курской деревни землю покупать; дѣло ночное, да и земляки. Одинъ буфетному му-

жику отецъ. Ну, и провели ихъ въ кухню. А тутъ случись угадыванье мыслей; спрятали вещь въ кухню, пришли всѣ господа, увидала ихъ барыня—бѣда! Какъ, говоритъ, люди можетъ быть зараженные, а ихъ въ кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Григорій.

Ѳед Иван. Пойдите, Григорій, подсобите Якову Иванычу, а я здѣсь побуду одинъ. Одинъ не поспѣваетъ.

Григ. Неловокъ, оттого и не поспѣваетъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорья.**

I-й лакей. И что это за новая мода пошла нынче—эти заразы!.. Такъ и ваша боится?

Ѳед. Иван. Пуще огня! У насъ только и заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

I-й лакей. То-то я слышу духъ такой тяжелый. (*Съ оживленіемъ*). Ни на что не похоже, какіе грѣхи съ этими заразами. Скверно совсѣмъ! Даже Бога забыли. Вотъ у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Такъ что же?—Ни отецъ, ни мать и въ комнату не вошли, такъ и не простились. А дочка плакала, звала проститься,—не пошли! Докторъ какую-то заразу нашелъ. А вѣдь ходили же за нею и горничная своя, и сидѣлка—и ничего, обѣ живы остались.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, Василій Леонидычъ и Петрищевъ (*выходятъ изъ двери съ папиросками*).

Петрищ. Да пойдемъ же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Вас. Леон. Болванъ твой Кокоша! Я тебѣ скажу, терпѣть его не могу. Вотъ пустой-то малый, настоящій полотёръ! Ничѣмъ не занятъ, только шляется. А, что?

Петрищ. Ну, такъ погоди, все-таки я прощусь.

Вас. Леон. Ну, хорошо. Я пойду собакъ посмотрю, въ кучерскую. Кобель одинъ, такъ та́къ золъ, что кучеръ говоритъ, чуть не съѣлъ его. А, что?

Петрищ. Кто кого съѣлъ? Неужели кучеръ съѣлъ кобеля?

Вас. Леон. Ну, ты вѣчно... (*Одѣвается и уходитъ.*)

Петрищ. (*задумчиво*). Ма-кинъ-тожъ, каръ-тожъ-ка... Да, да. (*Идетъ наверхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Два лакея, Өедоръ Иванычъ и Яковъ (*пробѣгаетъ черезъ сцену въ началѣ и концѣ явленія*).

Өед. Иван. (*Якову*). Чего еще?

Яковъ. Тартинокъ нѣтъ! Я говорилъ... (*Уходитъ.*)

2-й лакей. А вотъ еще у насъ барчукъ заболѣлъ. Такъ сейчасъ свезли его въ гостиницу съ нянькой, такъ тамъ безъ матери и померъ.

1-й лакей. То-то грѣха не боятся! Я полагаю, что отъ Бога никуда не уйдешь.

Ѳед. Иван. И я такъ думаю.

(*Яковъ бѣжитъ наверхъ съ тартинками.*)

1-й лакей. И то возьмите во вниманіе, что ежели теперь такъ всѣхъ бояться, то надо запереться въ четырехъ стѣнахъ, какъ въ тюрьмѣ ровно, да такъ и сидѣть.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Таня, *потомъ* **Яковъ.**

Таня (*кланяется лакеямъ*). Здравствуйте!

(*Лакеи кланяются.*)

Таня. Ѳедоръ Иванычъ! мнѣ вамъ два слова сказать.

Ѳед. Иван. Ну, что?

Таня. Да пришли, Ѳедоръ Иванычъ, мужички опять...

Ѳед. Иван. Ну, такъ что же? Бумагу-то вѣдь я Семёну отдалъ...

Таня. Бумагу я имъ отдала. Ужъ какъ благодарятъ-то, и не знаю какъ. Теперь только просятъ деньги отъ нихъ принять.

Ѳед. Иван. Да гдѣ они?

Таня. Тутъ, у крыльца стоятъ.

Ѳед. Иван. Ну что жъ, я скажу.

Таня. Да еще просьба моя къ вамъ, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ.

Ѳед. Иван. Чтò еще?

Таня. Да что, Ѳедоръ Иванычъ, мнѣ ужъ оставаться нельзя здѣсь. Попросите, чтобъ отпустили меня.

(*Яковъ вбѣгаетъ.*)

Ѳед. Иван. (*Якову*). Что ты?

Яковъ. Самоваръ другой, да апельсины.

Өед. Иван. У экономки спроси.

(*Яковъ убѣгаетъ.*)

Өед. Иван. Это что жъ такъ?

Таня. Да вѣдь какъ же? Теперь мое дѣло такое.

Яковъ (*вбѣгая*). Апельсиновъ мало.

Өед. Иван. Подай что есть. (*Яковъ убѣгаетъ.*) Не время ты выбрала: вѣдь видишь—суета...

Таня. Да вѣдь сами знаете, Өедоръ Иванычъ, этой суетѣ угомону не бываетъ, сколько ни жди,—вы сами знаете,—а вѣдь мое дѣло на вѣкъ... Вы, батюшка, Өедоръ Иванычъ, какъ мнѣ добро такое сдѣлали, будьте отецъ родной, выберите времячко, скажите. А то разсердится—билетъ не дастъ.

Өед. Иван. Да что же тебѣ загорѣлось?

Таня. Да какъ же, Өедоръ Иванычъ, дѣло теперь сладилось... Я бы къ маменькѣ, къ крестной, поѣхала, приготовилась бы. А на Красную-горку и свадьба. Скажите, батюшка, Өедоръ Иванычъ!

Өед. Иван. Ступай,—теперь не мѣсто тутъ.

(*Сверху сходитъ баринъ пожилой и молча уходитъ со 2-мъ лакеемъ. Таня уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Өедоръ Иванычъ, 1-й лакей и Яковъ (*входитъ*).

Яковъ. Что же, Өедоръ Иванычъ, это обида живая! Теперь меня расчесть хочетъ. Ты, говоритъ, все колотишь, Фифку забылъ и противъ моего приказанія мужиковъ въ кухню пустилъ. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мнѣ Татьяна: проведи въ кухню, а я не знаю, по чьему это приказу.

Өед. Иван. Что-жъ, развѣ она говорила?

Яковъ. Сейчасъ говорила. Ужъ вы заступитесь, Өедоръ Иванычъ. А то семейство только стало поправляться, а тутъ сойдешь съ мѣста, когда-то опять попадешь. Өедоръ Иванычъ, пожалуйста!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Өедоръ Иванычъ, 1-й лакей и барыня *провожаетъ* **старую графиню** *съ фальшивыми волосами и зубами.* **Графиню** *одѣваетъ* **1-й лакей.**

Барыня. Непремѣнно, какъ же. Я такъ истинно тронута.

Графиня. Ка-бы не нездоровье, я бы чаще у васъ бывала.

Барыня. Право, возьмите Петра Петровича. Онъ грубъ, но никто такъ не можетъ успокоить; такъ просто, ясно у него все.

Графиня. Нѣтъ, ужъ я привыкла.

Барыня. Осторожнѣе.

Графиня. Merci, mille fois merci.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же и Григорій *растрепанный, въ волненіи, выскакиваетъ изъ буфета. За нимъ виденъ* **Семенъ.**

Сем. А ты къ ней не приставай.

Григ. Я тебя, мерзавца, научу какъ драться!... Ахъ ты, негодяй!

Барыня. Что̀ это такое? Что вы въ кабакѣ, что ли?!

Григ. Не могу жить отъ этого мужика грубаго.

Барыня (*съ досадой*). Вы съ ума сошли! Развѣ вы не видите? (*Графинѣ*). Merci, mille fois merci. A mardi.

(*Грфаиня и 1-й лакей уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Ѳедоръ Иванычъ, барыня, Григорій и Семенъ.

Барыня (*Григорью*). Чтò такое?

Григ. Я хоть въ должности лакея, но я имѣю свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня. Да чтò такое случилось?

Григ. Да вотъ Семёнъ вашъ набрался храбрости, что онъ съ господами сидѣлъ. Драться лѣзетъ.

Барыня. Чтò такое? За что?

Григ. А Богъ его знаетъ.

Барыня (*Семену*). Чтò это такое значитъ?

Сем. Что жъ онъ къ ней пристаетъ?

Барыня. Да чтò у васъ было?

Сем. (*улыбаясь*). Да такъ, онъ Таню, горничную, все хватаетъ, а она не хочетъ. Вотъ я его отстранилъ рукой... такъ, маленечко.

Григ. Хорошо отстранилъ, чуть ребра не сломалъ. И фракъ разорвалъ. Да, вѣдь, онъ что говоритъ: „на меня, говоритъ, по-вчерашнему, сила нашла“, и началъ давить.

Барыня (*Семену*). Какъ ты смѣешь драться въ моемъ домѣ?

Ѳед. Иван. Позвольте доложить, Анна Павловна, надо вамъ сказать, что Семёнъ имѣетъ чувства къ Танѣ, и какъ они теперь сосватаны, а Григорій, — что жъ, надо правду сказать, — обращается нехорошо, неблагородно. Ну, вотъ Семёнъ, я полагаю, и обидѣлся на него.

Григ. Совсѣмъ нѣтъ; это изъ-за злобы, что я плутовство ихъ все открылъ.

Барыня. Какое плутовство?

Григ. А въ сеансѣ. Всѣ вчерашнія штуки не Семенъ, а Татьяна дѣлала. Я самъ видѣлъ, какъ она изъ-подъ дивана лѣзла.

Барыня. Чтò такое?.. Изъ-подъ дивана лѣзла?

Григ. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на столъ. Ка-бы не она, бумагу не подписали бы и мужикамъ землю не продали бы.

Барыня. Вы сами видѣли?

Григ. Своими глазами. Прикажите позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

(*Григорій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же, *безъ* **Григорія.** *За сценой шумъ, голосъ* **швейцара:** Нельзя, нельзя! *Показывается* **швейцаръ,** *мимо него врываются* **3 мужика.** *Впереди* **2-й муж. 3-й муж.** *спотыкается, падаетъ и хватается за носъ.*

Швейц. Нельзя, идите!

2-й муж. Авось не бѣда. Развѣ мы за худымъ чѣмъ? — Мы денежки отдать.

1-й муж. Двистительно, какъ за подписью руки приложенья дѣло въ окончаніи, мы только денежки предоставить съ нашей благодарностью.

Барыня. Погодите, погодите благодарить, все это былъ обманъ. Еще не кончено. Не продано еще... Леонидъ!.. Позовите Леонида Өедоровича. (*Швейцаръ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же и Леонидъ Ѳедоровичъ *выходитъ, но, увидавъ* **барыню и мужиковъ,** *хочетъ уйти назадъ.*

Барыня. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйте сюда! Я говорила вамъ, что нельзя продавать землю въ долгъ, и всѣ вамъ говорили. А васъ обманываютъ, какъ самаго глупаго человѣка.

Леон. Ѳед. То-есть въ чемъ? Я не понимаю, какой обманъ.

Барыня. Стыдились бы вы! Вы сѣдой, а васъ какъ мальчишку обманываютъ и смѣются надъ вами. Жалѣете для сына какіе-нибудь 300 рублей для его общественнаго положенія, а самихъ васъ, какъ дурака, проводятъ на тысячи.!

Леон. Ѳед. Да ты, Annette, успокойся.

1-й муж. Мы только въ полученіи суммы значитъ...

3-й муж. (*достаетъ деньги*). Отпусти ты насъ ради Христа!

Барыня. Погодите, погодите!

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же, Григорій и Таня.

Барыня (*строго къ Танѣ.*) Ты была вчера вечеромъ во время сеанса въ маленькой гостиной?

(*Таня, вздыхая, оглядывается на Ѳедора Иваныча, Леонида Ѳедоровича и Семена.*)

Григ. Да ужъ нечего вилять, когда я самъ видѣлъ...

Барыня. Говори, была? Я знаю все, признавайся. Я тебѣ ничего не сдѣлаю. Мнѣ только хочется уличить вотъ его,

(*указываетъ на Леонида Өедоровича*) **барина... Ты кинула бумагу на столъ?**

Таня. Я не знаю что и отвѣчать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня (*Леониду Өедоровичу*). Вотъ видите, васъ дурачатъ.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же. *Входитъ* **Бетси** *въ началѣ явленія и стоитъ незамѣченная.*

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня. Нѣтъ, милая! Ты вѣдь, можетъ быть, убытку сдѣлала на нѣсколько тысячъ. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня. Нѣтъ, ты отвѣтишь. Плутовать нельзя. Къ мировому судьѣ подамъ.

Бетси (*выступая*). Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вмѣстѣ съ ней,—я съ ней вмѣстѣ вчера все дѣлала.

Барыня. Ну, да ужъ когда ты, то, кромѣ самаго гадкаго, ничего и быть не могло.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и профессоръ.

Профес. Здравствуйте, Анна Павловна! Здравствуйте, барышня! А я вамъ несу, Леонидъ Өедоровичъ, отчетъ о 13-мъ съѣздѣ спиритуалистовъ въ Чикаго. Удивительная рѣчь Шмита!

Леон. Ѳед. А, очень интересно!

Барыня. Я вамъ гораздо интереснѣе разскажу. Оказывается, что и васъ, и мужа дурачила эта дѣвчонка. Бетси на себя говоритъ, но это чтобъ дразнить меня, а дурачила васъ безграмотная дѣвчонка, а вы вѣрите. Вчера никакихъ вашихъ медіумическихъ явленій не было, а это она (*указывая на Таню*) все дѣлала.

Профес. (*раздѣваясь*). Какъ то-есть?

Барыня. Да такъ, что она въ темнотѣ и на гитарѣ играла, и мужа по головѣ била, и всѣ глупости ваши дѣлала, и сейчасъ призналась.

Профес. (*улыбаясь*). Такъ что же это доказываетъ?

Барыня. Доказываетъ, что вашъ медіумизмъ—вздоръ, вотъ что̀ доказываетъ!

Профес. Оттого что эта дѣвушка хотѣла обманывать, отъ этого медіумизмъ—вздоръ, какъ вы изволите выражаться? (*Улыбаясь*) Странное заключеніе! Очень можетъ быть, что дѣвушка эта хотѣла обманывать: это часто бываетъ; можетъ-быть она что-нибудь и дѣлала, но то, что̀ она дѣлала—дѣлала она, а то, что̀ было проявленіемъ медіумической энергіи—было проявленіемъ медіумической энергіи. Даже весьма вѣроятно, что то, что̀ дѣлала эта дѣвушка, вызывало, соллицитировало, такъ сказать, проявленіе медіумической энергіи, давало ей опредѣленную форму.

Барыня. Опять лекція!

Профес. (*строго*). Вы говорите, Анна Павловна, что эта дѣвушка, можетъ быть и эта милая барышня что-то дѣлали; но свѣтъ, который мы всѣ видѣли, а въ первомъ случаѣ пониженіе, а во второмъ—повышеніе температуры, а волненіе и вибрированіе Гросмана,—что же, это тоже дѣлала

эта дѣвушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нѣтъ, Анна Павловна, есть вещи, которыя надо изслѣдовать и вполнѣ понимать, чтобы говорить о нихъ,—вещи слишкомъ серьезныя, слишкомъ серьезныя...

Леон. Ѳед. А дитя, которое ясно видѣла Марья Васильевна? Да и я видѣлъ... Это не могла же сдѣлать эта дѣвушка.

Барыня. Вы думаете, что вы умны?.. А вы—дуракъ!

Леон. Ѳед. Ну, я уйду... Алексѣй Владиміровичъ, пойдемте ко мнѣ. (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

Профес. (*пожимая плечами, идетъ за нимъ*). Да, какъ еще мы далеки отъ Европы!

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Барыня, три мужика, Ѳедоръ Иванычъ, Таня, Бетси, Григорій, Семенъ и Яковъ (*входитъ*).

Барыня (*вслѣдъ Леониду Ѳедоровичу*). Обманули его, какъ дурака, а онъ ничего не видитъ. (*Якову*) Тебѣ что?

Яковъ. На много ли персонъ прикажете накрывать?

Барыня. На много ли?.. Ѳедоръ Иванычъ, принять отъ него серебро! Вонъ сейчасъ! Отъ него все. Этотъ человѣкъ меня въ гробъ сведетъ. Вчера чуть-чуть не заморилъ собачку, которая ничего ему не сдѣлала. Мало ему этого, онъ же зараженныхъ мужиковъ вчера въ кухню завелъ и опять они здѣсь. Отъ него все. Вонъ, сейчасъ вонъ! Расчетъ, расчетъ! (*Семену*) А если ты себѣ впередъ позволишь шумѣть въ моемъ домѣ, я тебя, сквернаго мужика, выучу!

2-й муж. Да что же, коли онъ скверный мужикъ, такъ и держать его нечего, а давай расчетъ, вотъ и все.

Барыня. (*слушая его, вглядывается въ 3-го мужика*). Да

смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Онъ больной, онъ резервуаръ заразы!! Вѣдь я вчера говорила, чтобъ ихъ не пускать, и вотъ они опять тутъ. Гоните ихъ вонъ!

Ѳед. Иван. Что же, не прикажете деньги принять?

Барыня. Деньги?—деньги возьми, но ихъ, особенно этого больного, вонъ, сію минуту вонъ! Онъ совсѣмъ гнилой!

3-й муж. Напрасно ты, мать, ей-Богу, напрасно. У моей старухи, скажемъ, спроси какой я гнилой. Я какъ стеклушко, скажемъ.

Барыня. Еще разговариваетъ... Вонъ, вонъ! Все на зло!.. Нѣтъ, я не могу, не могу!.. Пошлите за Петромъ Петровичемъ. (*Убѣгаетъ, всхлипывая.*)

(*Яковъ и Григорій уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же, *безъ* **барыни, Якова и Григорья.**

Таня (*Бетси*). Барышня, голубушка, какъ же мнѣ быть теперь?

Бетси. Ничего, ничего. Поѣзжай съ ними, я устрою. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 25-е.

Ѳедоръ Иванычъ, три мужика, Таня и швейцаръ.

1-й муж. Какъ же, почтенный, полученіе суммы теперича?

2-й муж. Отпусти ты насъ.

3-й муж. (*мнется съ деньгами*). Ка-бы знать, я ни въ жизть не взялся бы. Это засушитъ хуже лихой болѣсти.

Ѳед. Иван. (*швейцару*). Проводи ихъ ко мнѣ, тамъ и счеты есть. Тамъ и получу. Идите, идите.

Швейц. Пойдемте, пойдемте.

Өед. Ивзн. Да благодарите Таню. Ка-бы не она, быть бы вамъ безъ земли.

1-й муж. Двистительно, какъ издѣлала предлогъ, такъ и въ дѣйствіе произвела.

3-й муж. Она насъ людьми издѣлала; а то бы что?—земля малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. Прощевай, умница! Пріѣдешь на село, приходи медъ ѣсть.

2-й муж. Дай домой пріѣду, свадьбу готовить стану, пиво варить. Только пріѣзжай.

Таня. Пріѣду, пріѣду! (*Визжитъ*) Семёнъ, то-то хорошо-то!

(*Мужики уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 26-е.

Өедоръ Иванычъ, Таня и Семенъ.

Өед. Иван. Съ Богомъ. Ну, смотри, Таня, когда домкомъ заживешь, я пріѣду къ тебѣ погостить. Примешь?

Таня. Голубчпкъ ты мой, какъ отца роднсго примемъ!

(*Обнимаетъ и цѣлуетъ его.*)

Занавѣсъ.

Конецъ.

